ФАНТАСТЫ XX ВЕКА

Садок для рептилий

ЧАСТЬ 2

LITRU.RU

Annotation

Двухтомник «Садок для рептилий» — поистине парад звезд популярнейшего у нас жанра научной фантастики. В двухтомнике представлены либо совсем неизвестные отечественному читателю произведения талантливейших англо-американских фантастов, либо только промелькнувшие на страницах газет и журналов.

- САДОК ДЛЯ РЕПТИЛИЙ
  -
  - Майкл Коуни
  - Фредерик Пол
  - Альфред Бестер
  - Джералд Керш
  - Ллойд Биггл-младший
  - Уильям Ф. Нолан
  - Пол Андерсон
  - БЫТЬ ЦАРЕМ
  - DELENDA EST[1]
  - Уильям Гроув
- notes
  - 1
  - 2

САДОК ДЛЯ РЕПТИЛИЙ
Часть II
Составители В.Кравченко и В.Терентьев
Двухтомник англо-американской фантастики

ФАНТАСТЫ XX ВЕКА

Научная фантастика США и Англии

Часть I

Минск

ТВОРЧЕСКО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ЦЕНТР «ПОЛИФАКТ»

ИЗДАТЕЛЬСКО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОЕ АГЕНТСТВО «ПАБЛИСИТИ»

1991

Перевод с английского

Майкл Коуни
СИМБИОНТ (Пер. с англ. А.Корженевского)

Перевалив за гребень холма, Джо поднял голову и посмотрел вперед. Дальше путь пролегал по самому берегу врезавшегося в сушу небольшого залива. Черные тучи над горизонтом уже наполовину скрыли солнце. Серое неуютное море предвещало шторм. Становилось холодно и сыро. А идти еще долго: к ночи надо добраться до следующей деревни.

Джо устал, и чинто, сидевший у него на плечах, казался непомерно тяжелым. Тот обвил его шею тонкими ножками и крепко держался за голову, вцепившись в волосы длинными пальцами. Джо привык носить чинто. Сколько он себя помнил, они всегда были вместе. Хотя память у него не очень… Смутно он понимал, что чинто с ним уже давно, но вот что было раньше?.. Не вспоминается…

— Ту… — позвал он и показал рукой на него, пытаясь сообразить, как сказать, что уже темнеет, что он устал, и что скоро будет шторм.

— Надо торопиться, Джо. Ты должен идти быстрее, — отозвался чинто мягким голосом.

Джо промолчал. Тяжело… Чинто тяжелый. Болят плечи… Он вспомнил девушку и почувствовал глухую тревогу. Это случилось вчера… Или позавчера… Ее мягкие черные волосы доставали почти до пояса. Из-за них даже не было видно ног ее чинто.

Она ему понравилась. И он ей, наверное, тоже. Но Ту отказался останавливаться. Джо хорошо это помнил. Пока они с девушкой держались за руки и смотрели друг на друга, Ту говорил с ее чинто. Потом сказал, что надо идти. И они опять пошли…

Тропа стала круче, спускаясь все ближе к морю между обветренными шершавыми скалами. Цепляясь за камни, Джо медленно двигался вниз.

— Осторожно! — Ту еще крепче сжал его шею слабыми ножками.

Джо и так знал, что надо идти осторожно. Ведь, если он вдруг упадет, чинто может удариться головой. А если Ту умрет, что тогда будет с Джо?

Неожиданно он замер и вцепился в обломок скалы, увязнув босыми ногами в мягкой глине.

— Что случилось, Джо? Почему ты остановился? — тут же спросил чинто у него над ухом.

Джо мотнул головой вперед, не решаясь оторвать руки от опоры. Страх почти лишил его дара речи, и он только прохрипел:

— Вон там…

В пяти шагах от них, прямо посередине узкой тропы лежала маленькая желто-зеленая змейка. Яркие, словно драгоценные камни, глаза ее горели опасностью. Змея шевельнулась, подняла плоскую голову, мелькнул раздвоенный язык. Каким-то звериным инстинктом Джо почувствовал, что она рассержена, потому что не может выбраться на сухую землю, и готова жалить, убивать…

Небо стало еще темнее. В скалах задышал, забормотал ветер. Первые тяжелые капли дождя упали на землю.

— Камень, Джо. Возьми камень. Кинь в змею. Убей ее. Тогда мы сможем пройти. Если ты убьешь ее, она не ужалит.

Страх подстегнул его. Джо скинул с себя оцепенение и наконец понял, что от него требуется. Он вытащил из глины камень и бросил. Промахнулся. Змея зашипела и, изгибаясь, поползла к нему.

— Еще раз, Джо! То же самое!

Теперь он подхватил большой обломок скалы, поднял его над головой так, что чинто испуганно отшатнулся, и изб всех сил швырнул на землю всего в шаге от себя. Торчащий из-под камня хвост змеи несколько раз слабо дернулся и затих.

— Мы можем идти. Торопись.

Все еще дрожа от возбуждения, Джо двинулся сквозь дождь вниз по холму.

***

Когда-то, много веков назад, когда чинто только привезли с одной из планет, они сразу стали популярны у людей. Шли годы, чинто стало больше, и постепенно они из символа достатка превратились просто во всеобщих любимцев. Потом возник обычай дарить чинто ребенку на четырнадцатилетие. Вскоре чинто появился у каждого. Хозяева сажали их на плечи, и чинто бывали везде, где бывали хозяева. Чинто прижились на Земле.

Но маленькие и ленивые чинто были разумными существами.

Человек больше и сильнее чинто. Ему доставляли удовольствие физические усилия. Ну а думать много не приходилось. Жизнь налажена, обо всем заботятся компьютеры.

Думать — лишнее. И, кроме того, рядом всегда чинто, готовые объяснить, предложить, придумать, посоветовать. Просто носи его с собой, и он всегда поможет.

Чинто это тоже устраивало: зачем ходить, когда тебя носят? И совсем скоро, всего через несколько веков, их ножки атрофировались. Зато мозг значительно увеличился.

И удобство стало необходимостью. Человек почти отвык думать. Чинто едва могли передвигаться без посторонней помощи.

Может быть, так и должно случаться, когда эволюция переваливает через вершину? Когда машины берут на себя все заботы, и ни о чем не надо думать. Просто ли случайность, что люди нашли чинто? Что привело к чинто человека, когда он еще молодой и полный сил искал братьев среди звезд? Может, не сознавая того, он уже подбирал компаньона для старости, для того времени, когда останется на Земле со своими экранами, играми и роботами, которые обо всем позаботятся?

Может быть. И теперь человек, совсем непохожий на того, который летал к звездам, хоть на время обезопасил себе закат. Машины постепенно ломались, и никто их не чинил. Население сократилось, и у каждого была своя работа, если он этого хотел. Чинто заботились, чтобы он хотел.

Человечество превратилось в незатейливую сельскую цивилизацию. Жаль только, что человек играл в ней роль деревенского дурачка…

***

Когда кончились скалы, тропа начала плутать через кустарник. Ветер крепчал, разнося по прибрежным холмам соленые брызги. Джо весь промок, одежда прилипала к телу.

— Налево, я думаю, — сказал чинто, когда они добрались до железных ворот. Джо отворил створку, они прошли за забор, и ветер с лязгом захлопнул за ними ворота. Идти по ровному, хотя и совсем растрескавшемуся асфальту, было гораздо легче.

— Стоять! — раздался резкий голос из придорожного навеса, В полутьме появилось блестящее квадратное лицо со стекающими по нему каплями дождя.

— Куда направляетесь? Имя? Документы? — существо протянуло вперед металлическую руку.

— Не беспокойся, Джо. Вперед! — чинто чуть передвинулся у

него на плечах. — Это осталось от прошлого. Я думаю, не так уж много людей пользуются дорогой. Может быть, только такие же учетчики, как мы.

— Остановитесь! — робот выскочил на середину. — Повторяю. Немедленно остановитесь! Ваши документы!

— Я… Мы… — Джо хотел что-то сказать, почувствовав смутную угрозу, но спокойствие Ту его обнадежило.

— Остановитесь, или я открою огонь!

— Не останавливайся, Джо.

Робот подошел к навесу, достал из гнезда в стене микрофон и стал докладывать монотонным голосом:

— Человек не выполнил приказа остановиться. Человек находится в запретной зоне. Я должен стрелять.

Провод от микрофона тянулся к верхушке столба у дороги и дальше опять падал на асфальт. Джо переступил через его истертый конец и пошел вперед.

— Последнее предупреждение! Стреляю! — гремел позади металлический голос. Джо обернулся.

Робот держал в руках автоматическую винтовку. Его палец надавил на спуск, но выстрела не последовало: патронник был пуст уже долгие годы. Проржавевший спусковой крючок отломился и, жалобно звякнув, упал на мокрый асфальт.

Джо двинулся дальше. Робот остался стоять в нерешительности под дождем. Подобные напоминания о былой машинной эре встречались теперь довольно редко, и Джо чувствовал к Ту благодарность за то, что он знает, как надо вести себя в таких ситуациях.

Тропа опять свернула к морю, но теперь по обеим сторонам дороги высились деревья. Ветер обрывал с них мокрые листья и швырял в лицо. Джо сгорбился и втянул голову в плечи. Ту прижался к нему, стараясь спрятаться за его низко опущенной головой.

— Вот туда, Джо, где дорога подходит к морю. Там должна быть деревня. Нас пустят переночевать, — Ту с трудом перекричал ветер.

— Хорошо, — ответил Джо.

Вдруг ему показалось, что впереди что-то движется, и он остановился настороженно. Из темноты, размахивая руками, вынырнул задыхающийся от бега человек. Лет пятидесяти, худой. И без чинто. От волнения он никак не мог сказать что-нибудь вразумительное и только молча открывал рот.

— Мы Джо-и-Ту, — по привычке представился Джо.

— Мы… — человек затравленно оглянулся вокруг. — Мы… — взгляд его блуждал, на лице появилось выражение боли и

опустошенности. Он ощупал руками плечи, шею. — Мы…

— Твой чинто пропал, — подтвердил очевидное Джо.

— Да… да… Деревня… Шторм… Большие волны… Нам… Нужна помощь. Мы… — выражение его лица стало панически испуганным. Он бросился мимо Джо вверх по дороге и скрылся в мокрой темноте.

«У нее были длинные черные волосы и зеленые глаза. Она подняла руку и откинула прядь волос за спину…»

— Джо! О чем ты думаешь? Надо быстрее добраться до деревни. Ты так и будешь стоять под дождем?

— Хорошо, — Джо двинулся по дороге, все еще удивляясь четкости видения. Как будто она была здесь, совсем рядом.

В деревне царила полная неразбериха. Люди метались из стороны в сторону, чинто наставляли и приказывали. Испуганные крики людей и писк чинто перекрывали порой даже рев разбивающихся о берег волн и завывание ветра.

— Иди сюда. Нам нужна помощь, — рядом с Джо появился мужчина. Его чинто отпустил голову хозяина и показал рукой в сторону берега. — Там нужны люди.

Вдоль побережья под высокой черной скалой растянулась цепочка людей. Чинто стояли большой группой на каменистом возвышении посреди обломков и руководили работой, передавая инструкции высокому мужчине с сильным голосом.

Джо осторожно снял Ту и поставил на камень рядом с другими чинто. Затем встал в цепочку. Камень, на котором стояли чинто, чем-то задержал его взгляд, и через несколько секунд он понял, что это обломок разрушенного дома. Под ногами хлюпала вода. Слева передали кресло. Джо автоматически отдал его стоящему справа. Затем кипу мокрого плещущегося на ветру постельного белья.

Один, без Ту, посреди таких же растерянных людей, как он, Джо постепенно почувствовал какое-то странное ощущение беспокойства. Впрочем, скорее это было не беспокойство, а любопытство. Что происходит? Почему они передают куда-то вещи? Зачем?

Он незаметно вышел из цепочки и, повинуясь охватившему его чувству, побрел по берегу, скользя по мокрой гальке. Так он добрался до хорошо освещенного места, где люди под руководством чинто растаскивали бревна, доставали уцелевшую мебель и домашнюю утварь из-под обломков дома и передавали все это первому стоящему в цепи.

Разрушенный дом… Здесь упал обломок скалы, похоронив под собой несколько зданий. Раскатившиеся каменные глыбы и бревна валялись по всему берегу. Джо стало интересно, что с

домами, расположенными за скалой. Бездумно он подобрал фонарь и пошел в ту сторону, неловко пробираясь через обломки камней. Перебравшись на противоположную сторону завала, он задумался и сел. Где-то над головой раздавались голоса чинто: «Группа крови… Коэффициент умственных способностей… Генотип…» Едва понятные для Джо слова. Он и не старался понять,

Когда он вернулся, шум волн стал еще громче. Дождь и соленые брызги жалили неумолимо. Но чего-то в шуме прибоя недоставало. Джо потряс головой. Не слышно голосов… Как долго он сидел под дождем?

Джо добрался до разрушенного дома. Ни людей, ни чин-то… Лишь обломки мебели и обрывки тряпок валялись на мокрой земле. Джо испугался и закричал:

— Ту! Ту-у-у!

Ту никогда не бросит его. Ту ждет где-то на берегу. На том большом камне вместе с остальными чинто. Сейчас Джо его найдет, посадит на плечи, и они пойдут к следующей деревне. Как всегда, вместе.

Всхлипывая, он бежал по берегу. Где же тот камень?.. Вот здесь… О, господи! Только не это…

Прямо перед ним, уходя в черноту неба, возвышалась целая гора камня, щебенки, кусков дерна. Джо поднял фонарь над головой, но слабый свет не позволял разглядеть вершину. Подточенная волнами скала наконец не выдержала и рухнула, раскатившись лавиной до самой воды. Джо выронил фонарь и, ничего не соображая, бросился на груду камней, разбрасывая в исступлении обломки, крича от боли и одиночества:

— Ту-у-у! Ту-у-у!

… Болезненно яркий дневной свет медленно вытащил его из забытья. Холод сковал тело, и Джо с трудом пошевелился, огляделся вокруг и поднялся на ноги. Он дрожал, руки нестерпимо болели. Прямо перед ним возвышалась огромная груда камня. Внезапно он вспомнил, и с памятью вернулось чувство одиночества и непереносимой утраты.

Где-то там под обломками лежал Ту, который был его компаньоном и поводырем многие годы, без которого он останется совсем один. Джо долго стоял, не в силах двинутся с места.

Медленно он побрел по берегу. Что-то Ту говорил о таком случае? Что-то он говорил своим мягким голосом много раз, наклоняясь к самому уху Джо?

«Если что-нибудь со мной случится, Джо, если я вдруг умру, или ты останешься один из-за какого-нибудь несчастного

случая… Джо, тебе нужно будет обратиться в ближайший Центр. Там тебе помогут».

Джо сердился, когда Ту говорил так. Не хотелось даже думать об этом. Но слова остались в памяти.

Он стал подниматься по тропе в гору, чувствуя какую-то непривычную легкость: не было обычного груза на плечах.

«Обратиться в ближайший Центр…»

Где может быть ближайший Центр?

Ведь они с Ту заходили в Центр много раз, бывая в прибрежных деревнях. Значит, надо идти обратно. Так, чтобы море оставалось справа.

Когда-то Ту говорил: «Ты не должен относиться ко мне плохо, Джо. Не думай, что я обуза и тебе будет лучше без меня. Я признаю, что не могу без тебя передвигаться, потому что мои ноги почти не ходят. Зато я могу думать, Джо, а значит, я тебе нужен. Люди уже не могут думать так ясно, как раньше».

Позже, когда солнце поднялось высоко и стало жарко, Джо уже просто шел, ни о чем не думая. Он не сразу обратил внимание, что кто-то кричит. Высокий, отчаянный голос. Джо пошел быстрее.

Перевалив через вершину холма, он остановился в нерешительности. В низине копошилась группа людей. Просто людей, без чинто. Они бестолково суетились, толкались. Джо подбежал и тронул ближайшего мужчину за плечо. Тот обернулся.

— Что?.. — спросил Джо, показывая рукой на толпу. Мужчина непонимающе посмотрел на него.

— Что там происходит? — переспросил Джо, сделав сознательную попытку пояснить, что его интересует.

— Ты… Тоже один… — пробормотал мужчина. — Там… Скала упала… Было темно… Все наши чинто…

— А что происходит здесь?

Мужчина вдруг улыбнулся, и паническое выражение в его глазах уступило место надежде, когда он с благоговением произнес одно единственное слово: «чинто».

Толпа расступилась. Слегка помятого чинто подняли над головами и посадили на плечи самому высокому мужчине. Люди быстро двинулись прочь. Чинто, вращая глазами, с тревогой оглядывался назад и пищал жалобно и тонко: «Ширли! Ширли-и-и!» Джо посмотрел им вслед, потом склонился над девушкой, лежащей без движения на жесткой траве.

Сердце его стучало, он чувствовал какую-то слабость внутри и нерешительность. Девушка лежала перед ним маленькая, беспомощная, в разорванной рубашке… Самая прекрасная

девушка, которую Джо когда-либо видел.

Она открыла глаза, но еще не заметила его. Взгляд, обращенный в себя, лицо, искаженное болью… Она застонала тихо, и Джо, неумело пытаясь произнести что-то успокаивающее, положил руку ей на талию. Должно быть, она почувствовала прикосновение. Глаза ее прояснились и остановились на нем, отражая удивление и узнавание сразу. Девушка попыталась встать.

— Не шевелись, — произнес Джо. — Полежи немного. Что случилось?

Она начала рассказывать, и Джо вдруг показалось, что он опять с Ту, так ясно и отчетливо он все понимал. По сравнению с невразумительными репликами, которые обычно издают люди, речь ее казалась особенно плавной и внятной.

— Они отобрали у меня чинто. Ее звали Эль, и мы очень хорошо ладили друг с другом. Когда мы поднимались на холм, они встретились нам целой толпой. Они хотели, чтобы мы отвели их в город, но Эль сказала, что мы не можем, так как у нас важное дело. Они были сильно напуганы, и все смотрели на чинто и не уходили. А потом один из них вдруг схватил чин-то, и они накинулись на нас все сразу.

— Очень жаль… — пробормотал Джо. Ему хотелось сказать что-нибудь вроде «Все в порядке» или " Не беспокойся, я позабочусь о тебе». Но как-то это казалось неправильным, потому что он понимал, что девушка не такая, как другие люди. Она умная, она хорошо говорит. Она даже может обойтись без чинто.

— Что мы будем делать? — спросил он вместо этого жалобно.

Она поднялась с легким стоном, но все равно грациозно. Почему-то она выглядела без чинто совершенно естественно.

Джо почувствовал себя неловко и даже как-то стыдился, что он без чинто, она же стояла так, как будто даже привыкла быть одна.

— Дальше по этой дороге есть заброшенный дом, — сказала она, поразив Джо отличной памятью. — Пойдем туда. Разведем огонь и останемся на ночь. Уже поздно идти куда-нибудь еще.

— Хорошо, — согласился Джо.

Они пошли неторопливо, и Джо с удивлением обнаружил в своей руке ее маленькую ладошку.

— Куда вы шли? — спросил Джо.

Она смешалась, и на секунду, казалось, привычное самообладание покинуло ее. Затем повернула к нему лицо.

— Ты… помнишь меня, Джо? Помнишь, мы встречались раньше?

— Я помню, Ширли.

Она улыбнулась и взяла его за руку.

— Хорошо. Я думала… Люди забывают так быстро. Я думала, что делаю глупости.

— Почему?

— Потому что мы тебя искали, Джо. Эль и я хотели тебя найти.

— Искали нас? — переспросил Джо непонимающе.

— Нет. Не тебя и Ту. Нам нужен был только ты.

— Я?

— Да. Слушай внимательно, Джо. Я тебе все расскажу. Чинто всегда обо мне хорошо заботились. Очень хорошо. У меня их было несколько, и они время от времени менялись. Эль была последней, но они все меня учили разным вещам, заставляли делать все самой. Они говорили, что я сообразительней, чем большинство людей. Мой коэффициент 118.

Джо кивнул. Ту когда-то упоминал его, Джо, коэффициент. С гордостью он сообщал всем, что у Джо — 86. Должно быть, 118 означает, что Ширли очень умная.

— Они говорили, — продолжала Ширли, — что я — надежда человечества. Они чувствовали себя виноватыми из-за того, что люди разучились думать. В тот день, когда мы в первый раз встретились — это было позавчера, ты помнишь? — я сказала: «Эль, он мне нравится». Потом мы вернулись домой, Эль достала таблицы и вдруг начала быстро-быстро трещать — ну знаешь, как они говорят, когда волнуются? Она сказала про какие-то генетические коды, и что мы подходим друг другу. А потом добавила, что мы должны тебя найти. Я даже не поверила. Мы сразу же и отправились, Эль только письмо в Центр написала. Представляешь? Про нас письмо!

— Что мы будем делать завтра? — спросил Джо, осознав вдруг, что уже несколько часов он даже не вспоминал про Ту.

Ширли печально улыбнулась. Джо не понял. До него дошло, что они могут быть вместе какое-то время, и все. Он не понял, что у них может появиться ребенок, у которого есть шанс стать началом нового витка цивилизации, где человек будет играть такую же важную роль, как раньше. И, может быть, сейчас нет смысла объяснять. Он даже ее не слушает, просто смотрит преданными, обожающими глазами, не представляя ее иначе, как временную подругу, очевидно, даже не понимая, что такое постоянство.

Но, как ни странно, она тоже успела его полюбить.

— Что мы будем делать завтра? — переспросил Джо. Далеко в будущее он заглянуть не может, но, по крайней мере, он думает о завтрашнем дне. Может быть, ей удастся удержать его какое-то

время, неделю, две… Пока их не найдут. Отсюда больше пяти миль до ближайшей деревни.

— Завтра? — она улыбнулась и поцеловала его в щеку. — Завтра я поведу тебя ловить рыбу.

Фредерик Пол
ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ (Пер. с англ. А.Корженевского)

В свой девятый день рождения Тимоти Кларк не получил торта. Весь день он провел в аэропорту в Нью-Йорке. Иногда Тимоти засыпал ненадолго, потом снова просыпался и время от времени тихо плакал от усталости и страха. За весь день он съел всего несколько засохших бутербродов из передвижного буфета; кроме того, его ужасно смущало, что он намочил штаны. Пробраться к туалетам через забитый беженцами зал было просто невозможно. Почти три тысячи человек толкались в зале, и все прибыли сюда с одной только мыслью: скрыться! Забраться на самую высокую гору. Бежать! Спрятаться!..

Они боялись. Даже у тех немногих, кому удалось пробиться на самолет и взлететь, не было никакой уверенности в том, что они смогут укрыться от опасности, когда они попадут туда, куда отправляется самолет. Матери расставались с детьми, они запихивали своих кричащих младенцев на борт самолета и таяли в толпе, где начинали рыдать столь же безутешно.

Поскольку приказа о запуске ракет еще не поступило (по крайней мере такого приказа, о котором было бы известно массам), время, чтобы бежать, еще оставалось. Совсем немного времени. Ровно столько, чтобы перепуганные люди заполнили до отказа аэропорты везде, где только можно. Ни у кого не оставалось сомнений, что ракеты вот-вот полетят. Попытка свергнуть правительство Кубы стала отправной точкой бешеного прорыва враждебности. Никто не знал подробностей, но все знали, что одна подводная лодка атаковала другую ракетой с ядерной боеголовкой. Это, по общему мнению, служило сигналом того, что ближайшие события могут стать последними.

Тимоти мало что знал о происходящих в мире событиях, но даже если бы ему было о них известно, что бы он стал делать? Плакать? Просыпаться от кошмарных снов? Мочить штаны? Он не знал, где его отец. Он не знал, где его мама, которая отошла на минутку, чтобы попробовать дозвониться папе, после чего вдруг объявили посадку сразу в три «Боинга», и огромная толпа просто смела Тимоти, унеся его далеко от того места, где он ждал маму. Он не помнил этого места. Даже если бы и помнил, вряд ли сумел бы пройти сквозь такую густую толпу. Он не знал, что ему делать, и теперь лишь боялся потерять такое удобное место у стены, где

можно даже поспать, не опасаясь, что на тебя наступят. Но это было не все. Мокрый и уже простывший Тимоти чувствовал себя все хуже и хуже. Молодая женщина, которая была рядом и купила для него бутерброды, увидела его вялость и горящее лицо, приложила свою руку к его лбу и беспомощно опустила. Мальчику нужен был врач. Но врач нужен был еще, может быть, сотне других беженцев, престарелым людям с больным сердцем, голодным детям и двум женщинам, собирающимся рожать.

Если бы этот ужас закончился и лихорадочные попытки правительственных переговоров, которые наверняка сейчас шли, увенчались успехом, Тимоти, наверно, нашел бы своих родителей. Он мог бы вырасти, жениться и через несколько лет подарить им внука. Но кто сейчас предугадает его судьбу? Если бы немного раньше его мать толкалась чуть сильнее, Тимоти попал бы в самолет, который достиг Питтсбурга как раз в тот момент, когда там все начало превращаться в плазму. Но мать не смогла растолкать толпу, и Тимоти остался жив, по крайней мере, до сего момента.

Поскольку Гарри Малиберт собирался в Портсмут на семинар Британского Межпланетного Общества, он находился уже в аэропорту и потягивал мартини, когда телевизор у стойки бара вдруг привлек всеобщее внимание. А обычно его не замечали.

Люди давно привыкли к глупым проверкам коммуникационных систем на случай ядерной атаки. Эти проверки время от времени проводят радиостанции, но на этот раз… На этот раз, похоже, речь шла о серьезных событиях! На этот раз говорили всерьез! Из-за непогоды рейс Малиберта отложили, но еще до того момента, когда истек срок задержки вылета, власти запретили вообще все полеты. Ни один самолет не покинет аэропорт Кеннеди в Нью-Йорке!

И почти сразу же зал аэропорта стал наполняться потенциальными беженцами. Люди все прибывали и прибывали. Вскоре Малиберт оказался втиснутым в маленький закуток бара. Там его и узнал один из членов администрации аэропорта.

— Вы — Гарри Малиберт, — сказал он. — Я однажды был на вашей лекции в Нортвестерне.

Малиберт кивнул. Обычно, когда кто-то обращался к нему подобным образом, он вежливо отвечал: «Надеюсь, вам понравилась лекция». Но на этот раз нормальная вежливость как-то не казалась уместной. Или даже нормальной.

— Вы тогда показывали слайды Аресибо, — вспоминая, произнес мужчина. — И говорили, что этот радиотелескоп способен передать сообщение хоть до туманности Андромеды, на целых два миллиона световых лет… Если только там окажется

такой же хороший принимающий радиотелескоп.

— А вы неплохо все запомнили, — удивленно сказал Малиберт.

— Вы произвели сильное впечатление. Это замечательная идея — использовать большие телескопы для поисков сигналов других цивилизаций. Может быть, мы кого-нибудь услышим, может, установим контакт и уже не будем одни во Вселенной. И вы заставили меня задуматься: почему к нам до сих пор никто не прилетел? Почему мы до сих пор не получили ни от кого весточки? Хотя теперь, — добавил он с горечью, взглянув на выстроенные в ряд охраняемые самолеты и ни толпу внутри, — теперь, кажется, уже понятно почему.

Малиберт смотрел, как он удаляется, медленно пробиваясь сквозь людей, ждущих посадки на любой, первый попавшийся самолет, и сердце его наливалось тяжестью. Занятие, которому он посвятил всю свою профессиональную жизнь — Поиск Инопланетного Разума, — потеряло, похоже, всякий смысл. Если упадут бомбы — а все говорят, что они вот-вот должны упасть, — тогда Поиск Инопланетного Разума очень долго никого не будет интересовать. Если вообще будет…

В конце бара загомонили. Малиберт обернулся и, облокотившись о стойку, взглянул на телевизор. Кадр с надписью «Пожалуйста, ждите сообщений» исчез, и вместо него на экране появилась молодая темнолицая женщина. Дрожащим голосом она зачитала сводку новостей:

— … Президент подтвердил, что против США началась ядерная атака. Над Арктикой обнаружены приближающиеся ракеты. Всем приказано искать укрытия и оставаться там до получения дальнейших сообщений…

«Да. Все кончено, — подумал Малиберт. — Если не навсегда, то, по крайней мере, на очень долгий срок».

Удивительно было то, что новость о начале войны ничего не изменила. Никто не закричал, не впал в истерику. Приказ искать укрытие не имел никакого смысла в аэропорту Джона Кеннеди, где не имелось никакого убежища за исключением стен самого здания. Малиберт ясно представил себе необычную в аэродинамическом отношении крышу аэропорта и понял, что любой небольшой взрыв где-нибудь неподалеку снесет ее начисто и швырнет через залив. Устоят ли стены — тоже сомнительно.

Но деваться было некуда.

Передвижные группы телеоператоров все еще работали, одному Богу известно, зачем. Телевизор показывал толпы на Таймс-сквере, застывшие автомобили в заторе на мосту Вашингтона, водителей, бросающих свои машины и бегущих в

сторону Джерси. Сотни людей в аэропорту вытягивали шеи, пытаясь через головы разглядеть экран, но все молчали: лишь изредка кто-нибудь называл знакомую улицу или здание.

Потом раздался властный голос:

— Я прошу всех подвинуться! Нам нужно место! И кто-нибудь помогите нам с пациентами!

Это, по крайней мере, могло принести какую-то пользу. Малиберт сразу же вызвался, и ему поручили маленького мальчика. Тот стучал зубами от холода, но лоб его горел.

— Ему дали тетрациклин, — сказал врач. — Если сумеете, его нужно переодеть, хорошо? С ним все будет в порядке, если…

«Если с нами все будет в порядке», — подумал Малиберт, заканчивая за него предложение. Что значит — переодеть? Во что он может переодеть мальчика? Малиберт снял с него намокшие джинсы и трусики, достал из кейса свои собственные спортивные трусы и натянул их на мальчишку чуть не до подмышек. Затем Малиберт разыскал под стойкой ворох бумажных полотенец и, как сумел, отжал джинсы. Худо ли, бедно, но через десять минут, когда он надел их на мальчика, джинсы все-таки стали посуше.

По телевизору передали, что прекратились передачи и связь с Сан-Франциско.

Малиберт заметил, что сквозь толпу к нему пробирается тот самый мужчина из администрации аэропорта.

— Я могу вытащить вас отсюда, — прошептал нежданный спаситель. — Сейчас загружается исландский ДС-8. Никакого объявления не будет — если объявить, охрану просто сомнут. Для вас, доктор Малиберт, есть одно место.

Малиберта словно ударили током. Он задрожал и, сам не зная почему, спросил:

— Могу я вместо себя посадить мальчика?

— Возьмите его с собой, — несколько раздраженно ответил мужчина. — Я не знал, что у вас есть сын.

— У меня нет сына, — сказал Малиберт. Но сказал очень тихо.

Когда они оказались в самолете, он посадил мальчишку на колени и обнял его так нежно, словно держал собственного ребенка.

Во всем мире была паника. Люди прекрасно понимали, что их жизни в опасности. Что-то надо было делать, что угодно — бежать, прятаться, окапываться, запасаться продовольствием… Молиться. Городские жители пытались выбраться из огромных городов в безопасность открытых пространств. Фермеры и жители пригородов, наоборот, рвались в город, где, по их мнению, должны быть бетонные подвалы…

И ракеты упали.

Бомбы, что сожгли Хиросиму и Нагасаки, были словно спички по сравнению с теми вспышками, что унесли в первые часы восемьдесят миллионов жизней. Бушующее пламя на сотни метров взвилось над городами. Ветер, превратившись в ураган, подхватывал бывшие машины, бывших людей, бывшие здания и все это пеплом поднимал в небо. Мельчайшие капли расплавленного камня и пыль зависли в воздухе.

Небо потемнело.

Затем оно стало еще темнее.

Когда исландский самолет, успевший до бомбежки вырваться к океану, приземлился в своей стране, в аэропорту Кефлавик, Малиберт вынес мальчика на руках и по крытому проходу направился к стойке с табличкой «Иммиграция». Здесь собралась длинная очередь, поскольку у большинства пассажиров вообще не оказалось паспортов. К тому времени, когда подошла очередь Малиберта, женщина за стойкой уже устала выписывать временные разрешения на въезд в страну.

— Это мой сын, — солгал Малиберт. — Его документы у моей жены, но я не знаю, где она.

Женщина утомленно кивнула, пожала плечами и пропустила их.

Лоб у мальчика по-прежнему горел, глаза были полузакрыты, и Малиберт думал только о том, чтобы как можно скорее добрался до детского врача.

В автобусе девушка-гид с английским языком, которой поручили группу прибывших, села с микрофоном на подлокотник сиденья в первом ряду кресел.

— Чикаго? Чикаго нет? И Детройта, и Питсбурга? Нью-Йорк? Нью-Йорка нет? — произнесла она, и вдруг по щекам ее покатились крупные слезы, отчего Тимоти тоже заплакал.

— Не волнуйся, Тимоти, — сказал Малиберт, прижимая его к себе; в полете он узнал имя мальчика. — Никому не придет в голову бомбить Рейкьявик.

И никому не пришло бы. Но когда автобус отъехал от аэропорта всего миль десять, облака впереди неожиданно полыхнули настолько ярко, что все пассажиры зажмурились. База, маленькая авиабаза в Кефлавике — она тоже была военным объектом…

К несчастью, радиация и другие помехи к тому времени сильно ослабили точность наведения ракет. Малиберт оказался прав: никому не пришло в голову специально бомбить Рейкьявик, но ошибка в сорок миль сделала свое дело, и город перестал существовать.

Чтобы избежать пожаров и радиации, они объехали Рейкьявик по широкой дуге. И когда в их первый день в Исландии настало время рассвета, Малиберт, задремавший было у постели Тимоти после того, как медсестра накачала мальчишку антибиотиками, увидел жуткий кровавый свет зари. На это стоило посмотреть, тем более что в последующие дни рассвета никто больше не видел.

Хуже всего была темнота, но поначалу это не казалось таким уж важным. Важнее оказался дождь. Мириады частичек пыли, сажи сконденсировали водяной пар. Образовались капли. Полил дождь. Потоки, моря воды с неба. Реки переполнились. Миссисипи вышла из берегов, и Ганг, и Желтая река. Асуанская плотина сначала держалась, пропуская воду через края, но потом рухнула. Дожди шли даже там, где их никогда не было. Сахара познала наводнение. В Китае десятилетняя норма осадков пролилась за неделю, и водой догола смыло плодородную почву.

А темнота не уходила.

Человечество всегда жило, на 80 дней опережая голод: именно на такой срок можно растянуть суммарные запасы продовольствия всей планеты. И человечество вступило в ядерную зиму, имея запасов ровно на 80 дней.

Ракеты полетели 11 июня. Если бы склады располагались по всему миру равномерно, то к 30 августа человечество съело бы последние крохи. Люди начали бы умирать от голода и умерли бы все недель через шесть.

Однако склады расположены неравномерно…

Северное полушарие катастрофа застала в начале лета. Поля были засеяны, но посевы еще не вызрели. Молодые растения тянулись в поисках света, но не находили его и умирали. Солнце заслоняли плотные облака пыли, взметенной термоядерными взрывами.

И в июне пришла зима. Точнее, начался ледниковый период.

Конечно, горы продуктов хранились в богатых странах Северной Америки и Европы. Но продукты быстро таяли. Коровы, свиньи, овцы, козы и лошади, кролики и куры, даже котята и хомяки — они все равно были обречены и потому стали пищей, чтобы подольше сохранить консервы.

Первыми ощутили голод города. Когда вооруженные солдаты и банды стали искать продовольствие, в городах начались погромы, принесшие новую волну смертей. Агония не заняла много времени. К концу календарного лета застывшие останки городов стали похожими друг на друга. В каждом из них выжило немного людей, преимущественно головорезов, денно и нощно охраняющих свои сокровищницы с консервированной, сушеной

или замороженной пищей.

Все реки мира от истоков до устий заполнились жидкой грязью; умерли последние деревья и травы, перестав удерживать землю своими корнями, и дождь смывал грязь в реки. Вскоре дожди превратились в снегопады.

Мороз и голод довершали то, что начали бомбы.

Смерть.

Сорок дней и сорок ночей падал с неба дождь, а потом пошел снег. Температура тоже падала. Начал замерзать океан.

С удивлением и облегчением Гарри Малиберт обнаружил, что Исландия неплохо переносила испытания. Благодаря своему вулканическому происхождению она смогла выжить, когда во многих других странах люди погибли от голода.

Власти определили Малиберта на работу сразу же, как только узнали, кто он такой. Разумеется, в специалисте по радиоастрономии, интересующемся проблемами контактов с далекими (и весьма возможно, несуществующими) цивилизациями, нужды не было. Зато нашлось много работы для человека с хорошей научной подготовкой, квалифицированного инженера, руководившего в течение двух лет обсерваторией Аресибо. Когда Малиберт не выхаживал Тимоти, медленно, молчаливо справляющегося с пневмонией, он занимался тем, что рассчитывал потери тепла и необходимые скорости прокачки геотермальных вод по трубам.

Почти все дома в Исландии обогреваются водой из кипящих подземных ключей. Тепла предостаточно. Но доставить это тепло из долин гейзеров в дома не так просто. Горячая вода оставалась такой же горячей, поскольку ее температура совсем не зависела от поступления солнечной энергии. Но чтобы сохранить в домах тепло при — 80 градусах снаружи, воды требовалось гораздо больше, чем раньше.

В Исландии много геотермальных теплиц. Очень скоро из них исчезли цветы и на их месте появились овощи. Поскольку солнечного света не было, люди перевели на максимальную мощность геотермальные электростанции, а лампы дневного света исправно продолжали освещать стеллажи с растениями. И теперь не только в теплицах. В гимнастических залах, в церквях, в школах — всюду начали выращивать пищу под искусственным светом ярких ламп. Пока хватало и другой пищи. Люди забивали и свежевали овец, затем замораживали туши — чтобы использовать мясо впоследствии. Животные, которые умирали от холода, тоже шли в пищу.

Когда Малиберт не занимался вычислениями, он руководил практическими работами, не прекращавшимися ни в какие

морозы. В ледяных норах землекопы ремонтировали старые трубопроводы и тянули новые. И все постоянно поглядывали на свои радиационные счетчики и на низкое штормовое небо.

Когда Малиберт не выполнял роль технического советника, занятого вопросами обеспечения теплотой Исландии, или роль приемного отца Тимоти, он пытался вычислить шансы на выживание. Не только их — всего человечества. При огромном объеме срочной работы исландцы находили время подумать о будущем и создали исследовательскую группу, в которую помимо Малиберта вошли еще несколько человек: физик из университета в Рейкьявике, уцелевший офицер-снабженец с авиабазы и метролог из Лейденского университета, приехавший в Исландию для изучения североатлантических воздушных масс. Они собирались в комнате, где жили Малиберт и Тимоти, и обычно, пока велись разговоры, мальчик молча сидел рядом с Малибертом.

Больше всего их тревожило, как долго будут висеть в небе пылевые облака. Ведь когда-нибудь все взвешенные в воздухе частицы должны выпасть на землю, и тогда мир может быть возрожден. Если, конечно, выживет достаточное число людей, чтобы возродить новую расу. Но когда? Никто не мог сказать с уверенностью. Никто не знал, сколь долго будет продолжаться это неопределенное состояние.

— Я не знаю, сколько всего мегатонн было взорвано, — сказал Малиберт. — Мы не знаем, какие изменения произошли в атмосфере. Мы не знаем уровня радиации на материке. Мы не знаем уровня радиации в океанах. Мы знаем только, что все плохо.

— Хуже некуда, — проворчал Магнессон, начальник Управления Общественной Безопасности. Совсем недавно это учреждение имело отношение к поимке преступников, но времена, когда главной угрозой общественной безопасности была преступность, уже прошли.

— Будет хуже, — сказал Малиберт.

Действительно, стало хуже. Холода усилились. Радиосообщений из Европы и других территорий Земли поступало все меньше и меньше. Они отмечали на картах сведения о ядерных взрывах. Насколько можно было судить по скупым сообщениям, смертность от холода начала превышать число жертв ядерных бомбардировок. Линия снежного и ледового покрова неудержимо продвигалась к экватору. Холода охватывали всю планету.

Население Британских островов погибло одним из первых. Не потому, что их бомбили, а наоборот: там осталось в живых

слишком много народа. А в Британии никогда не было больших запасов продовольствия, и когда перестали приходить корабли, в стране начался голод. То же самое произошло и с Японией. Чуть позже — на Бермудских и Гавайских островах, потом в островных провинциях Канады. Вслед за ними пришла очередь самого континента.

Тимоти прислушивался каждому слову; Мальчик говорил очень мало. После первых нескольких дней он перестал спрашивать о своих родителях. На добрые вести он не надеялся, а плохих не хотел. С его болезнью Малиберт справился, но Тимоти окончательно не выздоровел. Оживал Тимоти лишь в те редкие минуты, когда Малиберт выкраивал время, чтобы рассказать ему о космосе. Многие в Исландии знали о Гарри Малиберте и Поиске Инопланетного Разума, и некоторых эта проблема волновала почти так же сильно, как самого Гарри. Когда позволяло время, Малиберт и его поклонники собирались вместе: Ларс, почтальон (теперь занятый на вырубке льда, поскольку почты не стало); Ингар, официантка из отеля (теперь она занималась теплоизоляцией жилищ); Эльда, учительница английского (теперь санитарка, основная специальность — обморожения). Приходили и другие, но эти трое присутствовали всегда, когда могли оторваться от дел. Все они читали книги Малиберта и вместе с ним мечтали о радиопосланиях инопланетян откуда-нибудь с Альдебарана или о гигантских кораблях, которые понесут через галактические просторы тысячи людей, отправившихся в путешествие на века. Тимоти слушал и рисовал звездные корабли. Малиберт ему помогал.

— Я разговаривал с Джерри Уэббом, — сказал Гарри. — Джерри разработал детальные планы. Тут все дело в скорости вращения и прочности материалов. Чтобы создать для людей, летящих в корабле, искусственную силу тяжести нужной величины, корабль должен вращаться. Требуемый размер — шестнадцать километров в диаметре. Кроме того, цилиндр должен быть достаточно длинным, чтобы на все хватило места, но не настолько, чтобы динамика вращения вызывала болтанку и изгиб. Длина окружности этой космической баранки — километров шестьдесят. Одна половина для жилья, вторая — для горючего. Еще — двигатель, работающий на основе термоядерного синтеза и толкающий корабль вперед через всю Галактику.

— Термоядерный синтез… — произнес мальчик. — А почему он не расплавит корабль?

— Это уже вопрос для конструктора, — честно признался Малиберт. — Я таких подробностей не знаю. Джерри планировал

зачитать свой доклад в Портсмуте. Поэтому я туда и собрался. Поэтому мы с тобой и встретились.

Семинар в Портсмуте. Как нереально это сейчас выглядело.

— Было бы здорово услышать голос с другой звезды, — сказал вдруг Ларс задумчиво.

— Никаких голосов нет, — заметила Ингар. — А сейчас нет даже наших голосов. И в этом заключается разгадка парадокса Ферми.

Мальчик уже перестал есть и спросил, что это такое. Малиберт объяснил ему как мог.

— Парадокс Ферми… Он назван так в честь ученого Энрико Ферми. Мы знаем, что во Вселенной существует много миллиардов таких звезд, как наше Солнце. А поскольку у Солнца есть планеты, логично предположить, что планеты есть и у других звезд. На одной из наших планет есть жизнь. А раз на свете так много звезд, то наверняка хотя бы часть из них имеет планеты, где живут разумные существа. Люди. Такие же развитые, как мы, или перегнавшие нас. Люди, которые строят космические корабли или посылают радиосигналы к другим звездам так же, как мы. Ты все пока понимаешь, Тимоти?

Мальчик кивнул.

— И вот Ферми задался вопросом: «Почему кто-нибудь из них не навестил нас?»

— Как в кино, — кивнул Тимоти. — Летающие тарелки.

— В кино — выдуманные истории, Тимоти. Разновидность сказок. Может быть, когда-то нашу планету и посещали существа из космоса, но убедительных доказательств тому нет. Я думаю, что доказательства нашлись бы, если бы они сюда действительно прилетали. Должны найтись. Тем более, если таких визитов было много. Однако на Земле не обнаружено пока ничего такого, что бесспорно говорило бы о пришельцах. Поэтому на вопрос Ферми есть только три ответа. Первое: кроме нас, жизни во Вселенной нет. Второе: жизнь есть, но они решили не вступать с нами в контакт, потому что мы, может быть, пугаем их своими жестокими нравами или еще по какой-нибудь другой причине, о которой мы даже не догадываемся. А третий ответ…

Эльда подала знак, но Малиберт покачал головой.

— Третий ответ таков: как только люди доходят в своем развитии до того момента, когда они имеют все, чтобы выйти в космос, то есть когда у них появляется такая развитая технология, как у нас, у них также появляются вес эти жуткие бомбы и другое оружие, с которым они уже не в состоянии справиться. Начинается война, и они убивают друг друга еще до того, как по-настоящему вырастут.

— Как сейчас, — сказал Тимоти и кивнул, чтобы показать, что он все понял.

Мир погрузился в полную темноту. Не стало ни дня, ни ночи, и никто не мог сказать, как долго это продлится. Запасы иссякали, и люди начали ездить к руинам Рейкьявика за медикаментами и продовольствием. К Эльде все больше и больше обращались с признаками радиационной болезни. Однажды из Рейкьявика привезли Тимоти подарок: несколько плиток шоколада и набор открыток из сувенирного киоска, уцелевшего в подземном переходе. Шоколад пришлось поделить, зато открытки все достались ему.

— Ты знаешь, кто это такие? — спросила Эльда. С открыток глядели огромные, приземистые, уродливые мужчины и женщины в костюмах тысячелетней давности. — Это тролли. В Исландии много легенд о том, что здесь когда-то жили тролли. И они все еще здесь, Тимми. По крайней мере, люди так говорят. Многие верят, что горы — это тролли, слишком старые, слишком большие и слишком уставшие, чтобы двигаться.

— Это все выдуманные истории, да? — серьезно спросил мальчик. — Видимо, тролли победили в этой войне.

— Боже, Тимоти!.. — только и произнесла Эльда.

А Малиберт в этот вечер впервые после войны почувствовал себя счастливым, потому что Тимоти в первый раз назвал его папой.

Чем завершить этот рассказ?

В одном из вариантов окончания этой истории солнце вернулось, но слишком поздно. Исландия оказалась последним местом, где люди еще держались, но и в Исландии начался голод. В конце концов, на Земле ни осталось никого, кто умел бы говорить, изобретать машины и читать книги. Первый смутный рассвет никого не застал на Земле, никто не порадовался ему.

Но есть и другой вариант. В этом варианте солнце вернулось вовремя. Может быть, едва-едва успело, но продовольствие еще не иссякло к тому моменту, когда от слабых лучей света в каких-то районах планеты зазеленели растения, выращенные из замерзших или сохраненных людьми семян. В этом варианте Тимоти мог остаться в живых и вырос. В каком мире ему пришлось жить — не возьмемся описывать.

А может быть, настоящее окончание этой истории в том, чтобы она не начиналась? В том, чтобы люди Земли все-таки решили не драться друг с другом, чтобы не задушила тьма жизнь на планете? Чтобы Тимоти в свой девятый день рождения, как и любой другой мальчишка, смог получить праздничный торт и спокойно съесть его вместе с папой, мамой и друзьями?

По крайней мере, хочется в это верить.

Альфред Бестер
НЕ СОБЛАГОВОЛИТЕ ЛИ ПОДОЖДАТЬ (Пер с англ. К.Валери)

Боже мой, сколько понаписано об этих ужасающих сделках с Дьяволом! Знаете, — сера, всякие там заклинания, пентаграммы, мистификации, обманы, разочарования и вообще черт знает что! Да они просто не знают, о чем пишут!

Год назад меня выперли из рекламного агентства. Это было уже третье увольнение за последние десять месяцев, и мне стало казаться, что я безнадежный неудачник! У меня оставался только один выход — продать душу Дьяволу. Дело было лишь за тем, как его вызвать. Я пошел в справочный отдел библиотеки и выписал все, что там имелось по демонологии и всем сопутствующим дисциплинам. Но, Боже мой! Если бы мне и удалось достать необходимые дорогостоящие ингредиенты, все равно я бы умер с голоду прежде, чем освоил сложнейшую технологию приготовления поистине адских смесей.

Сначала меня это озадачило, но тут мне пришла в голову оригинальная мысль: к чему такой примитив в XX веке? Я взял телефонный справочник и для начала набрал номер Службы знаменитостей:

— Скажите, как мне связаться с мистером Дьяволом?

— Вы абонент нашей службы?

— Нет.

— Тогда я не могу дать вам никакой информации.

— Я могу оплатить справку!

— Вы желаете лимитированный сервис?

— Да.

— Так с кем именно вы хотели бы связаться?

— С Дьяволом.

— С кем?

— С Дьяволом. Или, если хотите, Сатаной, Люцифером, Стариком, Ником, короче, с Вельзевулом!

— Минуточку, пожалуйста!

Прошло несколько томительных минут, пока Служба, наконец, отозвалась.

— Дьявол больше не знаменитость.

И гудки в трубке.

Я стал просматривать телефонный справочник и, действительно, на той странице, где рекламировался ресторан

Сарду, увидел название фирмы «Сатана, Шайтан, Ваал и Жертвоприношение», 477 Мэдисон-авеню, Джадсон 3-1900. Я позвонил.

— Пожалуйста, соедините меня с мистером Сатаной!

— Его линия занята. Не соблаговолите ли подождать?

Я стал ждать, и монетка соскользнула в приемник. Пришлось опустить еще один никель, затем другой…

Коммутационный щиток жужжал, монетоприемник издавал предупреждающие щелчки. Но вот линия освободилась.

— Попросите, пожалуйста, мистера Сатану!

— Кто его спрашивает?

— Он меня не знает. Я по личному делу.

— Извините, мистер Сатана у нас больше не работает!

— А вы не могли бы подсказать, где его можно найти?

В трубке послышался приглушенный спор и, наконец, четким, хорошо поставленным секретарским голосом было сказано:

— Мистер Сатана работает теперь у «Вельзевула, Белиала, Дьявола и Мистерий».

Я отыскал их координаты все по тому же справочнику — 383 Мэдисон-авеню, Мюррей Хилл 2-1900. Аппарат звякнул и металлическим голосом прогудел: «Номер, который Вы набрали, — недействителен».

Мне ничего не оставалось делать, как звонить на станцию, чтобы узнать новый номер «Вельзевула, Белиала, Дьявола и Мистерий».

Снова кручу диск.

— Можно пригласить Вельзевула или Дьявола?

— Минуточку!

Я ждал гораздо дольше. В конце концов, приятный женский голос сказал:

— Кто его спрашивает?

Я назвал свое имя.

— Он — у другого аппарата. Не соблаговолите ли подождать?

Я ждал. Запас монет все уменьшался и уменьшался. Через двадцать минут все тот же приятный женский голос произнес:

— Его вызвали на срочное совещание. Он может вам перезвонить?

— Нет. Я позвоню в другой раз.

Девять дней спустя мне все же удалось застать Дьявола.

— Да, сэр? Чем могу быть вам полезен?

Я задержал дыхание.

— Хочу продать вам свою душу!

— Прекрасно! У вас готовы все бумаги?

— Какие бумаги?

— Ну, как же, мой мальчик! Справки о недвижимости, активах… Нужна купчая! Вы ведь не хотите, чтобы мы покупали кота в мешке?!

Я подготовил все необходимые бумаги и позвонил секретарше.

— Извините, мистер Дьявол отдыхает на побережье. Позвоните недельки через две!

… Пять недель спустя она устроила нам встречу. Дьявол сидел, развалившись в кресле, и диктовал. Голос у него был, как у аукционщика-профессионала. Он самым сердечным образом пожал мне руку и тотчас стал рассматривать бумаги.

— Неплохо! Совсем недурно! Я думаю, мы поладим. А теперь скажите, что бы вы хотели взамен? Обычный ассортимент?

— Деньги, успех, счастье!

Он кивнул.

— Обычный. Ну что же, «Вельзевул, Белиал, Дьявол и Мистерии» — честная фирма и все это мы вам гарантируем!

— И надолго?

— В пределах нормальной человеческой жизни. Никаких подвохов, мой мальчик! Мы руководствуемся таблицами страховых обществ. Я бы сказал, что у вас впереди сорок-сорок пять лет. Мы можем занести это в контракт позже.

— Без подвохов?

— Мы не только гарантируем услуги, но даже настаиваем, чтобы вы, по крайней мере, дважды в год пользовались нашим сервисом. В противном случае контракт автоматически расторгается. Мы вовсе не хотим, чтобы на нас шли жалобы выше!

— И никакого обмана?!

— Никакого. Наш юридический отдел оформит контракт. Кто будет вас представлять?

— Вы имеете в виду агента? У меня его нет.

Он был сильно удивлен.

— Как, у вас нет агента? Мой мальчик, мне вас жаль! Вам просто повезло, что вы наткнулись на порядочную фирму. Мы могли бы с вас живого шкуру снять! Наймите агента и пошлите его ко мне!

Я нашел посредников в лице фирмы «Сивилла и Сфинкс», это было третьего марта. Я позвонил к ним пятнадцатого.

Миссис Сфинкс сказала:

— Вы понимаете, незначительная задержка. Мисс Сивилла действительно вела по вашему поводу переговоры с «Вельзевулом, Белиалом, Дьяволом и Мистериями», но сейчас она командирована в Чистилище. Позвоните позже!

Я позвонил первого апреля. Мисс Сивилла ответила:

— О, конечно! Все было бы прекрасно, если бы не одно крошечное препятствие. Миссис Сфинкс отбыла в Салем на Испытания. Тренировочные костры для ведьм, вы понимаете! Она вернется на следующей неделе.

Я позвонил пятнадцатого. Очаровательный молодой секретарь мисс Сивиллы заявил, что опять наметилась небольшая препона, так как именно сейчас юридический отдел фирмы «Вельзевул и так далее» решил провести реорганизацию.

Первого мая «Сивилла и Сфинкс» сообщили, что контракт прибыл и сейчас рассматривается уже их юридическим отделом.

В июне мне досталась самая гнусная работа из всех, какие у меня только были, — я устроился на фабрику по плетению сетей. Правда, я надеялся, что, по крайней мере, через неделю сделка с Дьяволом будет окончательно подписана, скреплена печатями и оформлена.

Однако в июле переговоры приостановились, ведь каждый имеет право на отпуск. В августе было не до того: все ринулись на фестиваль Черных Месс. Только в сентябре «Сивилла и Сфинкс» вызвали меня в офис, чтобы подписать контракт. Он был на тридцати семи страницах и весь испещрен пометками и исправлениями. Каждую страницу украшало по меньшей мере полдюжины печатей.

— Если бы вы знали, сколько мороки было с этим контрактом! — сказали мне в «Сивилле и Сфинксе». — Поставьте инициалы в начале и подпишите в конце каждой страницы. На всех шести экземплярах!

Я поставил инициалы и подписал. Текли дни, но я не ощутил никаких перемен: по-прежнему не было ни денег, ни успеха, ни счастья.

— За чем теперь остановка? — спросил я посредников.

— Теперь Он должен все это подписать!

Я подождал неделю и позвонил.

— Вы забыли поставить свои инициалы на одной странице.

Я пошел в офис и поставил инициалы. Позвонил еще через неделю.

— Теперь Он забыл поставить инициалы! — ответили мне.

Первого октября я получил специальный пакет. В нем находилось правильным образом оформленное соглашение между мной и Дьяволом со всеми надлежащими печатями. Теперь-то я, наконец, мог быть счастливым, удачливым и богатым!

Однако вечером в тот же день пришло письмо из фирмы «Вельзевул, Белиал, Дьявол и Мистерии». Оно доводило до моего сведения, что вследствие моей вины, указанной в статье 27-А

контракта, последний считается расторгнутым. Я направился к «Сивилле и Сфинксу».

— Что это за статья 27-А? — спросил я.

Мы посмотрели. В статье говорилось, что необходимо было пользоваться услугами фирмы «Вельзевул, Белиал и т. д.» по крайней мере раз в полгода…

— Когда вы заключили контракт? — спросили меня.

Мы посмотрели. Контракт был датирован первым марта, то есть тем днем, когда я впервые пришел в офис к Дьяволу.

«Март, апрель, май…» — мисс Сивилла считала на пальцах. — Все правильно, прошло семь месяцев. Вы уверены, что не просили их ни об одной услуге?

— А как? У меня ведь не было контракта.

— Ну-ну! — решительно сказала миссис Сфинкс. Она позвонила в фирму «Вельзевул, Белиал, Дьявол и Мистерии» и долго спорила с Дьяволом и его юридическим отделом. Наконец она повесила трубку.

— Он говорит, что контракт был заключен первого марта устно, и вы пожали друг другу руки.

— Откуда я мог знать? У меня ведь не было на руках контракта!

— Вы действительно ни о чем его не просили?

— Нет. Я ждал контракт.

«Сивилла и Сфинкс» позвонили в свой юридический отдел.

— Вам предстоит арбитраж! — сказали они и объяснили, что агентам-посредникам запрещено выступать в подобных случаях.

Я обратился к юридической фирме «Чародей, Колдун, Вуду, Искатель воды при помощи прута и Ведьма» (99 Уолл-Стрит, Иксчендж 3-1900) с просьбой представлять мои интересы в Арбитражной комиссии (479 Мэдисон-авеню, Лексингтон 5-1900). Они запросили 200 000 долларов гонорара плюс 20 процентов от дохода по контракту. Я отсчитал им оставшиеся у меня тридцать четыре доллара (то, что мне удалось сберечь за четыре месяца плетения сетей). Они приняли деньги как предварительные и приступили к переговорам.

Дело разбиралось двенадцатого декабря. Слушание проходило весь день. Мне объявили, что решение будет прислано по почте. Я проработал еще неделю и позвонил «Чародею, Колдуну, Вуду, Искателю воды при помощи прута и Ведьме».

— Они отбыли на Рождество — ответили мне.

Я позвонил второго января.

— Одного из них нет в городе!

Я позвонил десятого.

— Отсутствующий вернулся, зато теперь уехали двое других!

— Я бы хотел узнать решение Арбитража!

— Решение может приниматься в течение многих месяцев!

Дело приобретало скверный оборот. Я вспомнил про свой телефонный справочник и листал его до тех пор, пока не наткнулся на фирму «Серафим, Херувим и Ангел», 666 Пятая авеню, Темплтон 4-1900. Обаятельный молодой женский голос ответил на мой звонок:

— Серафим, Херувим и Ангел. Доброе утро!

— Будьте любезны, соедините меня с мистером Ангелом!

— Он у другого аппарата. Не соблаговолите ли подождать?

И я стал ждать…

Джералд Керш
РЕКА СОКРОВИЩ (Пер. с англ. Н.Евдокимовой)

Человек, назвавшийся Пилигримом, казался довольно потрепанным. Так и напрашивалось выражение «видавший виды». Трудно было отнестись к нему иначе, чем относится бережливая хозяйка к банке собственноручно приготовленного варенья, поверхность которого оказалась покрыта заплаткой плесени. «Сладко-то сладко, да свежесть сомнительна, — думает хозяйка. — Но ведь не выбрасывать же. Отдам-ка нищим». Подобные же мысли навевал Пилигрим.

Как ни странно, в своих заведомо тщетных попытках не скатиться до конца по наклонной плоскости он выглядел трогательно-обаятельным; величавая сдержанность не изменила ему и в ту минуту, когда бармен удержал его от попытки выскользнуть из нью-йоркского бара «Мак-Арон» словами:

— С вас доллар десять, док.

Пилигрим хлопнул себя по лбу, бегло обшарил карманы и воскликнул:

— Бумажник! В другом костюме!

— Вот как, — процедил бармен и приподнял откидную крышку стойки.

Тут я вмешался:

— Держи доллар десять, Майк. Отпусти человека.

Но Пилигрим раздумал уходить. Он ухватил меня за локоть и заговорил, старомодно растягивая гласные на оксфордский манер:

— Нет, право же, вы чересчур добры! К сожалению, я не могу отплатить любезностью за любезность. Вы тоже англичанин, вы поймете. Здесь то и дело попадаешь в отчаянное положение. Видите ли, я буквально на днях лишился двух состояний, и мне вот-вот достанется третье — свалится на меня, вы уж поверьте, не позднее середины следующего месяца. Но только мне непременно нужно добраться до Детройта. Однако позвольте представиться: здесь я предпочитаю имя и фамилию Джон Пилигрим. Можете называть меня просто Джек. Честно говоря, это вымышленная фамилия. Если бы в Англии, в некоем округе графства Мидлсекс, внезапно вспыхнувшая эпидемия унесла из жизни всю мужскую половину некоего семейства, то мне пришлось бы именовать себя совершенно иначе и вдобавок держаться с крайним

высокомерием. Пока же я младший сын младшего отпрыска, дали мне жалкие несколько тысяч фунтов и отправили в Канаду — добра наживать.

— Эти несколько тысяч фунтов и были первым состоянием? — спросил я.

— Да что вы! На судне одному моему попутчику феноменально везло в кости. В Канаду, сэр, я прибыл, имея за душой четыре доллара восемнадцать центов… ну и кое-какой гардероб. Мне довелось хлебнуть лиха, поверьте. Был я кассиром в скобяной лавке — уволили по несправедливому подозрению в растрате; был курьером в консульстве — выгнали, как там формулируют, «в связи с вымогательством взятки за визу», а это сплошная ложь; был коммивояжером у виноторговца — оклеветали, будто я, мол, злоупотребляю дегустацией образцов. Побывал во всяких передрягах, вы уж поверьте. Зато теперь мне предложили доходную должность в Детройте.

— В чем же будет заключаться работа? — спросил я.

— Надо кое-что уточнить для одной фирмы по производству моторов.

— Что именно уточнить?

— Дело сугубо секретное. Слово — серебро, молчание — золото, так ведь? Зато могу надоумить, как разжиться несколькими миллионами долларов, если у вас найдется свободное время и деньги.

— Надоумьте, буду весьма признателен, — сказал я.

— Обязательно. Ну, не будучи круглым дураком, оставлю при себе кое-какие географические подробности. В Бразилии бывали? Там на одном из притоков Амазонки кроются несметные богатства в виде золотых самородков… О Господи, до чего же обидно: люди со средствами, желая умножить свои богатства, требуют выложить им максимум, прежде чем сами расстанутся хотя бы с минимумом! Но все расскажу без утайки, как от племени, обитающего вдоль той реки, мне достались золотые самородки общим весом десять тысяч унций.

— Как же это вы ухитрились? — спросил я.

Пилигрим с улыбкой ответил:

— Вам, наверное, не приходилось слышать об орехах токте? Нет?.. Так вот, родина ореха токте — Эквадор, орех очень похож на грецкий, но форма у него овальная. И, как у грецкого, ядро токте полушариями и извилинами напоминает человеческий мозг. На вкус токте горек, обычно эти орехи собирает детвора и играет ими, примерно как у нас играют стеклянными шариками.

Но это в Эквадоре. А поезжайте-ка в Бразилию, на некий приток Амазонки — и я укажу вам местность, где к таким орехам

(или ближайшим их сородичам) относятся как нельзя более серьезно. Туземцы того племени называют их не токте, а тикток, в Бразилии этими орехами играют исключительно взрослые, причем игра идет по непомерно высоким ставкам. За одну партию в тикток можно приобрести или потерять состояние, Вернее, то, что считается в той глуши состоянием. Тамошние дикари любят повторять: «Тиктоку надо обучаться двадцать лет». Но по порядку.

Передаю его рассказ дословно.

Участь младшего отпрыска знатной семьи — злоключение за злоключением. Можно было, конечно, написать старшему брату, попросить, чтоб выслал деньги. Откровенно говоря, так я и поступил. Но он мне вообще ничего не ответил. В конце концов, нанялся я коком на грузовое судно, направлявшееся в Южную Америку. Подозреваю, что везло оно оружие. Команда состояла из отбросов Лапландии, Финляндии, Исландии и Сан-Франциско.

При первом же удобном случае я удрал с судна (в карманах у меня не было решительно ничего, кроме документов на имя смазчика Мартинсена, должно быть, прихваченных по чистой случайности) и, как водится, стал разыскивать соотечественников. По счастью — мне потрясающе везет! — в одном баре, слышу, кто-то заказывает виски с содовой без льда. Рыбак рыбака видит издалека. Он и глазом моргнуть не успел, как я сидел рядышком.

Малый был могучего телосложения и собирался в одну местность — которую, вы уж простите, я не назову — на поиски рубинов. Истосковавшись по цивилизованному обществу, он пригласил меня поехать с ним вместе… сказал, что в долгу не останется… предложил мне долю в барыше. Снаряжение, конечно, он сам подготовил: хинин, ружья, товары для торговли и мены, револьверы, мыло и тому подобное.

Идея заключалась в том, что как раз в ту пору рыночный спрос на рубины нам исключительно благоприятствовал, а в самом худшем случае мы возместили бы расходы за счет змеиной и крокодиловой кожи. Фамилия того человека была Грязли, но, видя перед собой настоящего джентльмена, он умел распознать его и оценить. Жаль, пал жертвой несчастного случая. Исследуя речную тину в поисках рубинов, Грязли для лучшего упора поставил ногу на бревно. Бревно зашевелилось, лязгнуло челюстями и утащило Грязли на дно. Говорят, челюсть взрослой особи аллигатора развивает давление чуть ли не в полтонны. Не стану скрывать, я расстроился. С тех пор не могу без омерзения смотреть на аллигаторов. Для меня они — дурная примета.

Проснувшись поутру, я обнаружил, что носильщики исчезли — все до единого. За труды они сами с собой рассчитались

нашими товарами, а мне оставили лишь то, в чем я спал, сиречь пижаму, а кроме того, ружье, нагрудный патронташ с тридцатью патронами, документы да немного сухого пива.

Неведомо, что бы со мной сталось, если бы не подоспели людоеды; кстати, оказались мировыми ребятами. Истинные джентльмены, уверяю вас. Едят только женщин, и то таких, которые не годятся в жены по возрасту. Дикари отвели меня к своему вождю. Сперва мне показалось было, что я угодил в скверный переплет, но вождь попотчевал меня жарким (надеюсь, из обезьяны) и не сводил с меня глаз все то время, пока я жевал. Самому безнадежному тупице стало бы ясно, что старикашке приглянулось мое ружье.

Вот я и рассудил: противник превосходит меня численностью — я один, а дикарей больше двухсот. При таком соотношении сил от ружья мне мало проку. Лучше сделать хорошую мину при плохой игре, с достоинством подчиниться и подарить ружье, прежде чем его отнимут. Прояви щедрость, Джек!

Итак, пылко восхваляя вкус жаркого, я преподнес вождю ружье и патронташ. Преисполненный радости и благодарности, он спросил, чем может меня одарить. Предлагал девушек, добавку жаркого, ожерелье из человеческих зубов. Я втолковал ему, что удовольствовался бы несколькими рубинами. Удрученный, он сказал, что у него нет ни одного красного камешка, только зеленые, и вручил мне пригоршню изумрудов на сумму, равную, по самым скромным подсчетам, стоимости тысячи ружей по сто двадцать долларов за штуку.

Я вежливо поблагодарил, не высказывая истинных своих чувств, как меня с детства приучали. Однако вождь принял мой бесстрастный вид за проявление разочарованности. На какую-то секунду он сник, но тут же повеселел:

— Подожди. Есть у меня одна штуковина, которая сделает тебя очень богатым. Она сделала меня вождем. Но теперь я все равно слишком стар для игр. Я тебе ее подарю.

Тут он порылся в том, что только шутя можно назвать одеждой, и извлек — что бы вы думали? — орех. Честное слово, простой орех, но с гладкой скорлупой, да еще с одного конца расширенный, а с другого суженный.

— Тикток знаешь? — спрашивает старикан.

— Я знаю токте, — говорю. — Это детская игра в Эквадоре.

— Играешь? — спрашивает.

— Ни разу не играл. В Эквадоре видел, как играют. У нас в Англии есть похожая игра, называется «шарики».

— Даже не слыхивал про те края, — говорит вождь. — Вот, это тикток.

Затем он пустился в объяснения, затянувшиеся до вечера. Тикток, мол, не похож ни на какие другие орехи. Все на свете, рассказывал вождь, все на свете хоть чуть-чуть да умеет думать. Даже у зеленого листка хватает ума повернуться к свету. Даже крыса умеет думать. Даже женщина. Порой даже орех в твердой скорлупе. Ведь когда сотворяли мир (дела давно минувших дней), после того как был создан человек, остался некоторый излишек разума. Часть уделили женщине. Часть уделили крысе. Часть уделили листьям. Часть уделили насекомым. Короче говоря, в конце концов осталась самая малость.

Тут зашелестело какое-то тиктоковое дерево. Его орехи взмолились: «А нам?» И был ответ: «Вас чересчур много, а разума теперь чересчур мало. Но надобно поступать по справедливости. Пусть же один орех тикток из каждых десяти миллионов мыслит, как человек, и повинуется его воле. Да будет так».

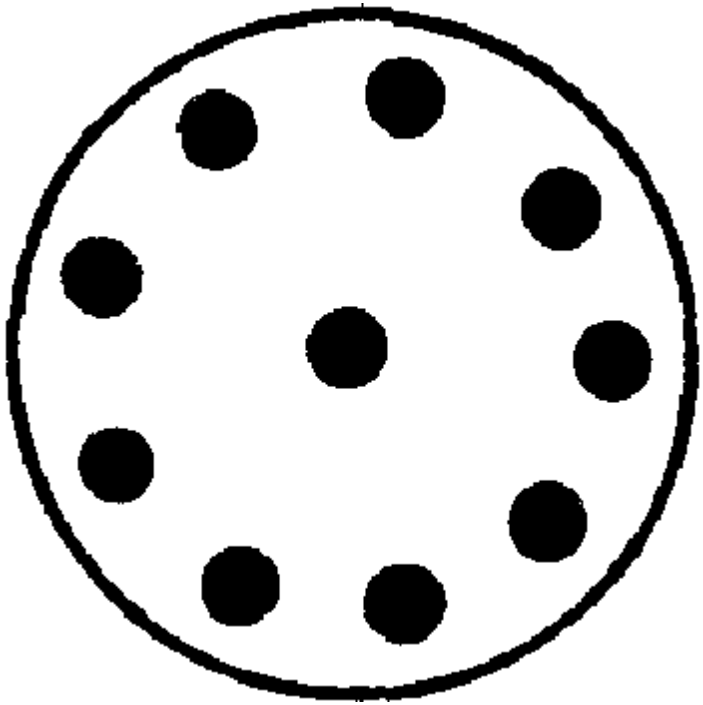
Вот почему, утверждал старый хрыч, ядро тиктока похоже на человеческий мозг. Поглаживая здоровенный нож, вождь заверил меня, что неоднократно видывал и то, и другое, и что сходство прямо-таки разительное. Но, сами понимаете, лишь поверхностное.

Ибо из десяти миллионов орехов тикток умение мыслить даровано лишь одному. Орехи же весьма плодовиты и обильно произрастают в джунглях. Если верить старому дикарю, всякий, кому посчастливится найти дссятимиллионный орех, непременно разбогатеет, поскольку орех повинуется своему владельцу.

— А теперь играй в тикток, — приказал он.

— Да я не умею.

Не слушая возражений, он подвел меня к плоской ровной площадке, утоптанной бесчисленными ногами. На одном из краев площадки кто — то намалевал охрой круг. Внутри круга были разложены десять орехов, вот в таком порядке:



Цель игры — выбить за пределы круга все десять орехов одиннадцатым, то есть битой, при возможно меньшем числе ударов. Как игра, доложу я вам, тикток куда сложнее бильярда. Бить надо с расстояния примерно в два метра. Хороший игрок расчищает круг пятью ударами; незаурядному хватает четырех; непревзойденный обходится тремя, ловким щелчком запуская биту — свой овальный орех тикток — с большого пальца.

На площадке играли несколько юношей, а гораздо более многочисленные зрители азартно заключали пари, ставя все, вплоть до набедренных повязок, на чемпиона, который недавно сделал партию за три удара.

— А теперь, — шепнул старый чудак, — потри тикток ладонями, подыши на него и покричи ему мысленно — расскажи ему, что он должен делать. Потягайся с чемпионом. Ставь в заклад рубашку.

Остаться без пижамной куртки — невелика утрата. Более того, у меня, если помните, оставались изумруды. Молодой игрок пощупал хлопчатобумажную ткань и выставил против нее ожерелье из золотых самородков, причем самый крупный был величиной с виноградину.

Молодой игрок был первым. С одного удара вылетели пять орехов. Со второго — четыре. Мой противник справился с задачей за три удара. Теперь мой черед. Поглаживая орех, я сказал ему

без слов: «Ну-ка, старина, покажи, на что ты способен. Попробуй управиться за один раз, просто чтобы ошарашить туземцев»,

Запустил я свой орех без особых надежд и без всякого навыка. Вращаясь волчком, он, казалось, замер на полпути. Все рассмеялись, а мой противник потянулся было к пижамной куртке, как вдруг мой орех ринулся в круг с эдакой дьявольской прицельностью, стремительно обежал по извилистой траектории все десять орехов, повытолкав их за пределы круга.

Слышали бы вы, какой тут поднялся шум! Я побил рекорд. Подняв свой орех с земли, я приласкал его и согрел в ладони.

— Такого я никогда не видел, — изрек вождь. — Два раза — да. Один раз — нет. Я понимаю, в чем дело: линии ядра в твоем орехе в точности повторяют линии твоего мозга. Ну и счастливчик же ты.

Прикидывая выигранное ожерелье на вес, я спросил:

— В ваших краях найдутся подобные побрякушки?

Вождь сказал: нет, у них золото не в цене. Экс-чемпион выиграл ожерелье ниже по течению, где такие штучки подбирают со дна реки и дарят женщинам на украшения. Бусы из зубов врага — вот это вещь! А желтое вещество слишком мягкое и слишком тяжелое.

— Если хочешь, наведайся к ним и выиграешь столько, сколько сможешь унести с помощью десятка силачей.

Я пообещал ему, что, как вернусь, привезу ружья, пули, топоры, ножи и все, что его душеньке угодно, пусть только одолжит мне надежное каноэ, даст пяток дюжих гребцов и снабдит провиантом. Вождь согласился, и мы тронулись в путь.

Короче, обобрал я другое селение и двинулся вниз по реке, увозя еще два боевых каноэ с золотом, гранатами, рубинами и так далее. Мне бы на том и угомониться. Но ведь успех кружит голову.

Я заночевал в хижине одного португальца, мелкого торговца, предварительно купив у него белый костюм сурового полотна, две сорочки, пару брюк и иную одежду.

— Ваша слава бежит впереди вас, — сказал португалец, завистливо разглядывая меня и золотые самородки, которыми я с ним расплатился. — Вдоль всей реки вас прозвали Человск-Тикток. А ведь я случайно знаю, что в тикток не умеет играть ни один белый — этой игре надо обучаться двадцать лет. Как вы это делаете?

— Сноровка, — пояснил я.

— Ну, дайте мне еще один самородок, а взамен получите хороший совет… Спасибо. Мой вам совет — отправляйтесь-ка прямиком на Амазонку и по ней к океану. Не останавливайтесь в

следующем селении (у вас на пути будет всего одно) и не играйте там. Индейцы племени эспорко — отъявленные головорезы. Не искушайте судьбу. За четыре унции золота я снабжу вас превосходным оружием — револьвером бельгийского производства.

Револьвер я взял, а советом пренебрег, и на рассвете мы продолжили свой путь. К концу дня навстречу нам выплыли несколько каноэ. Мои гребцы сплюнули за борт и сказали:

— Эспорко, хозяин… очень плохо.

— Они что, нападут на нас? — встревожился я.

— Нет.

Гребцы растолковали мне, что индейцы-эспорко — самые прожженные плуты и пройдохи на всем плато Мату-Гросу. Но я, любовно сжимая в ладони тикток, подметил, что в каждом каноэ сидит девушка, на каждой девушке ожерелье из неограненных рубинов, а кроме ожерелья — почти никакого убранства. Мужчины же, высокие и крупные, как все индейцы, отличались приятными, непринужденными манерами, оружия при себе не имели, улыбались от уха до уха и излучали хорошее настроение. Они обратились ко мне с приветствием, величая «синьор Тикток», а девушки закидали меня цветами.

Мой старший гребец — вот вам некоторым образом штришок — буркнул:

— Когда эспорко приносят цветы — не выпускай ножа из рук.

Таков дикарский вариант древней мудрости «Бойся данайцев, дары приносящих».

Все же я распорядился причалить к берегу и был вознагражден взрывом восторга. По распоряжению вождя зарезали нескольких козлят. Я преподнес ему мешок соли, которая в тех краях ценится на вес золота. Состоялся пир с обильным возлиянием шипучего напитка вроде мексиканского мескаля, только бразильский пьется полегче и хмель от него помягче.

Немного погодя перешли к делу. Я намекнул о своем интересе к рубинам. Вождь сказал:

— Вон те красные побрякушки? Какие пустяки.

И, сняв с одной из девушек великолепное ожерелье, он швырнул его в реку (как выяснилось позднее, в том месте была заблаговременно натянута сеть, чтобы ожерелье не пропало).

— Я слыхал, что тебя интересуют камни, — сказал он, пока я сидел с разинутым ртом. Вождь куда-то отошел и вернулся с неограненным бразильским алмазом величиной в два мужских кулака.

Обуревавшего меня волнения я не выдал, произнес лишь:

— Занятно. И сколько же ты за него хочешь?

— Он бесценен. Я побывал в чужих краях и знаю, как дорожат подобными камнями люди твоего народа. Знаю также — все мы, выросшие на этой реке, знаем, — что получится, если разнесется весть о здешних золоте, рубинах, изумрудах и алмазах. Люди твоего племени набросятся на нас, как ягуары, и сотрут с лица земли. А нам-то всего хватает, мы всем довольны и считаем, что побрякушки приличествуют лишь юным девицам. Нет, мой друг, алмаз не продажный. Но вот что я тебе скажу: ведь это же игрушка, так давай сразимся за нее. Ты славишься как великий мастер тиктока. По странной случайности, и за мной упрочилась такая слава. Итак, что ты ставишь против этого камня?

— Три каноэ с сокровищами, — предложил я.

Тут встревает один из сыновей вождя:

— Воздержись, отец! Этот человек — колдун. По всей реке известно, что у него есть мыслящий орех!

Вождь, заметно под мухой, прикрикнул:

— Цыц, сосунок! Это небылицы! Сплошное суеверие. Тикток — игра, тикток — мастерство, а я владею им получше любого жителя здешних берегов. — Он раскипятился. — Кто дерзнет оспаривать мое мастерство?

Никто не дерзнул. Очертили круг, разложили в подобающем порядке десять орехов. Я насилу уломал хозяина начинать первым. Все тихо ахнули, когда он, опустившись на колени, опустошил круг двумя безупречными ударами, — ахнули и захлопали в ладоши.

Затем я огладил свой орех и попросил его об одном-единственном ударе. Полетел он, завертелся маленьким вихрем и осуществил этот удар.

По правилам игры в тикток выигравший подбирает с земли сражавшиеся орехи-биты и приносит их к исходной позиции. Первым бьет проигравший. На сей раз вождю пришлось метать биту трижды. Я ощутил прилив великодушия. Да и кто бы не ощутил на пороге выигрыша, в предвкушении алмаза, по сравнению с которым прославленные бриллианты «Кох-и-нор» и «Куллинан» выглядят стразами на дешевеньком кольце? Словом, я внушил ореху: «На сей раз, для обострения игры, выдай пять ударов. Зато в последней партии сделай один, и пусть он будет лучшим в твоей жизни».

Орех выполнил мое требование, и я проиграл. Воспрянув духом, вождь подобрал биты и с величайшей учтивостью подал мне мою. Я метал со всей мыслимой самоуверенностью. Вообразите же мой ужас, когда вместо того, чтобы грациозно и целенаправленно устремиться вперед, мой орех пополз, как

пьяный, и еле-еле добрался до середины круга! Неужто бурда, смахивающая на мескаль, ударила в голову не только мне, но и тиктоку? Я принялся сосредоточенно внушать свое, метнул биту снова… и выбил за пределы круга один-единственный орех. Метнул третий раз… а всего этих разов потребовалось восемь.

Подбирать орехи пошел мой удачливый противник. Я оцепенел от досады. Вождь подал мне биту, которой я пользовался в последней партии. Гляжу — орех-то чужой!

Тут меня озарило. После второй партии старый мошенник подменил орехи! Просто как дважды два. Но я сдержался, не вышел из себя, ибо за какую-то долю мгновения все разом перестали смеяться, каждый схватился кто за мачете, кто за топор, кто за лук, кто за копье. Я сказал:

— Произошла ошибка, почтеннейший. Это чужой тикток.

— Чей же он?

— Твой. Ты, без сомнения неумышленно, взял себе мой, и он у тебя в руке. Отдай, пожалуйста.

И, забыв о благоразумии, я потянулся за своим орехом. Реакция у меня быстрая, но у вождя еще быстрее, да и силен он был на диво. У меня тоже силы в пальцах хоть отбавляй. Вот мы и простояли, сцепившись руками, секунд двадцать. Потом я услышал и почувствовал слабый хруст. Надо полагать, вождь тоже услышал: он знаком приказал соплеменникам, которые уже смыкались вокруг нас кольцом, отойти подальше.

Вождь с достоинством протянул мне раскрытую ладонь: там лежал простой орех, который он несколько ранее мне подсунул. У меня же на ладони лежал мой, подлинный орех, но только треснувший по шву, с обнажившимся ядром.

Зачарованный, я не мог оторвать от него глаз. Знаете, ведь когда-то я изучал медицину; принимать бы мне сейчас пациентов на фешенебельной Гарлей-стрит, кабы не бюрократическое недоразумение с четырьмя микроскопами, которые я позаимствовал на кафедре. Старые ослы! Выкупил бы я их микроскопы из заклада и вернул на место, как только дождался бы очередного денежного перевода. Но нет же, исключили.

Так или иначе, анатомию я проходил и могу торжественно поклясться, что ядро моего злосчастного тиктока во всех деталях соответствовало человеческому мозгу: извилины, лобные доли, мозжечок, продолговатый мозг — все честь честью.

Поразительнее всего другое: когда я любовно коснулся ядра кончиком пальца, оно слабо запульсировало, а потом замерло. Тут уж меня покинуло мужество, и я разрыдался как дитя. Однако сразу овладел собой и заявил:

— Ну что же, пари отменяется. Игра недействительна.

Разреши созвать гребцов — я отправляюсь.

Но при свете факелов я различил на берегу знакомые тюки.

— Дабы избавить гребцов от лишних усилий, — сказал вождь, — я повелел разгрузить твои каноэ. Зла я тебе не желаю, но ступай-ка подобру-поздорову туда, откуда явился. Полно, ты ведь уедешь не с пустыми руками. Возьми столько самородков, сколько захватишь в две горсти, и иди с миром. Ты перехитрил сам себя. За мыслящий орех я бы отдал тебе алмаз и сделал бы это с радостью, ибо одно другого стоит. Но нет, ты решил сжульничать, ничего не дать взамен, сыграть наверняка. В нашем мире ни на что нельзя рассчитывать наверняка.

Я протянул вождю револьвер:

— А за него что дашь?

— Пожалуй, две двойные пригоршни золота.

— Может быть, три?

— Если сперва позволишь мне выстрелить.

Я позволил. Вождь пальнул куда-то во тьму. Я отнял у него револьвер и сказал:

— Золото вперед.

Подойдя к реке, я взял на себя труд заполнить ствол оружия пригоршней глины. Она ведь, засохнув, становится твердой, как кирпич. Старому плуту не долго останется играть в тикток.

Предавая земле прах мыслящего ореха, я испытывал жутковатое чувство, будто хороню самого себя. Да, золото и драгоценные камни — дело наживное, а вот такого ореха у меня уж не будет никогда.

Добрался я с грехом пополам до океанского побережья и сел на крупный грузопассажирский пароход, который доставил меня в Тампу, штат Флорида. В силу разнообразнейших обстоятельств у меня, когда я сошел на берег, оставалось лишь несколько самородков, и с тех пор я их берегу как… ну, не знаю, назовем это сувенирами. Вы были ко мне чрезвычайно добры. Разрешите подарить вам малюсенький самородочек… и мне пора.

Он бросил на влажный столик тяжелую лепешечку. Величиной лепешечка была с горошину, но непередаваемой формы или, вернее, бесформия. Очевидно, прошла огонь и воду.

— Закажите себе булавку для галстука, — посоветовал Пилигрим.

— Да не могу я принять такую ценность! — вскричал я. — По крайней мере, я должен вас хоть чем-то отблагодарить.

— Ничего подобного. Мы, англичане, должны горой стоять друг за друга, а я собираюсь в Детройт. Через неделю мой адрес будет «Детройт, лучший отель города, Джону Пилигриму». Если угодно, помогите мне туда добраться, но…

— У меня всего десять долларов, — прервал я, глубоко тронутый печальными глазами Пилигрима. — Они к вашим услугам.

— Вы крайне любезны. Я их верну вам с лихвой.

— Мне надо идти, — сказал я.

— И мне, — сказал он.

Дивясь причудливым лабиринтам человеческого разума, я прошелся пешком и незаметно для себя очутился на Шестой авеню, близ 46-й Западной стрит; проживающие в том районе умельцы с пожатием плеч и сожалеющей улыбкой так обкорнают вам бриллиант, карат за каратом, что им и владеть-то не захочется, и, покачивая головой, так уничижительно отзовутся о ваших часах, что те сами собой остановятся. Под действием внезапного порыва я вошел в первую попавшуюся ювелирную лавку и, положив перед владельцем самородок Пилигрима, спросил, сколько можно получить за этот кусочек золота.

— Вы шутите? — сказал владелец. — Коли решили меня рассмешить, так лучше уж пощекотали бы. Почем у нас нынче свинец? фирма «Новинки Кьюджела» высылает такие штуковины по почте из расчета пятьдесят центов за дюжину. Стало быть, за доллар я вам достану две дюжины. Берется чайная ложечка свинца, плавится и выливается в холодную воду. Можно с чистой совестью дать рекламное объявление: «Двух похожих изделий не будет». Покроете позолотой — вот вам и самородок. Миниатюрный золотой слиток. Нет, серьезно, неужто вы за это деньги платили?

— И да и нет, — ответил я, сунул самородок обратно в карман и повернулся к выходу, но тут владелец лавки остановил меня.

— Погодите, мистер. Удачная подделка, да и позолота мастерская. Может, и стоит дать вам доллар-другой.

— Нет уж — отказался я, и во мне шевельнулось подозрение. Я стал нежно поглаживать самородок, не вынимая из кармана; на ощупь чувствовалась непередаваемая податливость чистого золота. А что до фокуса с расплавленным свинцом, то, как мне неожиданно вспомнилось, я и сам забавлялся лет тридцать назад, плавил покалеченных игрушечных солдатиков только ради того, чтобы поиграть с огнем. Недавно расплавленный свинец легко узнать на ощупь, у него зазубренные края. А мой самородок стар и пообтерся.

— Возможно, я и ошибся впервые за сорок лет, — сказал владелец. — Дайте-ка взгляну еще разок.

Ноя ушел оттуда и наведался в другую лавчонку, неподалеку; это было заведение типа комиссионного магазина. В одном окне

под вывеской «Покупаем старинное золото», выставлена мешанина фальшивых украшений, допотопных часовых цепочек, ношеных золотых челюстей и булавок для галстука. В другой витрине аккуратно разложены бриллианты с ярлычками ценников — от двух до пятнадцати тысяч долларов. Здесь у владельца был такой вид, словно он не сегодня-завтра пойдет по миру с сумой.

Я положил перед ним самородок и нагло спросил:

— Сколько дадите?

Он внимательно осмотрел самородок, положил на чашку весов и взвесил, после чего обработал несколькими разными кислотами.

— Червонное золото, — сказал ювелир. — Откуда оно у вас?

— Друг подарил.

— Жаль, что у меня нет таких друзей. — И, обращаясь к кому-то в глубине лавки, крикнул: — Ирвин, поди на минуту.

Вышел некто помоложе.

— Что скажешь?

— Золото не африканское, — провозгласил Ирвин. — И не индийское. И не калифорнийское червонное. Значит, из Южной Америки.

— Умник. Правильно.

— Откуда вы знаете? — изумился я.

Ювелир пожал плечами.

— По опыту, — сказал он. — Откуда мы знаем разницу между солью и сахаром? По опыту… Рыночная цена этого самородка составляет около сорока долларов. Я тоже должен заработать на кусок хлеба — даю вам тридцать пять,

— Что-что?

— Тридцать шесть и ни цента более, — сказал ювелир, отсчитывая деньги. — А если ваш друг еще раз сделает вам такой подарок, приходите опять.

Я взял деньги, остановил такси и помчался обратно, в бар «Мак-Арон». Бармен глазел в потолок.

— Человек, с которым я сидел, — выпалил я, — где он?

Бармен ехидно улыбнулся.

— Надул тебя, да? Я проходимца за целую милю чую. Он мне сразу не понравился, едва только порог переступил. Я бы на твоем месте…

— Куда пошел?

— Не обратил внимания. После твоего ухода он заказал двойную порцию виски без льда, сунул мне десятидолларовую бумажку, оставил на чай из сдачи пятьдесят центов и ушел.

— Вот мой телефон, — сказал я. — Как только этот человек появится, звони мне в любое время дня и ночи и не выпускай

отсюда до моего прихода. Получи пять долларов в задаток; с меня еще пять, когда позвонишь.

Но в «Мак-Ароне» Пилигрим больше не показывался.

Я наводил справки в верхах и низах — преимущественно низах, — но так и не напал на след. Разыскиваю человека: произношение английское, манеры располагающие, цвет лица как у малярика, поведение обманчиво-чудаковатое, любит распространяться о реке Амазонке и ее притоках. За любые сведения о местопребывании этого человека гарантирую солидное вознаграждение.

Ллойд Биггл-младший
У ЖЕЛЕЗНОЙ НЯНЬКИ (Пер. с англ. Ан. Гаврилова)

Профессор Освальд Дж. Перкинс был последним человеком, кого я хотел бы встретить в это утро, но стоило мне только войти в здание почты, как я увидел его прямо перед собой — он стоял и протягивал мне руку. Мне оставалось либо поздороваться с ним, либо повернуться и убежать. Я пожал ему руку. Спросил о здоровье, поинтересовался, не знает ли он, сколько еще продержится жара, как аллергия его дочери и успехи в учебе сына, и не передавали ли что-нибудь про дождь.

Через четыре минуты я исчерпал все возможности для поддержания разговора и начал испытывать некоторую неловкость. Спас меня почтмейстер Шентц. Он высунулся из окошечка для продажи марок и заорал:

— Какой позор, черт возьми!

Тонкие губы профессора сложились в ироническую усмешку, он покачал головой.

— Машины лишают людей работы с того самого момента, как люди начали их делать, — сказал он. — Большинство людей находят другую работу, и все в результате оказываются в выигрыше, потому что машины работают лучше. Как только какая-нибудь машина сможет делать мое дело добротнее, чем я, — с удовольствием уйду на отдых. Но такую машину еще не сделали, и не думаю, что когда-нибудь сделают…

Мы стояли у окошка для продажи марок.

— Я только что разговаривал с Сэмом Бейерсом, — сказал я профессору. — Он купил целую страницу в воскресном номере газеты для своей рекламы и пишет, что у его робота уже более восьмидесяти учеников по классу скрипки и что за одно занятие они делают такие же успехи, как за шесть месяцев обычного обучения. Он сказал мне по секрету, что через неделю у вас не останется ни одного ученика.

— Я знаю двух учеников, которые у него останутся, — прорычал Штенц. — Не поз волю, чтобы моих внуков учил скрипке какой-то там робот.

— Очень мило с вашей стороны, — пробормотал профессор Перкинс. — Но Сэм Бейерс знаете ли, не далек от истины. Сегодня утром у меня было двадцать четыре ученика. Когда я вернусь домой, то узнаю, наверное, что трое или четверо из них

отказались продолжать занятия. Еще неделя — и у меня останется только два ученика — ваши внуки. Зачем людям платить зато, что они могут получить даром?

— Сэм Бейерс — мошенник, — сказал мне Шентц. — Зря вы приняли его рекламу.

— Сэм — неплохой парень, — возразил я. — Мне не нравится то, что он затеял с этим своим роботом, но коль скоро в его объявлении нет ничего предосудительного, я не могу ему отказать.

Штенц мрачно покачал головой.

— Может быть, если профессор напечатает свое рекламное объявление…

— Я предлагал ему это сделать, причем бесплатно, но он не согласился.

— В этом нет необходимости, — ответил профессор. — Через неделю почти все мои ученики перейдут к Бейерсу. Примерно через месяц они начнут возвращаться ко мне. Я могу подождать. Мои ноты пришли?

Он протянул руку с длинными изящными пальцами и взял тонкий пакет с нотами.

Я получил почту для газеты, посмотрел, сколько там было чеков, и поспешил за профессором. Он стоял у входа в городской парк и смотрел, как играют в скуттербол.

Один из ребят поймал мяч в прицел и выстрелил точно в центр.

— Хорошо сыграно, — сказал я.

— У Коротышки Джонса неплохая реакция, — согласился профессор.

— Ваш ученик?

Профессор усмехнулся.

— Был неделю назад. Мне этого робота почти жаль. Коротышка пробует играть, держа скрипку вверх ногами. Он подрезает струны так, что они рвутся во время урока. Однажды он посадил в скрипку сверчка. Он его выдрессировал так, чтобы тот застрекотал только в нужный момент. «Профессор, — говорит он мне, — у меня что-то со скрипкой. Она очень странно звучит». Он делает вид, что проводит смычком по струнам, — и сверчок начинает стрекотать. «Это легко исправить, — ответил я. Дополнительно двадцать минут занятий ежедневно». Больше он сверчка не приносил.

Профессор рассмеялся.

— Да, мне почти жаль этого робота.

— Вы, кажется, не понимаете, насколько серьезна затея Бейерса.

— Конечно, понимаю. Я теряю деньги, а этого я не могу себе позволить. Но люди скоро поймут, что робот не может учить играть на скрипке. Может ли машина понять, когда ученика надо похлопать по плечу? Может ли она понять, когда ему нужен смычок потяжелей? Может ли она понять, кого из учеников надо немного приободрить, а кому дать подзатыльник? Может ли она научить чувствовать разницу между хорошо и плохо сыгранной фразой? Никакая машина не знает той тысячи вещей, которые известны любому хорошему учителю музыки. Людям это довольно скоро станет ясно, и робот Бейерса отправится обратно на фабрику.

— Я думаю, вы не правы, — сказал я. — Пока Бейерс дает бесплатные уроки, люди будут посылать к нему детей. Чем они рискуют? И задолго до того, как они разочаруются в роботе, вам надоест ждать и вы уедете. Что же этот Бейерс задумал?

Профессор улыбнулся и ничего не ответил.

— Наверное, вот что он хочет сделать, — продолжал я. — Бейерс будет давать бесплатные уроки до тех пор, пока не вынудит вас уехать. А затем он сможет назначить любую цену. Ученики должны будут платить, иначе у них пропадут время и деньги, которые уже вложены в музыкальное образование. Он будет брать за уроки в два раза больше, чем вы, чтобы оправдать затраты на робота. Такие машины дорого стоят.

Профессор, казалось, веселился:

— Так ты думаешь, что Сэм Бейерс хочет на этом заработать?

— На Сэма это не похоже, — признался я. — У него была нелегкая жизнь, и он всегда вел себя честно. Вот почему я не понимаю того, что происходит сейчас…

Мы повернулись и медленно пошли по главной улице, пока не оказались возле здания фирмы «Бейерс инкорпорейтед». Бейерс торгует всем понемногу, но до последнего времени основным его товаром были атомные бытовые приборы и разные механизмы. Сегодня утром в витрине у него висела новая ярко-красная вывеска: «Все виды роботов». В помещении над магазином размешалась музыкальная школа Бейерса. И робот, учивший играть на скрипке.

Когда мы проходили мимо здания, открылась дверь и на улицу весело выскочила девочка. Ее длинные золотые кудри развевались по ветру. Ей было не больше десяти лет, но в ее сияющем лице сквозь детскую проказливость уже просвечивала женская красота. Это была Шерон, дочь Сэма. Она обогнала нас, потом взглянула через плечо и резко остановилась.

— Привет, Шерон, — поздоровался профессор.

Девочка мрачно повернулась, не сводя с него глаз. Затем

медленно высунула язык.

— Так нельзя делать, Шерон, — сказал я. — Это невежливо.

Она и мне показала язык и бросилась бежать.

— Чего это она? — спросил я.

— В семье Бейерса меня не очень любят, — отозвался профессор.

Если бы любой другой ребенок в Уотервилле поступил подобным образом, я бы обязательно сказал пару слов его родителям. Но говорить на эту тему с Сэмом Бейерсом — лишь терять время. Он обожал свою дочку. Она была хорошенькой, и умной, и талантливой, и возможно, единственным его утешением после того, как сын оказался полнейшим тупицей. Если Шерон в чем-то и нуждалась, так это в хорошей порке, но этого от своего отца она не получит никогда.

Внезапно мы услышали звуки скрипки и остановились. Профессор потянул меня за руку, мы прошли от здания «Бейерс инкорпорейтед» мимо изысканного фасада кафе «Уотервилль» («Имеется стоянка для автомобилей. Посетите наши сады на крыше и не пропустите наши вечерние гала-представления») и встали перед витриной компании «Земные модели лимитед, Уотервилльское отделение», делая вид, что рассматриваем очаровательные платья для девушек.

— Бетховен, — сказал профессор. Его обычно спокойное, не подвластное годам лицо горело от возбуждения. — Соната до минор, опус тридцать, номер два.

— Я знаю, — ответил я. — В свое время вы заставляли меня ее играть.

Он кивнул.

— Робот заслуживает некоторого уважения. Мало кто из преподавателей настолько хорошо знаком с историей скрипичного репертуара, чтобы знать о существовании этого забытого шедевра.

— Робот хорошо играет, — заметил я.

Профессор быстро на меня взглянул.

— Ты полагаешь?

— Но играет он, как робот, — добавил я.

Было что-то мрачно механическое в этом безразличии к Техническим сложностям, в строгости ритма, в презрении к эмоциональным ценностям. Ученики робота — все до одного — будут играть, как машины, и, к сожалению, добрые жители Уотервилля и окрестностей не почувствуют разницы. А даже если и почувствуют, заботить их это не будет — тонкости музыкального вкуса и исполнения ничего для них не значат, лишь бы их чумазые отпрыски играли.

Мы перешли улицу и встали у входа в аптеку Сэйлора, где было лучше слышно. Лучи солнца доносили до нас музыку — ошеломляющее разнообразие мелодий. Робот играл отрывок за отрывком, я узнал фрагмент старого концерта Альбана Берга и несколько современных пьес Морглитца. Профессор внимательно слушал и ничего не говорил.

Ровно через полчаса музыка прекратилась. Несколько секунд спустя дверь музыкальной школы Бейерса распахнулась. Одиннадцатилетний Джеффери Гэдмен выскочил на улицу, прыгнул в стоящий скуттер и полетел в сторону парка, где играли в скуттербол.

— Странно, — сказал я. — Я не слышал, чтобы он играл.

Профессор улыбнулся.

— Ты никогда не видел этого робота? Не слышал, как он устроен? Я так и думал, робот не играет на скрипке. Он не может играть на скрипке. Он лишь помогает играть ученику.

Я уставился на него.

— Да, — сказал он. — Ты сейчас слышал, как играет юный мистер Гэдмен. Три недели назад он не мог правильно сыграть даже гаммы, даже простенькую народную мелодию. Но вот робот дает ему два, может быть, три урока — и он играет Бетховена, и Берга, и Морглитца, как зрелый музыкант. Замечательная штука — этот робот, не правда ли?

Он рассмеялся, похлопал меня по плечу и пошел по своим делам.

Я же отправился обратно в редакцию, заперся в своем кабинете и начал думать. Профессора, казалось, не очень волновала конкуренция со стороны робота, но как редактор единственной в округе газеты я хорошо знал людей. И понимал, что мы потеряем профессора.

У Сэма Бейерса было полно денег. Он мог давать бесплатные уроки сколько ему будет угодно. Но профессор ограничен в средствах и не может позволить себе просто сидеть и ждать, когда же его ученики к нему вернутся. В конце концов, ему придется отправиться туда, где он найдет возможность зарабатывать уроками на жизнь.

Профессор был нужен Уотервиллю. Он был последним нашим защитником культуры. Он приехал к нам в город двадцать лет тому назад, спасаясь от суматошной и напряженной жизни музыкантов больших городов. В то время Уотервилль мог показаться малообещающим местом для учителя музыки, но профессор был молод — едва за сорок, и энтузиазма и напористости ему было не занимать. В конце концов, он убедил всех, что искусство — это не обязательно то, что пылится в

музеях или пассивно поглощается с экранов видеовизоров.

— Организму ребенка не идет на пользу, если он только сидит и смотрит, как играют в скуттербол, — говорил он. — Если вы хотите наслаждаться духовными богатствами искусства, вы должны его создавать. Нельзя просто наблюдать с трибун.

Такой разговор людям был понятен, и профессор Перкинс набрал себе большой класс учеников. Когда они добились определенных успехов, он создал оркестр и сам им дирижировал. Если для каких-нибудь концертов не хватало исполнителей, он приглашал профессиональных музыкантов из города и сам им платил. Он давал несколько сольных концертов в год и регулярно устраивал выступления своих учеников. Он нанимал лучших профессиональных аккомпаниаторов, каких только мог найти, и, естественно, платил им сам. Я знал, что у него не могло быть значительных сбережений. Все свои деньги он вложил в развитие культуры в Уотервилле.

Эти концерты и сольные выступления стали событиями. У каждого окрестного жителя находился хотя бы один родственник, принимавший в них участие, и приходили все — вход был, разумеется, бесплатный. И это еще не все. Профессор договорился с двумя молодыми художниками, чтобы они проводили летние месяцы в Уотервилле, давая за умеренную плату уроки всем желающим. Я не могу даже представить себе, во сколько ему это обошлось. Когда умер мой отец, и газета перешла ко мне, он уговорил меня организовать конкурсы рассказов, стихотворений, очерков и печатать в газете произведения победителей. Это, по крайней мере, ему ничего не стоило — я сам оплачивал призы.

Но идея была его, все та же — не смотрите с трибун, пробуйте сами. За двадцать лет, что профессор ее проповедовал, мысль эта крепко укоренилась в сознании жителей города. У нас было все — от клубов резьбы по дереву до клубов композиторов. И профессор был их организатором и ангелом-хранителем. Почти каждый ребенок, выросший в городе за последние двадцать лет, в то или иное время учился музыке, да и многие взрослые тоже. Профессор стал неотделим от города. Все любили его, особенно дети.

Трудно было поверить, что после всего, что он сделал, люди готовы променять его на робота Сэма Бейерса. Я надеялся, что робот притягивал их так же, как новое приспособление для кухни или механизм для работы на ферме. Есть нечто интригующее в роботе, который может учить играть на скрипке. К тому же уроки бесплатные — и будут бесплатные, пока Бейерс не избавится от профессора.

Прохандрив почти все утро, я решил еще раз поговорить с

ним. Он жил в маленьком доме на окраине, достаточно отдаленном от ближайших соседей, чтобы уроки музыки им не мешали. Летом двор его, как ковром, был покрыт цветами.

Дверь мне открыла дочь Перкинса Хильда.

— Он в саду, — сказала Хильда. — Садитесь, я сейчас позову отца.

Я не стал садиться. Комната, по которой я нервно расхаживал, в большинстве домов стала бы гостиной, но профессор сделал из нее свой кабинет. Она была мило обставлена, на стенах висели портреты композиторов, лист забавных на вид средневековых нот в рамке и фотографии оркестров, в которых играл профессор. Это была единственная комната с кондиционером. После капиталовложений в развитие культуры в Уотервилле у профессора оставалось маловато денег, чтобы заботиться о комфорте.

Он удивился, увидев меня, но был приветлив, как всегда. Не успел он заговорить, как Хильда сказала, мрачно на меня посмотрев:

— Звонила миссис Андерсон, Кэрол…

— Ах да, Кэрол теперь будет ходить к Бейерсу. Сегодня ей трудно сыграть коротенькое упражнение, а завтра она без ошибок исполнит концерт Морглитца. Замечательная штука — этот робот, а, Джонни? Так сколько у нас осталось? Двадцать два?

— Двадцать один, — ответила Хильда. — Ты забыл про Сюзан Зиммер. Разве я тебе не говорила?

— Не говорила. Но это не важно. Ну, Джонни? Что привело тебя к ископаемому музыканту?

Мы сидели рядом на диване, и Хильда принесла нам кофе и блюдце с пирожными. Мы пили кофе, жевали пирожные, я думал, что сказать, а профессор вежливо ждал.

— Что вы знаете о роботе Бейерса? — спросил я наконец.

— Достаточно для того, чтобы понять, почему он не может быть учителем музыки. Я видел подобные в Нью-Йорке. Я знаю, какие с ними проводились эксперименты. Робот Бейерса — возможно, улучшенная модель, но у всех есть один основной дефект.

— Как они работают? — спросил я. — Понимаете, я пытаюсь нащупать что-нибудь, что я смогу использовать. Может быть, в редакционной статье.

Он улыбнулся.

— Ты не сдаешься, да? Ни шагу назад. Пока есть жизнь — есть надежда. Игра не закончена, пока остался хоть один ученик. — Он встал и налил себе чашку кофе. — Бейерс говорит, что я старый эгоистичный осел, стоящий на пути прогресса. Но он

неправ. Для машины есть место — даже в искусстве для машин есть место, — но машина никогда не сможет заменить настоящего художника. Она может помогать ему, она может стимулировать его. Она может избавить его от механического труда. Но она не может ниспослать на него вдохновение и чувство. Это должно исходить от самого художника. Возьмем, к примеру, нотописец. Композитор играет, а нотописец записывает то, что он играет. Машина не сочиняет музыку, но она избавляет композитора от скучной обязанности фиксировать ноты на бумаге, что позволяет ему творить, не разрывая постоянно нить вдохновения, чтобы записать и не забыть то, что он сочинил. Это неоценимая машина.

— Как может машина стимулировать? — спросил я.

— Ты слышал о машинах-композиторах?

— Я думал, что это шутка.

— Так и было, пока в их программу была заложена какая-нибудь определенная система. Они писали абсолютно правильную и ужасающе скучную и наивную музыку. Затем кто-то создал машину, которая не следовала никакой системе. Она создавала полнейший хаос, но в этом хаосе попадались великолепные тональные эффекты, найденные машиной совершенно случайно. И чтобы понять эти эффекты и правильно их использовать, нужен был великий художник. Свои последние и величайшие сочинения Морглитц написал, вдохновляясь теми случайными жемчужинами, которые он нашел в созданном машиной-композитором хаосе.

— Тогда причем здесь робот — учитель музыки? — спросил я.

— Ни при чем. В этом случае машина становится художником, а художник — машиной. Это трудно объяснить. Вспомним робота, который таскает и грузит мешки с кормом в магазине Уоррена. Представь себе, что вместо того, чтобы носить эти мешки, машина просто укрепляла бы позвоночник человека, чтобы он сам мог поднимать большой груз. То же самое делает и робот-учитель. У ученика появляется сноровка, но не понимание и не мастерство. Он может носить большой груз, пока машина ему помогает, но без машины он будет играть хуже, чем он играл до того, как начались занятия с роботом.

— И все-таки я не понимаю, что же делает этот робот?

— Робот-учитель — это большой ящик с кучей щупальцев, которые прикрепляются к ученику. Он говорит ученику, когда его скрипка настроена. Он правильно ставит руки и пальцы ученика. Они стоят абсолютно правильно, так как держать их иначе робот просто не даст. Ученик не может сфальшивить, взять не ту ноту: к каждому его пальцу прикреплено щупальце, и робот не позволит

ему этого сделать.

На экране робот высвечивает ноты, и ученики знают, что именно они играют, потому что каждый такт загорается, когда они до него доходят, и исчезает, когда они его сыграют. Если им не лень смотреть на экран, они знают. Если лень — это не имеет значения. Робот не позволит им ошибиться. Я видел, как такого робота демонстрировали с малышами, которые боялись его до смерти. Он не обращал внимания на их рев и заставлял их играть.

— Звучит все это ужасно, — заметил я. — Мне кажется, что дети должны возненавидеть того, кто их так учит.

— Да робот-то ничему не учит. Он лишь использует ученика как инструмент. Ученики робота также не могут играть без него, как скрипка не может играть сама по себе. В Нью-Йорке было проведено исследование. Одна группа начала заниматься с учителем, другая — с роботом. Через два года те, кто ходил к учителю, прекрасно играли, ученики же робота не могли исполнить ничего. Без робота, конечно. С роботом они могли сыграть все, что угодно.

— А что, если мы здесь, в Уотервилле, проведем такое же исследование?

Профессор покачал головой.

— Нет времени. Если я буду давать уроки даром, я, может быть, верну своих учеников или привлеку новых, но нужно слишком много времени, чтобы что-нибудь доказать.

— А робот не может повредить детям?

— Может, если только с ним не работает специалист, а у Бейерса нет такого специалиста. Мускулы должны укрепляться постепенно. Разумеется, нет ничего хорошего в том, что пальцам ребенка приходится играть трудную музыку, когда они к этому еще не готовы. Был такой композитор — Шуман. Девятнадцатый век. Он был пианистом и придумал приспособление для тренировки пальца, который казался ему слишком слабым. Это погубило его исполнительскую карьеру.

— Он был значительным композитором?

— В общем, да.

Мне вдруг стало немного легче.

— Вот это уже нечто, что я могу использовать. Может получиться хорошая статья. «Вреден ли робот для наших детей?» Это заставит людей насторожиться, обратить внимание.

Он грустно покачал головой.

— Люди никогда не остаются настороженными долго. Это слишком неудобно для них. Нет, Джонни, тебе понадобится куча материалов и куча времени.

Я встал и снова принялся ходить по комнате.

— Что же я могу сделать? — спросил я. — Просто стоять и смотреть, как Бейерс уничтожает все, что вы создали в Уотервилле?

— Наберитесь терпения. Машина не может заменить художника. А учитель — хороший учитель — это настоящий художник.

— А почему Бейерс вообще решил купить этого робота?

Профессор невесело улыбнулся.

— Ты ведь знаешь, что он думает о своей дочери. Она самый умный ребенок в городе. Она пишет стихи и рассказы и в двух последних твоих конкурсах получила первые призы. Она танцует так, будто земное притяжение для нее не существует. Она играет в театральных постановках. Бейерс решил, что она должна быть также и музыкальным вундеркиндом и прислал ее ко мне, чтобы я учил Шерон играть на скрипке. Я отослал ее домой. Шерон милая девочка, и умная, и талантливая, но она начисто лишена слуха. Бейерс счел себя оскорбленным. Я объяснил ему, что если девочка не может отличить одну ноту от другой, то учить ее музыке — напрасно тратить время и деньги. А он заявил, что даже если у нее нет слуха, то это ничего не значит, к тому же слух у нее есть, и он докажет мне это, даже если это будет последнее, что он сделает в своей жизни. И вот он выписал робота, чтобы учить Шерон, а заодно решил давать бесплатные уроки всем желающим и попытаться переманить всех моих учеников.

— Ну ладно, я рад вашей уверенности, что все будет в порядке. Но все равно, я бы хотел как-то ускорить ход событий.

Он задумался.

— Есть только одна возможность его ускорить. Сделать так, чтобы робот дал урок мне, но Бейерс меня и близко к нему не подпустит.

— Что вы задумали?

Он молча покачал головой…

— Если вам нужен только урок, я легко это устрою. Бейерс должен будет согласиться. Он дал объявление, что кто угодно может у него бесплатно заниматься.

— Меня он не примет.

— Тогда он будет виновен в мошенничестве при рекламировании. Давайте я ему позвоню.

Я подошел к видеофону, отключил видеоканал и набрал номер Бейерса.

— Вы, наверное, не можете разобрать текст объявления, — рассмеялся он. — Надо было отдать его вам отпечатанным на машинке.

— Нет, с объявлением все в порядке, — ответил я. — Я просто хотел договориться насчет урока у вашего робота. У меня для него есть новый ученик.

— Это же здорово! — воскликнул Бейерс. (Он давно пытался заинтересовать меня своим роботом, считая, что я не рекламирую его так, как тот того заслуживает.) — Присылайте его ко мне, у нас как раз свободное время.

— Я сам его привезу. — Я выключил видеофон и повернулся к профессору. — Поехали!

Он взял свою скрипку. Нервничать я начал еще до того, как мы вышли из дома. И мне отнюдь не помогло успокоиться то, что, пока мы шли по двору, профессор одиннадцать раз останавливался, чтобы показать мне свои цветы.

Отдуваясь, мы поднялись по лестнице в музыкальную школу Бейерса и вошли в маленькую, уютно обставленную приемную. Стену ее украшала большая цветная фотография Шерон Бейерс; в танцевальном костюме девочка была похожа на красивую куклу. На противоположной стене висел прекрасный портрет Шерон, выполненный углем, на других — ее маленькие фотографии. Если у Бейерса и был портрет его сына, Уилбура, то я его не заметил. Наверное, он держал его в кладовке.

Я подошел к столу и нажал кнопку. Минуту спустя по лестнице прогромыхали шаги, и в комнату ворвался Уилбур. Если бы человеку в жизни, как за игорным столом, полагалось пять карт, то Уилбур из тех бедняг, кому досталось бы не больше трех. Он был не настолько уродлив, чтобы внешность его казалась отталкивающей, и не настолько умным, чтобы казаться нормальным. Он ухмыльнулся мне, потом заметил профессора и замер.

— Что этот здесь делает? — взвизгнул Уилбур.

— Я пришел на урок, — мирно отозвался профессор. — Мистер Крэнтон договорился с мистером Бейерсом.

С инстинктами у Уилбура было все в порядке. Его сразу охватило агрессивное подозрение, но ему потребовалось некоторое время, чтобы придумать следующий вопрос, и вопрос этот был не так уж гениален.

— Что это значит?

— Это значит, — ответил я, — что профессор пришел на урок.

— Он не ученик!

— Учиться никогда не поздно, — весело сказал профессор. — Тебе не говорили этого в школе? Нет? Какая жалость. Когда-нибудь ты будешь таким же старым, как я, и тогда вспомни то, что я тебе сейчас сказал. Когда человек перестает учиться, он

мертв.

— Я не дам вам урок.

— Не ты, сказал профессор. — Робот. Робот даст мне урок.

Уилбур с ненавистью посмотрел на него, подыскивая ответ и не находя его.

— Схожу-ка я за отцом, — сказал он наконец.

Его шаги снова загрохотали по лестнице. Минуту спустя они прогрохотали обратно и замерли у двери. Сэм Бейерс поднимался медленно. Это был худощавый, тихий человек с седеющими волосами и аккуратно подстриженными усами. На его приятном лице обычно светилась дружелюбная улыбка. Но сейчас он не улыбался, и во взгляде, который он бросил на профессора, не было ничего приятного.

Он повернулся ко мне.

— Что здесь делает Перкинс?

— Вы сказали привезти его на урок. Я и привез, так что давайте начнем.

— Он сам может давать себе уроки. Вон отсюда! Оба.

Бейерс был явно полон решимости вышвырнуть нас за дверь. Его лицо побледнело, на щеках от гнева появились красные пятна, руки дрожали. Мне стало его жаль, и я подумал, неужели всегда люди, которые кого-нибудь слишком любят, начинают потом кого-нибудь слишком ненавидеть.

Я повернулся к профессору.

— Если он хочет нарушать закон, это его дело. Пойдемте к Тому Силверсу, пусть он запишет наши официальные показания для передачи дела в суд.

Бейерс набычился и произнес ледяным тоном:

— Свои дела я буду делать так, как мне будет угодно.

— Ничего подобного, — возразил я. — Целых три недели вы рекламируете бесплатные уроки для всех. Если вы отказываетесь дать урок профессору, значит, вы смошенничали при рекламировании. Можете проверить у своего адвоката.

Он медленно успокаивался. Красные пятна на щеках исчезли, но белый как мел цвет лица был им не лучшей заменой. Он тяжело сел и свирепо взглянул на профессора.

— Что вам нужно?

— Урок музыки, — ответил профессор.

— Если профессор решит, что робот — это хорошо, то, может быть, он бросит преподавать, — сказал я. — Тогда все ученики достанутся вам.

— Все его ученики и так достанутся мне.

— О нет, — возразил я. — Вы потеряете и тех, кто у вас есть, когда люди задумаются, почему вы отказали в уроке профессору.

Цвет лица у Бейерса уже был почти нормальным. Он хитро посмотрел на профессора и пробормотал вполголоса:

— Знаете, а это неплохая мысль. Если робот в состоянии давать уроки Перкинсу, все поймут, что он может учить кого угодно. Организуй ему урок, Уилбур. Я сам хочу на это посмотреть.

Уилбур провел нас в соседнее помещение, в святилище робота. Профессор достал скрипку и спокойно приблизился к своему сопернику. Робот стоял в центре комнаты — внушительное сооружение из блестящего металла и пластмассы. По бокам у него свисали многочисленные щупальца. Сзади была панель управления. Впереди темнел выключенный экран и ряд сигнальных лампочек.

Я искоса взглянул на Бейерса. Он уже потерял всякий интерес к происходящему — сидел в углу и смотрел на висящую фотографию Шерон в полный рост. Через несколько лет, подумал я, эта девочка станет настоящей красавицей — и горе тому молодому человеку, который вздумает за ней ухаживать!

Уилбур нервно суетился, подкручивая ручки на роботе. Он поднял экран до уровня глаз профессора, а его самого подвинул немного вперед, так, чтобы тот встал в специальное углубление в основании робота. После этого Уилбур скрылся за панелью управления.

— Начинающий? — хихикнул он.

— Как тебе будет угодно, — ответил профессор.

— Сделаем «Продолжение обучения», — сказал Уилбур. Он нажал кнопку, и робот тихо загудел. На экране зажглось слово «Настройка». Профессор презрительно провел пальцем по струнам. При каждом звуке на панели вспыхивала зеленая лампочка. Уилбур ошеломленно уставился на робота.

— Ого! — воскликнул он. — Большинство учеников тратит минут десять, пока у них загорится зеленый!

— Я верю, — отозвался профессор.

На экране появились ноты, но профессор, казалось, не собирался поднимать скрипку. Неожиданно его окружили щупальца. Я смотрел, потрясенный, как робот осторожно установил ему скрипку, поднял локти до нужной высоты и поставил смычок. По комнате поплыли звуки — хрупкие, механические звуки. Я понял, что это играет не профессор.

— Я совершенно расслаблен, — сказал он мне. — Я ничего не делаю, но робот все-таки заставляет меня играть. Видишь, Джонни?

— Невероятно! — вырвалось у меня.

Сэм Бейерс тихо фыркнул.

— А теперь играю я сам, — продолжал профессор. Музыка сразу стала теплой и выразительной. — Робот сейчас отдыхает. Но предположим, я попытаюсь допустить ошибку. Вот, видишь? Ошибки не было. А вот сейчас этот пассаж, фортиссимо, я попробую сыграть его пианиссимо. И не могу — видишь? Если я расслабляюсь, робот сам ведет смычок так, как нужно.

— Невероятно, — повторил я.

Музыка продолжала звучать. Иногда я слышал профессора, иногда — робота. Профессор продолжал комментировать все, что происходило. Потом щупальца опали, экран погас, и снова появилось слово «Настройка».

Уилбур гордо хихикнул. Сэм Бейерс подошел к профессору и собрался положить ему руку на плечо. Но передумал. Улыбка его казалась вполне нормальной, но глаза блестели мстительным светом.

— Готовы ли вы признать, что мой робот может вас кое-чему научить? — спросил он.

— Ну конечно. У меня уже появилась парочка идей. Но мне не очень нравится звучание. Вы позволите мне сменить струны?

— Конечно. Меняйте.

Профессор достал из футляра новые струны, в этот момент в приемной раздались голоса. Дверь приоткрылась, и в комнату заглянула светловолосая миссис Андерсон.

— Я привела Кэрол на урок. О! — она уставилась на профессора.

— Входите, миссис Андерсон, — сказал профессор. — Я сейчас закончу, и начнется урок Кэрол. — Он повернулся к Уилбуру: — Правильно?

— Правильно, — хихикнул Уилбур и подмигнул Кэрол. Та покраснела и поспешно уселась рядом с матерью, строго глядя перед собой.

— Я вас не задержу, — успокоил их профессор. — Еще, может быть, одно упражнение. У вас есть что-нибудь трудное?

— Конечно, — отозвался Уилбур. — Я вам дам одну хорошую и трудную штуковину. Я сам ее вчера играл.

Профессор подошел к роботу, встал в углубление и провел пальцем по струнам. Зажглись зеленые огоньки, и на экране появились ноты.

— А, Паганини, — произнес профессор. — Так ты теперь играешь Паганини, Уилбур? Но это же замечательно!

— А я в жизни не брал ни у кого ни одного урока, только у робота.

— Не может быть!

— Шерон тоже играет Паганини, — вырвалось у Бейерса.

Профессор улыбнулся, но ничего не сказал — его уже охватывали щупальца. Я невольно наклонился вперед, чтобы сразу услышать, кто играет — профессор или робот.

Но после первых же звуков даже Сэм Бейерс понял, что что-то не так. Он вскочил и бросился к панели управления. Ревущие, искаженные звуки не имели ничего общего с музыкой. На панели судорожно зажигались и гасли красные лампочки. Гудение робота стало громче. Уилбур с отвисшей челюстью сражался с панелью управления.

— Что-то случилось, — сказал Бейерс. — Что ты сделал, Уилбур?

— Ничего… здесь все в порядке, — выдавил из себя тот.

Гудение превратилось в громоподобный рев, изредка прерываемый глухим стуком. Скрипка продолжала звучать, и робот вздрогнул так, что затряслась вся комната. Из его основания поднялась тонкая струйка дыма.

— Выключай! — закричал Бейерс.

Уилбур потянулся к рубильнику — слишком поздно! Все лампочки на роботе погасли, экран потемнел, щупальца отпустили профессора и повисли, изредка подергиваясь.

— Что произошло? — невинно спросил профессор.

Я взглянул на него и увидел, что он с трудом сдерживает улыбку.

Бейерс пропустил вопрос мимо ушей.

— Уилбур! — рявкнул он. — Вызови Эда, пусть посмотрит, в чем дело.

Уилбур выбежал из комнаты. Дым продолжал подниматься из отверстий в основании робота, и Бейерс принялся открывать окна.

— У Кэрол что — не будет урока? — спросила его миссис Андерсон.

— Не знаю, — ответил Бейерс. — Подождем, пока Эд… А, вот и он. Эд, что случилось с этой штуковиной?

Эд пожал своими широкими плечами, бросил на пол ящик с инструментами и начал отвинчивать заднюю стенку робота. Он снял ее, посветил фонариком и присвистнул.

— Это мне не починить. Что произошло? Здесь все сгорело внутри.

— Что? — не веря своим ушам, переспросил Бейерс. — Ты не можешь это починить?

— Его придется отправлять обратно на фабрику. Здесь нужен целый новый блок.

— Так будет урок у Кэрол или нет? — повторила миссис Андерсон.

Бейерс беспомощно развел руками.

— Боюсь, что нет. Как только мы его починим, я дам вам знать.

— Это мне нравится! — возмущенно воскликнула она. — Как же Кэрол будет учиться играть, если она не может положиться на своего учителя? Профессор, вы можете дать ей сегодня урок?

— Позвоните Хильде, — ответил профессор. — Она занимается расписанием.

— Подождите минутку! — вмешался Бейерс. — Все будет готово через несколько дней.

Миссис Андерсон смерила его взглядом.

— Профессор берет деньги за свои уроки, но, по крайней мере, на него можно положиться.

— Это верно, миссис Андерсон, — отозвался профессор. — Я ем витамины, принимаю таблетки от простуды и аллергии, иногда я могу порезать себе палец и растянуть лодыжку. Но я еще ни разу не пропускал урок из-за того, что у меня перегорел предохранитель.

Миссис Андерсон вышла, твердо ведя за собой Кэрол. Я тоже направился было к двери, но остановился, чтобы подождать профессора, который подошел к Уилбуру и похлопал его по спине.

— Какая жалость, Уилбур. Может быть, ты переутомил робота, слишком часто играя Паганини. Дай мне знать, когда вы его почините, я приду, и мы закончим урок.

Сэм Бейерс повернулся и погрозил профессору дрожащим пальцем.

— Это ваша работа, Перкинс. Я не знаю, что вы сделали, но я выясню и подам на вас в суд и потребую в качестве компенсации все, что у вас есть. Я знаю, что имущества у вас немного, но я заберу его у вас!

— Мистер Бейерс, — мягко сказал профессор. — Я дам вам дружеский совет. Отошлите робота обратно на фабрику и забудьте про него. Это замечательная машина, но она никогда не сможет быть учителем музыки. Я играю на скрипке уже шестьдесят лет и пятьдесят из них преподаю, так что я знаю: робот или человек — никто не может быть учителем музыки, если у него нет чувства юмора. Пошли, Джонни!

Мы спустились по лестнице и вышли на улицу. Профессор тихо улыбался, мурлыкая какую-то мелодию. Если бы мне не было так интересно узнать, что же произошло, я бы, наверное, сам начал петь.

— Ну ладно, — сказал я, когда сдерживаться уже было выше моих сил. — Как вам это удалось?

— Фокус, Джонни. За пятьдесят лет преподавания музыки детям я узнал такие фокусы, какие роботу никогда не узнать. Я помню даже кое-что из своего детства.

— В это я могу поверить. И какой же фокус вы сыграли с роботом?

— Я в свое время учился в консерватории. Ребята любят всякие шалости, и однажды мои друзья надо мной подшутили. На концерте я должен был играть одну пьесу соло. И перед моим выходом на сцену они взяли и поменяли местами все струны. Струны на скрипках всегда располагаются в определенном порядке — наверное, с того самого времени, когда были сделаны первые скрипки — от нижней к верхней: соль-ре-ля-ми. Ребята поменяли мне струны так, что самая верхняя оказалась там, где должна быть нижняя, а нижняя — где-то в середине, в общем, все они были не на месте.

Как только я вышел на сцену и начал настраивать скрипку, я понял, что они сделали, но было уже поздно — я стоял перед зрителями. Пьеса, которую мне предстояло сыграть, была несложной, и я решил попробовать. Я не смог сыграть даже первый такт! Я остановился, произнес короткую речь с объяснением того, что произошло, и переставил струны, как надо. Зрители были довольны, и мне долго аплодировали, а ребята потом сложились и купили мне маленькую медаль за мужество в сложных обстоятельствах. Она до сих пор у меня хранится.

— Значит, когда вы достали новые струны…

— Я поменял их местами. Вместо соль-ре-ля-ми я поставил ми-ля-ре-соль. Человек, в принципе, может приспособиться практически ко всему, но такое не под силу даже опытнейшему музыканту. Робот был обречен. Приборы показывали ему, что инструмент настроен, но куда бы он ни направлял мои пальцы, раздавались неправильные звуки. Единственное, что ему оставалось, — перегореть. Может быть, из-за меня Бейерс потерял много денег, но, честно говоря, мне его не жаль. Уроки у робота ученикам не на пользу. Они бы никогда ничему не научились — он все делал за них.

— Бейерс не в убытке, — сказал я. — Он слишком умен для этого. У него наверняка есть гарантия на эту машину или он взял ее на испытательный срок. Но он починит робота и начнет все сначала и уж точно не даст вам снова его сломать.

— Это не имеет значения, — ответил профессор. — Я лишь немного ускорил ход событий. Это все равно бы произошло рано или поздно. У мальчишек всегда что-нибудь есть в запасе. Будь то подрезанные струны или смычок, намазанный вазелином, как ты сделал в свое время, — нет, я не забыл этого — или по-разному

переставленные струны — робот все равно бы отправился на фабрику. Если у ребят кончатся их шалости, я всегда могу шепнуть какому-нибудь ученику Бейерса:

— А что будет, если попробовать сделать вот так?

Родителям быстро надоест, если робота будут все время отправлять на фабрику. У учителя музыки…

— Знаю, — перебил его я. — У учителя музыки должно быть чувство юмора.

Он остановился и схватил меня за руку:

— Джонни, мы поспешили. Надо было подождать.

— То есть? — спросил я. — Что вы имеете в виду?

Он хитро посмотрел на меня, его глаза блестели, губы сложились в лукавую улыбку — улыбку мальчишки, который набедокурил, но знает, что его не накажут. Мне вдруг стало даже немного жаль, что я столько волновался — и все напрасно. Профессор мог справиться с любым роботом — и он это знал. Он надеялся, что Бейерс починит свою машинку, — для того чтобы еще раз подложить ей свинью. Я представил себе, как он собирает ребят и говорит им:

— А теперь попробуем…

Неудивительно, что дети его любили.

Он отвернулся и грустно покачал головой.

— Надо было подождать. Я готов отдать все на свете, лишь бы узнать, что робот станет делать с Коротышкой Джонсом и его дрессированным сверчком.

Уильям Ф. Нолан
СЛУЖИТЬ КОРАБЛЮ (Пер. с англ. М.Гресько)

Он шагнул в тускло освещенный отсек и остановился, прислонившись к двери. В мягком полумраке пахло чем-то совсем домашним. Ровно светились шкалы приборов. «Господи, как же здесь хорошо», — подумал он, глубоко вдыхая этот воздух и стискивая пальцы в кулаки. Он стоял в ласковой, привычной темноте, закрыв глаза, и в голове кружилась одна-единственная мысль: вот оно, мое место… вот чему я принадлежу безраздельно, душой и телом.

Я Норман Джером Халандер. Служитель Корабля.

Он поднял веки, глаза привыкли к темноте. Впереди мигала и переливалась стена крошечных разноцветных лампочек, мерно подрагивали стрелки на круглых циферблатах, тихонько жужжали приборы, обуздывая исполинскую мощь Корабля, ведя его сквозь космические просторы, туда, где…

Чертыхнувшись, Норман Халандер ударил себя по лбу. Думать о том, куда направлялся Корабль, он не хотел. Все было так ужасно несправедливо. Но так, наверное, думает в подобной ситуации каждый Служитель, — опомнился он. Каждому приходят в голову одни и те же печальные мысли, и каждый клянет бессердечную машину с ее безапелляционным заключением.

Он медленно приблизился к мерцающей панели и опустился в мягкие недра штурманского кресла. Вокруг, огромный и всемогущий, дышал Корабль. Реактор, глубоко упрятанный в ребристый панцирь, едва уловимо вибрировал. Норман ощущал эту вибрацию каждым нервом, каждым мускулом. Негромко гудели приборы, вращались колесики механизмов, пели провода. Корабль жил своей жизнью. И он, Халандер, уже не был его частью. Он был просто пассажиром. И направлялся он в пункт назначения, достичь которого так не хотел. Вздохнув, Халандер вынул из кармана тонкую металлическую пластину. Чтобы прочесть написанные на ней слова, ему не надо было света. Они прочно врезались в его память.

РЕЗУЛЬТАТ ТЕСТА А176Х:

29 июня 2163 года

ОПЕРАЦИОННЫЙ СТАТУС:

непригоден

…Серебряные иглы проникли в его вены. Электронные приборы измерили ритм сердца, давление крови, скорость реакции. Его тело было придирчиво обследовано в поисках малейшего отклонения от нормы. И неполадка была найдена. Приговор вынесен. Непригоден. Всего одно слово, которого он так боялся, означавшее, что работа его окончена, что отныне он уже не часть Корабля и не может служить ему. Все восемьдесят лет, что Корабль скитался по космосу и кружил над неведомыми мирами, собирая богатые рудные ископаемые чужих планет, Норман заботливо руководил его усилиями, своей рукой оживляя хрупкие металлические щупальца, которыми Корабль брал пробы незнакомых пород. Это был Корабль-Вековик, специально созданный и собранный, чтобы на протяжении полных ста лет странствовать в космосе, постепенно заполняя свои огромные кладовые рудами и топливом. И только потом, наконец, вернуться домой. Исключение делалось лишь в случае, если…

Если его Служитель откажет первым, закончил мысль Халандер. Если еще до истечения установленного срока Корабль признает своего Служителя непригодным, неспособным выполнять свои функции, — тогда он отвергнет его, возвратит на Землю.

Халандеру было сто пять лет — по земным меркам возраст всего лишь средний. Но для космоса он был стар. В идеале, он, видимо, сумел бы остаться с Кораблем еще на пятнадцать столь драгоценных лет. Но человеческая немощь сыграла с ним злую шутку. Наука сохранила ему молодость, но даже ее чудеса были бессильны сделать его совершенным. Таким, как Корабль. И поэтому Корабль возвращал его домой

— Когда его ожидать? — спросил доктор Баррак.

— Завтра утром, — ответил его ассистент Иллер, развернув на столе расписание рейсов.

Баррак поднял глаза от расписания и встретил холодный взгляд Иллера.

— Господи, сделай, чтобы хоть на этот раз нам повезло. Ваши люди готовы?

Иллер кивнул.

— За ним будут следить с момента посадки. Лично я не питаю иллюзий. Похоже, схема всегда одна.

— Схему можно сломать. Это и есть главная цель нашей работы. Как обычно, я буду ждать сообщений каждый час. Нам еще многому придется и предстоит научиться, но с каждым разом решение становится все ближе. Почем знать, а вдруг именно на

этот раз мы выиграем?

— Я бы не стал на это надеяться…

Лежа на боку в постели, Халандер смотрел, как на темном небе загорались первые звезды. Он знал, что на Земле ему не место. Звезды его понимали. А больше никто в этом душном мире. Никто.

Конечно же, здесь делали все, чтобы он чувствовал себя как дома. Ему предоставили современный коттедж, оборудованный всеми мыслимыми предметами электронного комфорта, набили целый шкаф всевозможной одеждой. В гараже стояла последняя модель ракетомобиля. Ему благодарное правительство дало все. Все, кроме возможности вернуться назад.

Родные тоже очень старались. Им так хотелось, чтобы он поверил, что его ждали, что его возвращению рады, что он вновь стал полноправным членом семьи, их плотью и кровью. Но все равно родители оставались для него чужими. Последний раз он видел их семнадцатилетним пареньком. Теперь это были улыбающиеся, радушные, но совершенно незнакомые люди, не вызывающие у него никаких чувств.

В тот момент, когда его ноги впервые коснулись земли, он стал ненавидеть. Он ненавидел приветствующие его толпы, ненавидел этот дом, машину, одежду… Порой он ощущал прилив ненависти даже к отцу и матери. Они тоже были частью общества, которое отняло у него космос. Он чувствовал себя пойманным в ловушку. Эти люди рассказывали, какой он герой и как это было благородно с его стороны столько лет служить «там» в одиночестве. Эти люди награждали его медалями, произносили в его честь речи, а ему всякий раз хотелось послать всех к черту, выплеснуть свою обиду за то, что с ним сделали.

Халандер часто стал думать о Служителях, которые вернулись раньше его. Таких было по крайней мере несколько десятков. Но, похоже, никто ничего о них не знал, Не было даже записей о том, что кто-то возвращался на Землю. Неужели он и впрямь был единственным, кому удалось пережить полет? Когда он спрашивал о других Служителях, люди только пожимали плечами. Нет, говорили ему, других не было. В их ответах ощущалась какая-то неловкость и нотка вины.

Первый месяц для Халандера обернулся сплошным кошмаром.

На пятый день после возвращения он избил на улице человека. Человек позволил себе оскорбительно высказаться о Кораблях и о тех, кто на них служит. Его издевательский голосок до сих пор звучал в ушах Нормана: «Надо быть чокнутым, чтобы

столько лет подряд болтаться туда-сюда в этих жестянках. Да вы же просто психи!» И тогда Халандер сшиб его с ног. Он бы, наверное, растерзал негодяя, если бы их вовремя не разняли.

В середине второй недели он пошел в Психиатрический центр и позволил себя обследовать. Приспособьтесь, посоветовали ему. Научитесь приспосабливаться к обществу, в котором живете.

Еще неделю спустя он набросился на чиновника. И только статус отставного Служителя смог сберечь его от серьезного наказания.

Но ведь у меня были на то основания, вспоминал Халандер. Когда я спросил его, почему не существует других Служителей, этот тип расплылся в какой-то хитрой кошачьей улыбке… Тогда-то мне и захотелось врезать по этой улыбке, уничтожить ее. Просто не было сил терпеть!

«Что же дальше? — спрашивал себя Халандер. — Что мне теперь делать? Я никогда не смогу смириться с этой смертью при жизни. Если меня не заберут отсюда, я в конце концов кого-нибудь убью. Кого угодно. Потому что в том, что случилось, можно винить их всех?»

— Он безнадежен, — сказал Иллер. — Он как все остальные. Мы сделали все, что было в наших силах.

Доктор Баррак отложил папку с надписью «Халандер» и подошел к окну. Внизу, на глубине ста этажей, мчался поток транспорта.

— Я вызвал его, — сказал он убито. — Он знает, что никогда не сможет вернуться в космос. Но он знает и то, что здесь, в нашем мире, он вечный изгой. Это цена, которую платят все Служители. Для Корабля нужна деформированная психика, нормальный человек такого выдержать неспособен. Возможно, когда-нибудь нам удастся изменить схему. Но не на этот раз. Не теперь.

— Значит, вы собрались его передать? — спросил Иллер.

— А что мне еще остается? Если я не передам его, он сорвется, начнет буйствовать. Халандер — потенциальный убийца.

— Но и национальный герой.

— Как и все, кто был до него. Люди с пониманием относятся к этой проблеме. Поэтому и был построен этот Пансион Служителей. Там такие, как Халандер, могут найти покой. Там, и больше нигде на свете.

— Может быть, нам удастся спасти следующего, — сказал Иллер. — С каждым новым случаем мы продвигаемся все дальше. Остается надеяться, что в следующий раз Корабли не смогут

одержать верх.

Баррак не ответил. Он по-прежнему смотрел на ленту автострады.

Халандер шел по длинному, ярко освещенному коридору. При каждом взмахе рук он чувствовал, как пальцы касаются уставной полоски на брюках. Как славно было, наконец, вновь надеть форму. Как хорошо, что ему все-таки вернули его форму.

— Вот мы и пришли, Норман, — сказал доктор Баррак, указывая на тяжелую дверь. — Отныне вы будете находиться здесь. Надеюсь, вы сможете убедиться, что мы ничего не забыли.

— Спасибо, произнес Халандер. — Я в этом не сомневаюсь. До свидания, доктор.

— До свидания, Норман.

Халандер вышел в специальную камеру. Доктор Баррак тяжело вздохнул и отвернулся.

Норман шагнул в тускло освещенный отсек и остановился, прислонившись к двери. В мягком полумраке пахло совсем по-домашнему. Ровно светились шкалы приборов. Господи, как же здесь хорошо, подумал он, глубоко вдыхая этот воздух и стискивая пальцы в кулаки. Он стоял в привычной темноте, закрыв глаза, в голове кружилась одна-единственная мысль:

Вот оно, мое место… вот чему я принадлежу безраздельно, душой и телом.

Я Норман Халандер. Служитель Корабля.

Пол Андерсон
ПАТРУЛЬ ВРЕМЕНИ (Пер. с англ. М.Гилинского)

БЫТЬ ЦАРЕМ

1

Однажды вечером в Нью-Йорке середины двадцатого века Эверард, переодевшись в старенький халат, смешивал себе коктейль. Его прервал звонок в дверь. Он выругался. За последние несколько дней он очень устал и сейчас не желал иной компании, кроме доктора Ватсона и его рассказов.

Может быть, ему быстро удастся избавиться от незваного гостя? В домашних туфлях он прошлепал через квартиру и открыл дверь, придав своему лицу как можно более недружелюбное выражение.

— Привет, — холодно сказал он. И тут же в одно мгновение ему показалось, что он на допотопном космическом корабле, который только что освободился от земного притяжения: наступила невесомость, и он беспомощно барахтается в воздухе среди сияния звезд.

— Ох, — сказал Эверард. — Я и не думал… Заходи.

Цинтия Денисон задержалась на секунду в дверях, глядя на бар поверх его головы. Над баром висели два скрещенных копья и шлем с плюмажем из Эгеиды бронзового века. Предметы были темные, блестящие и изумительно красивые. Она попыталась говорить спокойно, но из этого ничего не вышло.

— Налей мне чего-нибудь, Мэнс. Только поскорей.

— Ну, конечно.

Он крепко стиснул зубы и помог ей снять плащ. Она закрыла за собой дверь и присела на модную шведскую кушетку, такую же красивую и необходимую, как оружие над баром. Дрожащими руками она достала из сумочки сигареты. Некоторое время они избегали смотреть друг на друга.

— Все еще пьешь ирландское? — спросил он.

Ему показалось, что слова эти донеслись откуда-то издалека, а его тело, неуклюже ворочавшееся среди бокалов и бутылок, забыло все, чему его обучили в Патруле.

— Да, — сказала она. — Значит, ты еще помнишь.

Неожиданно громко щелкнула ее зажигалка.

— Прошло всего несколько месяцев, — сказал он, не зная, что говорить дальше.

Энтропия. Обычное время, ничем не изменяемые сутки по двадцать четыре часа в каждых.

Она выпустила клуб дыма и посмотрела, как он расплывается в воздухе.

— Я почти все время пробыла в нашей эпохе со дня моего замужества. Ровно восемь с половиной месяцев моего личного, биологического времени жизни, с тех пор как Кейт и я… А ты, Мэнс? Сколько времени и в скольких эпохах ты прожил с тех пор, как был шафером на нашей свадьбе?

У нее всегда был довольно высокий и тонкий голос, единственный недостаток, который он мог в ней найти, если не считать ее маленького роста — всего пять футов. Поэтому речь ее всегда звучала невыразительно. Но сейчас он понял, что она едва сдерживается, чтобы не заплакать.

Он подал ей бокал.

— До дна, — сказал он. — Пей.

Она повиновалась и перевела дыхание. Он дал ей второй бокал и налил себе шотландского виски с содовой. Затем придвинул кресло и достал из своего старого, изъеденного молью халата трубку и табак. Руки у него слегка дрожали, но он надеялся, что она не заметит этого. Она повела себя умно, не выпалив сразу же, зачем пришла: им обоим нужно было время, чтобы прийти в себя.

Сейчас он даже нашел в себе силы прямо взглянуть на нее. Несмотря на маленький рост, фигура у нее была почти безупречная, и черное платье подчеркивало изящество линий. Золотистые волосы падали до плеч, глаза — огромные голубые глаза — сияли из-под крутых дуг бровей, на лице, чуть запрокинутом вверх, губы были, как всегда, полуоткрыты.

Эверард медленно набивал трубку.

— Ну ладно, Цин, — сказал он. — В чем дело?

Она вздрогнула и с трудом проговорила:

— Кейт. Он исчез.

— Что? — Эверард выпрямился в кресле. — Выполнять задание?

— Да. Как же иначе? Отправился в Древний Иран. И не вернулся. Это было неделю назад.

Она поставила бокал рядом с собой на кушетку и переплела пальцы.

— Патруль, конечно, провел самое тщательное расследование. Я узнала результаты только сегодня. Они не смогли найти его. Даже не сумели выяснить, что с ним случилось.

— Вот гады, — прошептал Эверард.

— Кейт всегда… всегда считал тебя своим лучшим другом. Ты даже не знаешь, как часто он говорил о тебе. Честно, Мэнс. Я знаю, мы мало общались с тобой, но тебя ведь никогда не было на

месте…

— Конечно, — сказал он. — Ты что, думаешь, я малое дитя? Я был занят. И потом, в конце концов, вы же — молодожены.

ПОСЛЕ ТОГО КАК Я ПОЗНАКОМИЛ ВАС НА ГАВАЙЯХ В ЛУННУЮ НОЧЬ У ВУЛКАНА МОУНА ЛОА. ПАТРУЛЮ НАПЛЕВАТЬ НА УСЛОВНОСТИ, И ТАКОЙ НОВИЧОК, КАК МОЛОДЕНЬКАЯ ЦИНТИЯ КУННИНГЭМ, ТОЛЬКО ЧТО ВЫПУЩЕННАЯ ИЗ АКАДЕМИИ, РАБОТАЮЩАЯ ПРОСТЫМ КЛЕРКОМ В СВОЕМ СОБСТВЕННОМ ВЕКЕ, ИМЕЕТ ПОЛНОЕ ПРАВО ВСТРЕЧАТЬСЯ С ЗАСЛУЖЕННЫМ ВЕТЕРАНОМ… СО МНОЙ, НАПРИМЕР, ВСТРЕЧАТЬСЯ СКОЛЬКО УГОДНО, КОГДА МЫ ОБА СВОБОДНЫ ОТ РАБОТЫ. И ПОЧЕМУ БЫ НЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ СВОЙ ОПЫТ И В СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ ОДЕЖДЕ НЕ ПЕРЕНОСИТЬ ЕЕ НА ТАНЦЫ В ВЕНУ ШТРАУСА ИЛИ В ЛОНДОН В ШЕКСПИРОВСКИЙ ТЕАТР, В МАЛЕНЬКИЕ БАРЫ СТАРИННОГО НЬЮ-ЙОРКА ИЛИ НА СОЛНЕЧНЫЕ ПЛЯЖИ НА ГАВАЙЯХ, ГДЕ ЧЕЛОВЕК СО СВОИМ КАНОЭ ПОЯВИТСЯ ЕЩЕ ТОЛЬКО ЧЕРЕЗ ТЫСЯЧУ ЛЕТ? А ЕГО ТОВАРИЩ ИЗ ПАТРУЛЯ, ПОЧЕМУ БЫ ЕМУ ТОЖЕ НЕ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В ИХ МАЛЕНЬКИХ РАЗВЛЕЧЕНИЯХ? А ПОТОМ И НЕ ЖЕНИТЬСЯ НА НЕЙ? ВОТ ТАК-ТО!

Эверард раскурил трубку. Когда его лицо заволокло клубами дыма, он сказал:

— Начни-ка с самого начала. Я не видел тебя два-три года своей биологической жизни и не знаю точно, над чем работал Кейт.

— Так долго? — с удивлением спросила она. — Ты даже не проводил отпуска в нашем десятилетии? Мы очень хотели видеть тебя.

— Перестань извиняться, — отрезал он. — Если бы я захотел, я бы сам вас навестил.

Ее нежное личико перекосилось, как от удара.

Он тоже вздрогнул и забил отбой.

— Извини. Конечно, я хотел повидаться. Но ведь ты знаешь, мы, агенты с правом свободных действий, слишком заняты — все эти прыжки в пространстве-времени, чувствуешь себя, как блоха на сковородке. Ох, черт! — он попытался улыбнуться. — Ты же помнишь, Цин, — что я — невежа, но ведь это только на словах. Знаешь, я лично породил легенду о Химере в Древней Греции. Был там известен под именем «дилайопод», странное чудище с двумя левыми ногами, торчащими изо рта.

Она послушно улыбнулась и взяла из пепельницы свою сигарету.

— А я все еще — простой клерк в Компании технологических

исследований, — сказала она. — Но зато у меня тесная связь со всеми секциями и отделениями нашего ареала, включая и главное управление. Поэтому я точно знаю, какие меры были приняты для поисков Кейта, и считаю их недостаточными! Они просто бросили его! Мэнс, если и ты не поможешь, Кейт погибнет.

Она замолчала, вся дрожа.

Чтобы дать себе самому и ей время успокоиться, Эверард промолчал и стал вспоминать карьеру Кейта Денисона.

Родился в Кембридже, штат Массачусетс, в мае 1927 года, в довольно богатой семье. Докторскую степень за выдающуюся работу по археологии получил в двадцать три года. Неоднократно выигрывал чемпионаты по боксу в колледже, пересек Атлантический океан на маленькой яхте. Ушел в армию в 1950-м, служил в Корее и отличался храбростью, которая принесла бы ему славу в более популярной войне.

С Кейтом надо было достаточно сблизиться, чтобы узнать все это. Когда он был не на работе, он судил о разных вещах с тонкой иронией. Когда же наступало время действовать, просто делал свое дело без лишних слов.

«Конечно, — подумал Эверард, — девушка достается самому достойному. Кейт легко мог бы получить статус свободного агента, если бы захотел. Но у него здесь есть корни, которых нет у меня. Наверное, он более постоянен».

Выйдя в отставку в 1952 году, Денисон завербовался по тому же объявлению, что и Эверард. Возможность путешествий во времени он осознал и принял более легко и естественно, чем большинство других: он обладал гибким умом и был, в конце концов, археологом. После окончания Академии он с радостью обнаружил, что его собственные интересы совпадают с нуждами Патруля: он стал Специалистом по древней истории индоевропейцев Востока и во многих отношениях был более ценным работником, чем Эверард.

Потому что свободный агент мог путешествовать во всех направлениях по трассам времени, спасая попавших в беду, арестовывая правонарушителей, охраняя неприкосновенность ткани человеческих судеб. Но что бы он делал без знания истории? За много веков до появления иероглифов существовали войны, путешествия, совершались открытия, последствия которых сказались на всем протяжении временного континуума. Патруль должен был знать о них. Изучать ход событий — в этом и состояла работа Специалиста.

КРОМЕ ТОГО, КЕЙТ БЫЛ МОИМ ДРУГОМ.

Эверард вынул трубку изо рта.

— Ну ладно, Цинтия, — сказал он. — Расскажи мне, что же

случилось.

2

Высокий голос почти не дрожал — она взяла себя в руки.

— Он прослеживал миграцию разных индоевропейских племен. Об этом мало сведений. Приходится начинать с точно известного в истории момента, а оттуда уже идти назад. Поэтому Кейт и собрался в Иран 558 года до нашей эры. Он говорил, что это близко к концу мидийского периода. Ему приходилось расспрашивать жителей, перенимать их обычаи и нравы, затем отправляться в еще более ранний период, и так далее. Но ты же все это должен знать, Мэнс, ты ведь однажды помогал ему, до того как мы встретились. Он часто говорил мне об этом.

— О, я просто помог ему в одном хлопотном деле. — Эверард пожал плечами. — Он тогда изучал древнейший путь одного племени от Дона до Гиндукуша. Мы представились их вождю как охотники, воспользовались его гостеприимством и пропутешествовали с племенем несколько недель. Это было забавно.

Он вспомнил степи и огромный простор небес над головой, бешеную скачку за антилопой, пиршество у костра и девушку, чьи волосы горьковато пахли дымом. На секунду у него возникло желание прожить свою жизнь и умереть, как самый обычный человек из этого племени.

— В последний раз Кейт ушел один, — продолжала Цинтия. — У них там в отделении, да и во всем Патруле вечно не хватает специалистов. Сколько тысячелетий приходится изучать, и так мало коротких человеческих жизней, чтобы делать это. Он и раньше уходил один. Я всегда боялась его отпускать, но он говорил, что в одежде бродячего пастуха, у которого и украсть-то нечего… он будет в меньшей опасности в горах Ирана, чем переходя Бродвей. Но только не в этот раз!

— Ты хочешь сказать, — быстро спросил Эверард, — что он оставил Нью-Йорк неделю назад, чтобы собрать всю нужную информацию, доложить по своему отделению и вернуться к тебе в тот же день?

ПОТОМУ ЧТО ТОЛЬКО СЛЕПОЙ КРЕТИН МОЖЕТ ОСТАВИТЬ ТЕБЯ ОДНУ НАДОЛГО.

— И он не вернулся?

— Нет.

Она прикурила вторую сигарету от окурка.

— Я сразу начала волноваться и попросила своего начальника выяснить, в чем дело. Он оказал мне любезность, послал запрос на неделю вперед в будущее, то есть в сегодняшний день, и получил ответ, что Кейт еще не вернулся. Информационный пропускной центр сообщал, что Кейт к ним не являлся. Его отделение ничего о нем не знает. Мы сверились с данными главного управления. Они ответили, что… что… Кейт так никогда и не возвращался и что не было найдено даже его следов.

Эверард осторожно кивнул головой.

— Тогда, конечно, и начался поиск, о котором имеются данные в главном управлении.

Изменчивое время допускает множество парадоксов, в тысячный раз подумал он. Если вдруг пропадал человек, из этого вовсе не следовало, что требовалось организовать его поиски, даже если где-то и было отмечено, что это произошло. Но какая еще есть возможность найти человека? Конечно, можно вернуться в прошлое и изменить историю так, чтобы в конце концов обнаружить его. В таком случае окажется: в истории «всегда» значилось, что дело было успешно завершено. И только ты один будешь знать «прежнюю» правду.

Все это создавало большую путаницу. Неудивительно, что Патруль с неудовольствием относился к любому, пусть самому маленькому изменению, которое даже не затрагивало основного хода событий.

— Наше отделение послало ребят в ареал Древнего Ирана расследовать это дело, — продолжал за Цинтию Эверард. — Они только приблизительно знали, где и когда Кейт должен был появиться, верно? Я имею в виду, что он и сам не знал, где сумеет спрятать свой скуттер, так что не мог оставить точных координат.

Цинтия кивнула.

— Но я не понимаю одного: почему они не нашли сам скуттер? Что бы ни случилось с Кейтом, скуттер пропасть не мог, он должен был быть где-нибудь поблизости, в какой-нибудь пещере, например. В Патруле есть детекторы. Они должны были найти скуттер и уж отсюда вести поиски самого Кейта.

Она с такой силой затянулась сигаретой, что щеки ее запали.

— Они пытались найти скуттер, — сказала она. — Но мне объяснили, что это — дикая, холмистая страна, где очень трудно вести поиски. Ничего не вышло. Они даже не нашли следов. Конечно, если бы патрульные прочесывали час за часом, милю за милей, может быть, что-нибудь и получилось. Но они не осмелились. Видишь ли, этот ареал в критическом положении.

Гордон показал мне выводы из анализа ситуации. Я не поняла всех этих обозначений и букв, но он объяснил мне, что это был очень опасный век, который лучше не ворошить.

Эверард прикрыл рукой огонек трубки. Ее тепло успокаивало. Эпохи критических ситуаций никогда не приводили его в особенный восторг.

— Понятно, — сказал он. — Они не сумели произвести тщательный поиск потому, что это могло привлечь внимание слишком большого числа местных жителей и в критический момент они повели бы себя совсем не так, как обусловлено историей. Понятно. А кто-нибудь пытался переодеться, походить среди людей и осторожно разведать, что к чему?

— Несколько экспертов из Патруля. Они жили там помногу недель, конечно, из расчета времени Древней Персии. И не услышали ни малейшего намека. Эти племена настолько дики и подозрительны… может, они боялись, что наши агенты — шпионы мидийского царя: насколько я поняла, они недовольны его правлением… Нет. Патруль не смог ничего обнаружить. И к тому же нет никаких данных, что исчезновение Кейта как-то повлияло на историю. Они считают, что Кейта убили, а его скуттер куда-то исчез. И какая разница…

Цинтия вскочила на ноги и почти закричала.

— И какая разница, если среди множества скелетов, затерявшихся в веках, в каком-нибудь овраге окажется еще один?

Эверард тоже поднялся, она прильнула к его груди, и он не стал мешать ей выплакаться. Он никогда не подозревал, что ему будет так плохо. Он уже совсем перестал вспоминать ее (разве что по десять раз на дню), но сейчас она пришла к нему сама, и ему придется забывать ее заново.

— Разве нельзя вернуться назад в пределах нашего времени? — взмолилась она. — Хотя бы на неделю назад, чтобы предупредить его, что он не должен туда отправляться? Разве я многого прошу? Что за чудовища придумали закон, запрещающий это?

— Его придумали самые обычные люди, — сказал Эверард. — Если мы хоть раз начнем играть с собственным прошлым, то в конце концов запутаемся так, что никого из нас просто не останется в этом мире.

— Но за миллионы лет, и даже больше… ведь были же исключения!

Эверард не ответил. Он знал, что исключения были. Он также знал, что в деле Кейта Денисона исключения сделано не будет. В Патруле работали не святые, но ни один патрульный не осмелился бы нарушить существующие законы в личных целях.

Потери ты воспринимаешь, как на войне, и поднимаешь бокал в память погибшего, но не отправляешься назад в прошлое, Чтобы увидеть его живым.

Цинтия высвободилась из его объятий, вернулась на кушетку и выпила свой бокал до дна. Когда она запрокинула голову, золотые локоны упали ей на лицо.

— Прости, — сказала она, вынула платок и вытерла глаза. — Прости, что я разревелась.

— Глупости.

Она уставилась в пол.

— Ты можешь попытаться помочь Кейту. Обычные агенты бросили это дело, но ты можешь попробовать.

Это была мольба, и отступать Эверарду было некуда.

— Могу, — сказал он. — У меня может ничего не получиться. В истории значится, что если я попытаюсь разыскать его, у меня ничего не выйдет. Кроме того, на любое изменение пространства-времени посмотрят косо даже в таком простом и обычном деле.

— Для Кейта это дело совсем не обычное.

— Знаешь, Цин, — прошептал он, — немногие женщины на Земле сказали бы так. Большинство сказало бы, что это дело довольно непросто для меня.

Она попыталась поймать его взгляд и секунду стояла совершенно неподвижно. Потом пролепетала:

— Прости, Мэнс. Я не знала… Я думала, за столько времени ты уже…

— О чем это ты? — проговорил он, обороняясь.

— Неужели психологи Патруля ничего не могут сделать? — спросила она и снова опустила голову. — Уж если они смогли обработать нас до такой степени, что мы просто не в состоянии никому рассказать, что существуют путешествия во времени… я думала, вполне возможно внушить человеку, что он больше не…

— Замолчи, — грубо оборвал ее Эверард. Некоторое время он сосредоточенно грыз свою трубку. — Хорошо, — сказал он наконец. — Есть у меня кое-какие соображения по этому поводу. Если Кейта можно спасти, ты его увидишь завтра утром.

— Скажи, ты можешь перебросить меня сейчас в завтрашний день?

— Могу, — сказал он. — Только я этого не сделаю. Тебе нужно хорошенько отдохнуть за ночь. Я провожу тебя домой и позабочусь, чтобы ты приняла снотворное. Затем вернусь сюда и все хорошенько обдумаю.

Его губы дрогнули в каком-то подобии усмешки.

— Прекрати этот рев, слышишь? Я же сказал, что мне необходимо подумать.

— Мэнс…

Она вложила свои руки в его.

Он вдруг ощутил в ней внезапный прилив надежды и проклял себя за это.

3

Осенью 542 года до нашей эры в долину Кура въезжал какой-то одинокий всадник. Он ехал на гнедой кобыле, более крупной, чем даже местные кавалерийские лошади, которая в другом месте наверняка привлекла бы какого-нибудь разбойника. Но Великий царь установил во всех своих владениях такой строгий порядок, что, как говорили в народе, даже девственница с полным мешком золота за плечами могла пройти всю Персию вдоль и поперек безо всякого для себя ущерба. Это было одной из причин, по которой Мэнс Эверард выбрал именно эту дату: шестнадцать лет спустя после исчезновения Кейта Денисона. Другая причина заключалась в том, что он хотел оказаться в Персии тогда, когда улягутся волнение и суматоха, вызванные появлением в 558 году первого путешественника во времени.

Какова бы ни была судьба Кейта, о ней легче всего было узнать в более позднее время, по крайней мере, непосредственно после происшествия Патрулю ничего сделать не удалось.

И наконец, согласно данным Ахеменидского ареала, 542 год был первым относительно спокойным годом с момента исчезновения Кейта. Годы 558–553, когда персидский царь Аншана Куруш (известный истории под именем Кира) находился в натянутых отношениях со своим господином мидийским царем Астиагом, были очень напряженными. Затем следовали три года, во время которых Кир поднял мятеж, империю разрывала гражданская война, и персы в конце концов победили своих северных соседей. Но Кир не мог еще считать себя победителем. Ему предстояло подавить восстания побежденных и отразить набеги урало-алтайских племен; он потратил еще четыре года на то, чтобы справиться со всем этим и расширить свои владения к Востоку. Это встревожило его соседей-монархов. Вавилон, Египет, Лидия и Спарта составили коалицию во главе с лидийским царем Крезом и в 546 году напали на Кира. Лидийцы были разбиты наголову, их земли были захвачены, но они поднимали восстания, которые снова и снова приходилось подавлять. Надо было как-то договориться с греческими колониями: Ионией,

Карией и Ликией, — и пока полководцы Кира разрешали эти проблемы на Западе, сам он воевал на Востоке, отбрасывая от границ государства дикие племена, грозящие захватить и сжечь его города.

Сейчас как раз наступила передышка от всех этих войн. Киликия сдалась без борьбы, видя, что на всех завоеванных землях Персия издает невиданно гуманные законы и проявляет терпимость к местным обычаям. Кир поручил восточные походы своим приближенным и занялся объединением империи, которую создал. Войны с Вавилоном теперь не будет до 539 года; только тогда империя присоединит к своим владениям и Месопотамию. А затем опять наступит долгое время мира, пока не наберут силы дикие племена за Аральским морем и царь Кир не отправится воевать с ними навстречу своей гибели.

Мэнс Эверард въезжал в Пасаргады, как в страну надежды, хотя, пожалуй, нет такой эры в истории, которая давала бы основания для столь пышной метафоры.

Эверард проезжал вдоль полей, где крестьяне серпами жали хлеб и грузили снопы на скрипучие некрашеные повозки, запряженные быками. Пыль, поднимавшаяся от стерни, слепила жнецам глаза.

Дети в лохмотьях, стоявшие у землянок без окон, провожали его глазами.

На дороге метался цыпленок, вспугнутый царским вестником. Всадник проскакал мимо, оставив мертвую птицу валяться в пыли…

Мимо проехал конный отряд. Воины были одеты весьма живописно: мешковатые штаны, латы, остроконечные шлемы, иногда украшенные перьями, и яркие полосатые плащи, правда, покрытые пылью и пропитанные потом. К тому же всадники отпускали грубые шутки.

За высокими каменными стенами виднелись большие дома знати, окруженные пышными садами, но при существовавшей в эту эпоху экономической системе немногие были в состоянии содержать подобные поместья. Пасаргады — город, в который въехал Эверард, — был на 90 процентов восточным городом с кривыми грязными улочками, вдоль которых тянулись безликие хибары, с людьми в грязных головных уборах и жалкой одежде, купцами на базаре, зазывающими покупателей, нищими, выставляющими напоказ свои язвы, торговцами, ведущими караваны облезлых верблюдов и тяжело нагруженных ослов; голодными собаками, копающимися в отбросах, музыкой, доносившейся из кабачков и напоминающей мяуканье кошки, попавшей в стиральную машину, воинами, размахивающими

оружием и изрыгающими проклятья…

… Откуда взялась эта ходячая легенда о загадочном Востоке?

— Подайте милостыню, господин! Подайте, и да осветит вас улыбка Митры!..

— Взгляни, господин! Клянусь бородой своего отца, ни у кого еще не было такой чудесной уздечки! Тебе повезло, господин, возьми уздечку, всего за…

— Сюда, господин, сюда. Самый прекрасный караван-сарай во всей Персии, нет, во всем мире! Всего четыре дома отсюда! Мои подушки набиты лебяжьим пухом, мой отец сам подает божественное вино, моя мать готовит плов, слава о котором идет во все концы света, а три мои сестры — это дивные луны восторга, всего за… -

Эверард не обращал никакого внимания на бегущих рядом с его конем мальчишек. Один из них схватил его за лодыжку — он выругался и отпихнул мальчишку ногой. Тот не обиделся — только ухмыльнулся. Эверарду не хотелось останавливаться в караван-сарае: хотя персы и тщательнее следили за чистотой, чем другие народы этого века, насекомых хватало и у них.

Он попытался побороть в себе внезапно возникшее чувство беспомощности. Обычно патрульные всегда как-то страховали себя, брали в незнакомую эпоху станнер тридцатого века и крошечный радиоприемник, с помощью которого можно было вызвать в любой момент спрятанный скуттер. Но не сейчас, когда его могли подвергнуть обыску, да и спрятать всю эту технику было некуда. Эверард был в греческой одежде: туника, сандалии и шерстяной плащ, меч на боку, шлем и щит на луке седла — только вооружение было из нержавеющей стали. Он не мог обратиться в местное отделение, если бы попал в беду: никаких отделений здесь не было. Это относительно бедная и бурная переходная эпоха не способствовала межвременным торговым операциям. Ближайший патрульный пост находился в управлении ареала в Персеполе, на поколение позже.

Улицы расширялись, торговцев становилось меньше, а дома — роскошнее. Наконец он подъехал к площади, по углам которой стояли четыре больших дворца. За окружавшими их стенами виднелись сливовые деревья. Стражники — легко вооруженные юноши — сидели на корточках у стен: стойка «смирно» еще не была изобретена. Но когда Эверард приблизился, они натянули стрелы на тетиве. Он мог просто пересечь площадь, но остановился и обратился к человеку, выглядевшему старшим по команде.

— Пусть солнце всегда ярко светит тебе, уважаемый.

Персидский язык, который он выучил всего за один час под

гипноизлучателем, легко слетал с его губ.

— Я ищу гостеприимство какого-нибудь великого человека, который склонил бы свой слух к удивительным рассказам о моих путешествиях.

— Пусть и твои дни будут долгими, — ответил стражник.

Эверард вспомнил, что он не должен предлагать денег: соплеменники Кира были гордыми людьми, храбрыми охотниками, пастухами и воинами. Все они говорили с той полной достоинства вежливостью, которая отличала этот народ на протяжении многих веков.

— Я служу Крезу Лидийскому, слуге великого царя. Он не откажет в крыше над головой…

— Меандру из Афин, — подхватил Эверард.

Греческое происхождение объясняло его крепкое сложение, светлую кожу и короткую стрижку. Ему все же пришлось прилепить вандейковскую бородку. Геродот не был первым греком, совершившим кругосветное путешествие, поэтому не следовало утрировать афинскую внешность.

В то же время за полстолетия до Марафона европейцы все еще были здесь в достаточной мере в диковинку, чтобы вызвать интерес.

Позвали раба, который пошел к управляющему, тот послал другого раба, который провел чужеземца через ворота. Сад за стенами утопал в зелени, и от него веяло прохладой, как Эверард и предполагал; нечего было и думать, что здесь у него что-нибудь могут украсть; вино и еда должны были быть великолепными, а сам Крез, несомненно, заинтересуется гостем. «Все будет хорошо, вот увидишь», — сказал Эверард сам себе, принял горячую ванну, умастил себя благовониями и надел чистое белье. Блюда с пищей и вино были принесены в его спартански убранную комнату, где стоял низкий широкий диван и из окон открывался красивый вид. Ему не хватало только сигары. Разумеется, из вещей, вообще для него доступных…

Конечно, если бы Кейт оказался погибшим…

— Черти в аду и грешники на сковородке! — прошептал Эверард. — Не смей об этом даже думать, слышишь?

4

После захода солнца стало прохладно. С большими церемониями были зажжены светильники, раздуты жаровни —

огонь считался священным. Раб распростерся перед ним и провозгласил, что обед подан. Эверард последовал за рабом через длинный зал, стены которого были украшены фресками с изображениями Солнца и великого Митры. Мимо двух склонившихся стражников он прошел в небольшую комнату, ярко освещенную, окутанную ароматом благовоний и устланную коврами. У стола, согласно греческим обычаям, было два ложа; вопреки этим обычаям блюда подавались только на золоте и серебре, рабы неслышно сновали взад и вперед, разнося пищу, и откуда-то доносилась далекая, похожая на китайскую музыка.

Крез Лидийский благожелательно кивнул головой. Его лицо с правильными чертами было когда-то красиво, но он сильно состарился по сравнению с тем временем, когда его слава, богатство и могущество вошли в поговорку. Он носил кудрявую бороду, длинные волосы и был одет в греческую хламиду.

— Будь гостем. Меандр из Афин, — сказал он по-гречески, глядя на Эверарда.

Согласно обычаю, хозяин подставил Эверарду щеку для поцелуя. Было очень любезно со стороны Креза приветствовать его так, тем самым ставя почти на одну доску с собой; неважно, что от него пахло чесноком.

— Приветствую тебя, господин мой. Благодарю за твою доброту.

— Да не унизит тебя, что за трапезой мы только вдвоем, — произнес бывший царь. — Я решил… — Он заколебался. — Я всегда считал себя близким к роду греков, и мы сможем поговорить серьезно…

— Я не достоин столь высокого уважения господина моего.

Исполнив положенный ритуал обмена любезностями, они принялись за еду. Эверард рассказал заранее выдуманную историю своих приключений; иногда Крез задавал неожиданные вопросы, на которые непросто было ответить, но Эверард скоро научился избегать их.

— Да, времена меняются, и счастлив ты, что пришел к нам на заре новой эры, — сказал Крез. — Никогда еще мир не знал более великого царя, чем… — И так далее, и тому подобное, безусловно, для тех слуг, которые были попутно и царскими шпионами. Впрочем, на сей раз царь был действительно велик…

— Сами боги отметили нашего царя, — продолжал Крез. — Знай я раньше, что они на его стороне, взаправду, а не согласно легенде, как думал я, никогда бы не решился я восстать против него. Потому что он, несомненно, избранник богов.

Эверард, продолжая изображать из себя грека, разбавил вино водой и внутренне пожалел, что не избрал для себя народ, менее

приверженный к трезвенности.

— Какова же история царя, господин мой? — спросил он. — Я слышал только, что Великий царь — сын Камбиса, который стоял во главе этой провинции как подданный царя мидийского Астиага. Больше ничего.

Крез наклонился вперед. В колеблющемся свете глаза его приобрели странное выражение: страх и энтузиазм отражались в них одновременно — люди эпохи Эверарда просто разучились так смотреть.

— Слушай же и расскажи своему народу, — сказал он. — Астиаг выдал дочь свою Мандану замуж за Камбиса, так как знал, что персы ненадежны под его тяжелым игом, а он хотел привязать их вождей к своему дому. Но Камбис был болен и слаб. Если бы он умер и его малолетний сын Кир сел на трон в Аншане, персидские вельможи устроили бы регентство, неподвластное Астиагу. Толкователи снов предупредили мидийского царя, что Кир положит конец его власти. Тогда Астиаг приказал своему придворному Ауравагашу (Крез произнес это имя на греческий манер — Гарпаг — как, впрочем, он произносил все местные имена) убить Кира. Несмотря на сопротивление царицы Манданы, Гарпаг забрал ребенка. Камбис был слишком болен, чтобы помешать этому, а Персия не могла поднять восстания без подготовки. Но Гарпаг не нашел в себе сил убить мальчика. Он обменял его на другого, мертворожденного сына пастуха, который поклялся молчать. Мертвого ребенка завернули в царские одежды и оставили на склоне холма. Придворные мидийского царя подтвердили, что это — Кир, и его похоронили. Наш повелитель вырос пастухом. Камбис жил еще двадцать лет, но у него не было больше сыновей. Он был слишком слаб, чтобы отомстить за убийство своего первенца. У него не осталось наследника, власти которого персы считали бы себя обязанными подчиниться. Страна снова оказалась под угрозой восстания. В это время и появился Кир, которого узнали по многим знамениям и знакам. Астиаг, сожалея о своем поступке, приветствовал его и объявил наследником Камбиса. Кир оставался подданным Астиага целых пять лет, но в конце концов не смог больше терпеть тирании мидян. Гарпагу в Акбатанах тоже было за что мстить: ведь он ослушался своего царя и не убил Кира. Астиаг за это подверг его чудовищному наказанию: заставил умертвить и съесть собственного сына. Гарпаг договорился кое с кем из мидийской знати. Они выбрали Кира своим вождем, Персия восстала, и после трехлетней войны Кир стал царем двух народов. С тех пор, конечно, он прибавил к своим владениям много новых земель. Когда еще боги яснее выражали свою волю?

Эверард некоторое время молчал. За окном в саду осенний ветер шелестел сухими листьями.

— Все это правда или просто слухи? — спросил он.

— Я слышал подтверждения этой истории достаточно часто, с тех пор как живу при персидском дворе. Ее рассказывал мне сам царь, а также Гарпаг и другие, кто участвовал в этом деле.

Лидиец не мог лгать, раз он ссылался на слова своего царя. Высокородные персы были фанатиками в отношении правды. И все же Эверард не слышал ничего более невероятного за все время своей работы в Патруле. Потому что это было точное изложение рассказа, записанного Геродотом, засвидетельствованное с некоторыми изменениями и в персидской Шах-Наме, и всем было абсолютно ясно, что это — самый обычный миф.

Примерно такие же легенды создавались о Моисее, Ромуле, Сигурде и множестве других великих людей. Не было никаких оснований верить в то, что все это правда и что Кир не вырос обыкновенным образом в доме своего отца, не получил трон по праву рождения и не поднял восстание по самым обычным причинам.

Но все дело в том, что у этой легенды были очевидцы, готовые присягнуть, что она правдива. Здесь была какая-то загадка, и она напомнила Эверарду о цели его пребывания в Персии.

После соответствующих случаю выражений удивления он спросил:

— До меня дошли слухи, что шестнадцать лет назад в Пасаргады пришел человек в простой пастушьей одежде, который на самом деле был волшебником и умел творить чудеса. Может быть, он и умер здесь. Слышал ли мой достопочтимый хозяин что-нибудь об этом?

Весь напрягшись, он ожидал ответа. У него было предчувствие, что Кейта Денисона не могли просто убить какие-нибудь проходимцы, он не мог свалиться со скалы и сломать себе шею или вообще попасть в какую-нибудь переделку, иначе патрульные обязательно нашли бы его скуттер. Возможно, они недостаточно прочесали местность, но как они могли не запеленговать машину времени своими чувствительными детекторами?

«Значит, — подумал Эверард, — здесь что-то другое. И если Кейт еще жив, он должен находиться где-то среди людей?»

— Шестнадцать лет назад?

Крез запустил руку в бороду.

— Меня тогда здесь не было. Но действительно в этот год

случилось много чудесных знамений, так как именно тогда Кир спустился с гор и законно возложил на себя корону Аншана. Нет, Меандр, я ничего об этом не знаю.

— Я хотел отыскать этого человека, — сказал Эверард, — потому что оракул повелел мне… — И так далее, и тому подобное.

— Ты сможешь расспросить слуг и горожан, — продолжил Крез. — Я представлю тебя царскому двору. Ты ведь поживешь здесь немного? Возможно, сам царь пожелает увидеть тебя, ему всегда интересны чужеземцы.

Вскоре их беседа прервалась. Крез объяснил с довольно кислой улыбкой, что персы придерживаются правила «рано ложиться и рано вставать» и что он должен быть в царском дворце с наступлением зари. Раб проводил Эверарда обратно в его комнату, где его ждала хорошенькая девушка с обещающей улыбкой на губах. Он заколебался, припомнив ту, которая живет через две тысячи четыреста лет. Но… к черту! Человеку надо пользоваться всеми благами, которые дают ему боги, а боги не так уж щедры.

5

Вскоре после восхода солнца на площадь вылетела кавалькада вооруженных всадников, громко выкрикивая имя Меандра из Афин.

Эверард поспешно оставил свой завтрак и вышел из дома. Ему пришлось задрать голову, чтобы разглядеть всадника на высоком сером жеребце. Это был человек с ястребиным носом и заросшим волосами лицом, начальник стражников, которых здесь называли бессмертными. Стражники поднимали на дыбы разгоряченных коней, перья и плащи развевались, оружие бряцало, скрипели кожаные седла.

— Тебя призывает хилиарх, — выкрикнул начальник отряда.

В действительности он назвал чисто персидский титул, обозначавший главу бессмертных и великого визиря империи.

Эверард стоял неподвижно, оценивая положение. Его мускулы напряглись. Это было не очень любезное приглашение, но вряд ли он мог не пойти, сославшись на неотложное дело.

— Слушаю и повинуюсь, — сказал он. — Разреши мне только вернуться и взять скромный подарок, чтобы быть достойным той чести, которая мне оказана.

— Хилиарх повелел, чтобы ты пришел немедленно. Вот лошадь.

Лучник подвел к нему коня и подставил руки лодочкой, на манер стремени, но Эверард вскочил в седло без посторонней помощи: способ, полезный в те века, когда еще не были изобретены стремена. Начальник отряда одобрительно кивнул головой, повернул коня, и они начали бешеную скачку по широкой аллее, украшенной статуями сфинксов и виллами знатных горожан. Здесь не было такой толкотни, как на улицах, примыкавших к базару, но разъезжало много всадников и колесниц, попадались и прохожие, которые шарахались в сторону: бессмертные не останавливались, чтобы пропустить пешеходов. Вскоре кавалькада уже прогрохотала через широко распахнувшиеся перед ними ворота дворца, гравий летел из-под копыт. Обогнув лужайку с несколькими фонтанами, всадники остановились у западного крыла здания.

Сам дворец из безвкусно раскрашенного кирпича стоял на небольшом возвышении, окруженный несколькими зданиями поменьше. Начальник стражи соскочил с коня, жестом приказал Эверарду следовать за ним и направился вверх по мраморным ступеням. Эверард шел, окруженный воинами, которые держали наготове блестящие боевые секиры. Они прошли мимо рабов в чалмах, лежавших лицом вниз на полу, по желто-красному колонному залу, затем через зал, выложенный мозаикой, красоту которого Эверард в тот момент был не в состоянии оценить, потом мимо отряда других стражников в зал, купол которого, украшенный мозаикой цветов павлиньего хвоста, поддерживали стройные и легкие колонны. Аромат отцветающих роз наполнял комнату сквозь сводчатые окна.

Бессмертные совершили ритуал повиновения. «Что могут они, можешь и ты, сынок», — подумал Эверард, пал ниц и поцеловал персидский ковер. Человек, возлежавший на низком диване, кивнул.

— Поднимись и слушай! — сказал он. — Подайте греку подушку.

Солдаты окружили его. Нубиец поспешно принес подушку, которую положил у ног своего господина. Эверард сел, поджав ноги. Во рту у него пересохло. Хилиарх, которого Крез, как он помнил, назвал Гарпагом, наклонился вперед. На фоне тигровой шкуры, покрывавшей диван, и роскошной красной мантии, окутавшей его худое тело, мидянин выглядел старым: его длинные до плеч волосы отливали сероватым блеском железа, темное горбоносое лицо было изрыто морщинами. Но пронзительные умные глаза внимательно смотрели на чужеземца.

— Ну, — сказал он по-персидски с сильным североиранским акцентом, — значит, это ты — человек из Афин. Благородный Крез рассказал нам о твоем прибытии сегодня утром и о том, какие ты задавал вопросы. Поскольку речь может идти о безопасности государства, мне следует знать, кого же ты ищешь.

Он погладил бороду рукой, на которой блеснули драгоценные камни, и улыбнулся ледяной улыбкой.

— Может случиться, что если твои поиски не принесут вреда, я даже помогу тебе.

Он намеренно опустил обычные формы приветствия, не предложил угощения и вообще не принимал Меандра, как полагается по обычаю принимать гостя. Это был допрос.

— Что ты хочешь знать, господин? — спросил Эверард.

Он хорошо представлял себе, чего хочет Гарпаг, и в ожидании ответа испытывал острое чувство тревоги.

— Ты ищешь волшебника, который пришел в Пасаргады шестнадцать лет назад в одежде пастуха и творил чудеса.

Напряжение исказило голос хилиарха: он стал хриплым.

— Зачем тебе знать это, и что ты еще слышал о человеке, одетом пастухом? Говори быстро и не вздумай лгать!

— Великий господин, — заговорил Эверард, — оракул из Дельф сказал мне, что я разбогатею, если узнаю судьбу пастуха, который вошел в столицу Персии в… э-э-э… третий год первой тирании Писистрата. Больше ничего не ведаю. Господин хорошо знает, как темны предсказания оракулов.

— Так, так…

На худом лице Гарпага промелькнула тень страха. Он начертил в воздухе знак креста — символическое изображение солнца в культе Митры. Потом хрипло спросил:

— И что же ты узнал?

— Ничего, господин. Никто не мог сказать мне…

— Ты лжешь! — вскричал Гарпаг. Все греки — лжецы. Берегись, ты впутался в нехорошее дело. С кем еще ты говорил?

Эверард увидел, что губы хилиарха дергаются в нервном тике. Он сам чувствовал холод и пустоту в желудке. Он приоткрыл завесу над какой-то тайной, которая, как считал Гарпаг, была надежно скрыта, тайной настолько великой, что хилиарх решился даже не считаться с возможностью оскорбить Креза, под чьей защитой Меандр как гость находился согласно обычаям. А сам он мог полагаться только на кинжал. В эту эпоху ничего более надежного еще не изобрели. И после того как дыба и клещи извлекут из чужеземца все, что ему известно… но что же, черт побери, ему известно?

— Ни с кем, господин, — сказал он. — Ни с кем, кроме

оракула и Бога Солнца, говорившего устами оракула, который прислал меня сюда. Впервые я рассказал об этом почтенному Крезу вчера вечером.

Гарпаг отпрянул, несколько обескураженный упоминанием божества, но буквально в ту же секунду овладел собой.

— Мы слышали только от тебя, от грека, что ты послан оракулом. А может, ты пришел выпытать наши тайны? Или даже если ты действительно послан Богом, то, значит, для того, чтобы тебя здесь казнили за твои грехи. Но мы это быстро выясним.

Он кивнул начальнику стражи.

— Отведите его вниз. Именем царя.

Царь!

Догадка ослепительно, как молния, блеснула в мозгу Эверарда.

— Да, царь! — закричал он. — Бог сказал мне… что будет знак… и что я должен донести его слова до царя персов!

— Взять его! — взревел Гарпаг.

Стража бросилась выполнять приказание. Эверард отскочил, крича, что отдается на милость царя Кира. Он кричал изо всех сил. Пускай его даже арестуют, его слова дойдут до трона и… Два воина с поднятыми секирами прижали его к стене. Через их головы он видел, как Гарпаг вскочил с дивана.

— Схватить и отрубить ему голову, — приказал мидянин.

— Господин, — возразил начальник стражи, — он отдался на милость царя.

— Это колдовство. Я теперь знаю, он — колдун, слуга Аримана! Убить его!

— Нет, подождите! — вскричал Эверард. — Подождите, он сам предатель, который не дает мне сказать царю, что… Отпусти меня сейчас же, мерзавец.

Кто-то схватил его за правую руку.

Эверард был готов отсидеть несколько часов в тюрьме, пока этот царь не услышит о нем и не вытащит его оттуда, но дело начало принимать совсем иной оборот. Боковым ударом Эверард расквасил стражнику нос. Тот попятился. Американец вырвал у него секиру, отпрыгнул и парировал удар воина, нападавшего слева.

Бессмертные атаковали. Эверард взмахнул секирой, она ударилась о другую, и один из стражников поплатился пальцами руки. Искусством владеть оружием патрульный превосходил большинство нападавших, но долго, конечно, он бы не продержался. Уклонившись от очередного удара, направленного в голову, он нырнул за колонну. Немного свободного пространства. Еще один удар, и рука атакующего воина безжизненно повисла.

Перепрыгнув через падающее тело в латах, Эверард выбежал на середину комнаты. Гарпаг поднялся с дивана, выхватывая из-под мантии меч: чертов старик отнюдь не был трусом. Эверард развернулся, так что хилиарх оказался между ним и стражей. Меч и секира скрестились. Патрульный старался подойти к Гарпагу вплотную, по крайней мере, тогда стража не сможет бросать в него оружие. Но воины стали окружать его сзади. Вот ведь черт! Может быть, сейчас погибнет еще один патрульный!

— Стойте! Все — ниц! Царь идет!

Три раза прокричал глашатай, огромный мужчина в алом плаще. Стража застыла на месте, не сводя с него глаз, а затем попадала ниц. Гарпаг уронил меч. Эверард чуть не рассек ему череп, но вовремя сдержал руку и, слыша торопливую поступь воинов через зал, тоже бросил свою секиру. Секунду они с хилиархом, задыхаясь, глядели прямо в глаза друг другу.

— Он услышал… и пришел… сразу же… — с трудом выговорил Эверард.

Мидянин подобрался, как кот, и зашипел:

— Берегись! Я буду наблюдать за тобой. Если ты отравишь его мозг своими лживыми речами, для тебя тоже найдется яд или кинжал!

— Царь! Царь! — кричал глашатай.

Эверард вместе с Гарпагом бросились на пол.

Сначала в комнату вошли бессмертные и выстроились в две шеренги, образуя широкий проход к дивану. Затем вошел сам Кир, в длинной мантии, развевавшейся при каждом его широком шаге. За ним следовало несколько приближенных, одетых в кожу; они пользовались привилегией носить оружие в присутствии царя. Раб-церемониймейстер ломал руки им вслед: он не успел расстелить ковер и позвать музыкантов.

Голос царя разорвал абсолютную тишину.

— В чем дело? Где чужеземец, который сдался мне на милость?

Эверард рискнул приподнять голову. Кир был высок, широкоплеч, но худощав; он выглядел старше, чем можно было предположить из рассказа Креза. С дрожью в сердце Эверард подумал, что ему сорок семь, но шестнадцать лет войн, которые пришлось вести царю, и охота сохранили его тело гибким. У Кира было узкое темное лицо со шрамом на левой скуле, карие глаза, прямой нос и полные губы. Его слегка вьющиеся черные волосы были зачесаны назад, а борода подстрижена немного короче, чем полагалось по персидскому обычаю. Он был одет просто, насколько позволял его сан.

— Где же тот чужеземец, о котором сообщил раб?

— Я здесь, великий царь, — сказал Эверард.

— Встань. Назови свое имя.

Эверард поднялся на ноги и прошептал:

— Привет, Кейт.

6

По стенам мраморной беседки густо вились виноградные лозы. Они почти скрывали окруживших ее лучников. Кейт Денисон тяжело опустился на скамейку. Глядя на причудливые тени от листьев на полу, он сказал с отвращением:

— По крайней мере, мы можем поговорить без чужих ушей. Английский язык еще не изобретен.

Он помолчал и продолжал говорить по-английски с некоторым напряжением: сказывалось отсутствие практики.

— Иногда мне казалось, что самое трудное в здешней жизни — ни минуты не быть предоставленным самому себе. Максимум, что я могу сделать, это выгнать всех из своей комнаты, где нахожусь, но они тут же начнут подслушивать у дверей, подглядывать в окна, всячески охранять меня. Пусть их преданные души сгорят в адском пламени!

— Представление о том, что такое право на уединение, пока еще не существует в этом веке, — напомнил Эверард. — Впрочем, такие важные персоны, как ты, не очень-то располагали собой во все исторические эпохи.

Денисон поднял на него усталый взгляд.

— Я все хочу спросить тебя, как Цинтия, — сказал он, — но ведь, конечно, для нее прошло… пройдет не так много времени, может быть, всего неделя. Кстати, у тебя не найдется сигарет?

— В скуттере, — сказал Эверард. — Я подумал, что мне и так придется достаточно многое объяснять. Вот уж никак не ожидал, что ты будешь здесь заправлять всем этим государством.

— Я и сам этого не ожидал. — Денисон пожал плечами. — Самое фантастическое, что только могло произойти. Парадоксы времени…

— Как же это случилось?

Денисон потер лоб и вздохнул.

— Меня затянуло в машину здешней государственной политики. Знаешь, иногда все прошлое кажется мне странным сном. Существовало ли когда-нибудь христианство? Хартия вольностей? Контрапунктическая музыка? Не говоря уже о тех

людях, которых я знал. Все еще никак не верится, что ты здесь, Мэнс. Наверное, я сейчас проснусь. Ладно, дай вспомнить. Знаешь, как все произошло? Мидяне и персы в расовом и культурном отношении находятся в близком родстве, но мидяне в те времена держали власть в своих руках; они многое переняли от ассирийцев, о которых персы не столь хорошего мнения. Мы в основном свободные земледельцы и скотоводы, и, конечно, несправедливо, что мы оставались подданными…

Денисон поперхнулся.

— Черт! Ну вот видишь, опять. Почему я говорю «мы»? Ну, в общем, в Персии было неспокойно. За двадцать лет до того мидийский царь Астиаг приказал убить Кира, но теперь он пожалел об этом, так как отец Кира умирал, и отсутствие законного наследника могло вызвать гражданскую войну. Я высадился в горах. Для того чтобы спрятать скуттер, мне пришлось поискать место и во времени, и в пространстве: день туда, несколько миль сюда… Потому-то Патруль и не смог потом засечь его своими детекторами… Это одна из причин. В конце концов, я оставил его в пещере и отправился дальше пешком, но почти сразу же попал в беду. Через этот район на усмирение персов, среди которых начались волнения, как раз проходила мидийская армия. Один из воинов заметил, как я выходил из пещеры, вернулся, и не успел я оглянуться, как меня схватили и стали допрашивать, выпытывать, что это я прячу. Они приняли меня за волшебника и сильно испугались, но еще больше они боялись показать себя трусами.

Со скоростью лесного пожара весть обо мне разнеслась по армии и по все стране. Все знали, что я появился при удивительных обстоятельствах.

Их начальником был сам Гарпаг, злой и умный, как черт. Он решил, что меня можно использовать. Он приказал мне привести в движение мою бронзовую лошадь, но не разрешил сесть на нее. Мне все же удалось настроить программатор скуттера и отправить его путешествовать во времени. Это вторая причина, по которой Патруль не нашел его. Машина находилась в этом веке всего несколько часов, а потом, вероятно, отправилась к началу начал.

— Здорово! — одобрительно сказал Эверард.

— Я ведь знал приказ, запрещающий такую степень анахронизма.

Денисон скривил рот.

— Но я все же ожидал, что Патруль меня выручит. Знай я, как все получится, я совсем не уверен, что повел бы себя столь законопослушно. Я мог бы взять скуттер с собой, сделать вид, что

подчиняюсь во всем Гарпагу, и удрать, как только представится такая возможность.

Эверард целую минуту мрачно смотрел на него.

«Кейт изменился, — подумал он, — не просто постарел; годы, проведенные среди чужестранцев, изменили его так, что он сам не замечает в себе этих перемен».

— Если бы ты рискнул изменить будущее, — сказал он, — ты поставил бы под угрозу и существование Цинтии.

— Да, да, правда. Я помню, что подумал об этом… тогда… Как давно все это было!

Денисон наклонился вперед, положив руки на колени и глядя сквозь переплет беседки. Он продолжал говорить ровным, безжизненным голосом.

— Гарпаг, конечно, рвал и метал. Я думал, он собирается убить меня. Меня все время держали связанным, как скотину, которую ведут на убой. Но, как я уже говорил, слухи обо мне разнеслись по всей стране, и чем дальше, тем больше, и у Гарпага возник план. Он представил мне выбор: повиноваться ему или умереть. Что я мог поделать? И к тому же здесь речь шла не об изменении прошлого; я скоро понял, что играю роль, уже записанную в истории. Гарпаг подкупил пастуха, чтобы тот подтвердил его версию и представил меня как Кира, сына Камбиса.

Эверард, ничуть не удивленный, кивнул.

— Зачем ему это было надо? — спросил он.

— В то время он еще просто хотел поддержать мидийского царя. Царь Аншана, всецело от него зависящий, будет теперь предан Астиагу и станет держать персов в узде. Я был так ошеломлен, что ничего не мог поделать и подчинился ему во всем, с минуты на минуту ожидая, что мне на выручку придет Патруль. Фанатическая преданность иранских аристократов идее правды здорово помогла нам — только немногие заподозрили, что я самозванец, а не Кир, хотя мне кажется, что сам Астиаг нарочно игнорировал некоторые неточности. Он поставил Гарпага на место, сурово наказав его за то, что тот не убил Кира, хотя Кир был сейчас Астиагу нужен. Ирония судьбы особенно очевидна, если иметь в виду, что в действительности Гарпаг в точности выполнил его приказание за двадцать лет до того.

На протяжении первых пяти лет Астиаг вызывал все большую ненависть у меня лично. Сейчас, глядя в прошлое, я вижу, что он был не таким уж исчадием ада, просто типичный восточный монарх древнего мира, — но тогда, глядя каждый день на пытки и мучения людей, мне трудно было мыслить столь рационально. Гарпаг, мечтавший отомстить за несправедливость и обиду,

подготовил восстание и предложил мне встать во главе его.

Денисон усмехнулся.

— В конце концов, я был Киром Великим, который должен был выполнить свое предназначение. Сначала нам пришлось тяжело — мидяне били нас вновь и вновь, но знаешь, Мэнс, я чувствовал, что все это начинает мне нравиться. Это тебе не сидеть в окопе двадцатого века и гадать, скоро ли прекратится вражеский обстрел. О, война и здесь достаточно ужасна, в особенности когда ты рядовой и когда начинаются болезни, а они всегда начинаются. Но если ты сражаешься, боже правый, ты сражаешься собственными руками! И я даже обнаружил в себе талант: оказывается, я умею драться! А какие замечательные сражения у нас были!

Эверард видел, как светлеет лицо Кейта: царь Кир выпрямился и сказал со смехом:

— Вот, например, лидийская конница многим числом превосходила нас. Обозных верблюдов мы поставили в авангард, пехоту позади них, а в самом конце — кавалерию. Лошади Креза почуяли запах верблюдов и обратились в бегство. По-моему, они бегут до сих пор. Мы стерли кавалерию Креза с лица земли!

Он внезапно замолчал, прикусил губу и посмотрел на Эверарда.

— Прости, я все время забываю. Иногда после боя, глядя на убитых и особенно на раненых, я вспоминаю, что там, дома, я не был убийцей. Но я ничего не мог поделать, Мэнс! Я должен был воевать! Сначала было восстание. Если бы я не подчинился Гарпагу, как ты думаешь, остался бы я в живых? А затем речь пошла о судьбе государства. Я не просил ни лидийцев, ни варваров нападать на нас. Ты когда-нибудь видел город, захваченный варварами? Вопрос стоит так: или мы, или они, и когда побеждаем мы, то, по крайней мере, не превращаем побежденных в рабов: у них остаются их земли, и обычаи, и… Во имя Митры, Мэнс, мог ли я поступить иначе?

Эверард сидел, вслушиваясь в шуршание листьев под легким ветерком. Наконец он сказал:

— Нет. Я понимаю. Надеюсь, тебе было не слишком одиноко.

— Я привык, — осторожно сказал Денисон. — Гарпаг — выходец из низов, но он интересен. Крез оказался очень порядочным человеком, у волшебника Кобада оригинальный ум, и он единственный осмеливается обыгрывать меня в шахматы. Здесь есть праздники, охота, женщины…

Он с вызовом посмотрел на Эверарда.

— Да. Ты ожидал от меня другого?

— Нет, — сказал Эверард. — Шестнадцать лет — долгий

срок.

— Кассандана — моя старшая жена — стоит всего того, что я выстрадал за эти годы. Хотя Цинтия… Боже мой, Мэнс!

Денисон встал и положил руки на плечи Эверарда, сжав их до боли сильными пальцами, которые за шестнадцать лет привыкли держать топор, лук и уздечку. Царь Персии громко спросил:

— Как ты собираешься вытащить меня отсюда?

7

Эверард тоже поднялся, подошел к краю беседки и стал смотреть сквозь плетение каменных кружев, опустив голову и засунув руки за пояс.

— Не знаю, — ответил он.

Денисон изо всех сил стукнул себя кулаком по ладони.

— Этого я и боялся. С каждым годом я все больше боялся, что если Патруль меня и обнаружит… Ты должен помочь мне, Мэнс.

— Говорю тебе, что не могу!

Голос Эверарда прервался. Он не обернулся.

— Пойми меня. Ты наверняка уже сам думал об этом. Ведь ты не какой-нибудь там мелкий предводитель варваров, судьба которого не будет иметь особого значения уже лет через сто. Ты — Кир, основатель Персидской империи, ключевая фигура всей этой эпохи! Если исчезнет Кир, исчезнет и будущее! Не будет вообще никакого двадцатого века, и, конечно, исчезнет Цинтия.

— Ты уверен? — взмолился человек за его спиной.

— Я просчитал все, прежде чем направиться сюда, — сказал Эверард сквозь зубы. — Не обманывай себя. Мы предубеждены против персов, потому что одно время они враждовали с Грецией, а в нашей собственной культуре слишком много от греческой. Но персы имеют по меньшей мере столь же важное значение в истории. Ты и сам видел, как все здесь было. Конечно, по твоим представлениям все они грубы, но такова эпоха, и греки ничуть не лучше персов. Да, у них нет демократии, но нельзя же упрекать людей за то, что они не дошли до этого европейского открытия, столь далекого от их умственных горизонтов. Важно другое: Персия была первой державой-победительницей, сделавшей попытку уважать побежденные народы и умиротворять их; державой, соблюдавшей собственные законы, добившейся мира на огромной территории, что позволило наладить тесный контакт с Дальним Востоком и привело к появлению

жизнеспособной религии, зороастризма, распространившейся среди многих рас и на большом пространстве. Может быть, ты не знаешь, сколько христианство переняло от культа Митры, но, поверь мне, — очень многое. Не говоря уже об иудаизме, религии, которую ты, Кир Великий, спасешь собственными руками. Помнишь? Ты завоюешь Вавилон и дашь возможность всем евреям, еще не принявшим другой веры, возвратиться к себе на родину; без тебя они будут поглощены другими народами: так, как это случилось с десятками племен.

Даже в своем упадке Персидская империя останется как бы матрицей будущей цивилизации. Какими победами знаменит Александр Великий, как не завоеваниями персидских территорий? А это распространило эллинскую культуру по всему миру! И затем появятся преемники персидского государства: Понт, Парфия, Персия времен Фирдоуси, Омара Хайяма и Хафиза, Иран, который мы знаем, и Иран будущего, после двадцатого века…

Эверард круто повернулся.

— Если ты сейчас исчезнешь, — сказал он, — то я могу ясно представить себе, как через три тысячи лет человечество все еще будет гадать о своих судьбах на внутренностях животных и скитаться по лесам Европы. Америка не будет открыта вовсе…

Денисон обмяк.

— Да, — ответил он. — Я думал об этом.

Он прошелся взад и вперед, заложив руки за спину. Его темное лицо старело с каждой минутой.

— Еще тринадцать лет, — прошептал он, как бы про себя. — Еще тринадцать лет, и я погибну в битве с кочевниками. Я не знаю точно, как это произойдет. Но так или иначе обстоятельства приведут меня к гибели. Почему бы и нет? Волей-неволей обстоятельства заставили меня проделывать все, что от меня требовалось… И как бы я ни воспитывал своего сына Камбиса, я знаю, что он окажется недоумком и садистом, и что только Дарий сможет спасти империю. Боже мой!

Он прикрыл лицо широким рукавом.

— Прости, я ненавижу жаловаться, но не могу справиться с собой.

Эверард сел, избегая смотреть на Денисона. Он слышал тяжелое его дыхание.

В конце концов царь налил вино в две чаши, сел рядом с Эверардом и сухо произнес:

— Еще раз прости. Все прошло. И я еще не сдался.

— Я не могу поставить вопрос перед главным управлением, — с некоторой долей сарказма сказал Эверард.

Денисон с той же иронией ответил:

— Спасибо, старина. Я помню их правила достаточно хорошо. Без нас можно обойтись. Они просто запретят путешествия сюда на весь период жизни Кира, чтобы не вводить меня в соблазн, и пошлют мне любезное письмо. В нем будет говориться, что я — абсолютный монарх цивилизованного народа, с дворцами, рабами, виноградниками, шутами, поварами, наложницами, охотничьими угодьями, — и все это в неограниченных количествах. Чем же я недоволен? Нет, Мэнс, этот вопрос нам придется решать только с тобой вдвоем.

Эверард сжал руки в кулаки с такой силой, что почувствовал, как ногти впиваются в ладони.

— Ты хочешь от меня чертовски многого, Кейт, — медленно сказал он.

— Я просто прошу тебя обдумать все возможности, и, Ариман тебя побери, ты это сделаешь!

Его пальцы опять впились в плечи Эверарда: это завоеватель Востока отдавал приказ. Прежний Кейт никогда бы не разговаривал таким тоном, отметил про себя Эверард, начиная злиться, и подумал:

ЕСЛИ ТЫ НЕ ВЕРНЕШЬСЯ, И ЦИНТИЯ УЗНАЕТ, ЧТО ТЫ НЕ СМОЖЕШЬ ВЕРНУТЬСЯ… ОНА ЯВИТСЯ СЮДА К ТЕБЕ, А ЕЩЕ ОДНА ЧУЖЕСТРАНКА В ГАРЕМЕ ЦАРЯ НИКАК НЕ СМОЖЕТ ПОВЛИЯТЬ НА ИСТОРИЮ. НО ЕСЛИ Я ПРЕДСТАВЛЮ ДОКЛАД В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ДО ТОГО, КАК УВИЖУ ЕЕ, ДОЛОЖУ, ЧТО ПРОБЛЕМА НЕРАЗРЕШИМА, А ЭТО НЕ ПОДЛЕЖИТ СОМНЕНИЮ… ЧТО Ж, ТОГДА ПОСЕЩЕНИЕ ЭПОХИ КИРА БУДЕТ ПОД ЗАПРЕТОМ, И ЦИНТИЯ НИКОГДА НЕ СМОЖЕТ ПОПАСТЬ К ТЕБЕ.

— Я не раз сам думал об этом, — более спокойно продолжал Денисон. — И я не хуже тебя понимаю все сложности. Но послушай, я могу показать тебе пещеру, в которой мой скуттер находился несколько часов, пока меня не схватили. Ты сможешь вернуться туда к моменту, когда я появлюсь, и предупредить меня.

— Нет, — сказал Эверард. — Это отпадает. По двум причинам. Во-первых, закон, причем очень мудрый закон, запрещает делать это. В некоторых случаях бывали исключения, но тут вступает в силу вторая причина: ты — Кир. Они не пойдут на то, чтобы уничтожить будущее ради спасения одного человека.

СДЕЛАЛ БЫ Я ЭТО РАДИ СПАСЕНИЯ ОДНОЙ ЖЕНЩИНЫ? НЕ УВЕРЕН… НАДЕЮСЬ, НЕТ. ЦИНТИИ ВОВСЕ НИ К ЧЕМУ ЗНАТЬ ВСЕ ФАКТЫ. БУДЕТ КУДА ЛУЧШЕ, ЕСЛИ ОНА ВООБЩЕ НИЧЕГО НЕ УЗНАЕТ. Я МОГУ ИСПОЛЬЗОВАТЬ СВОЙ АВТОРИТЕТ АГЕНТА

С ПРАВОМ СВОБОДНЫХ ДЕЙСТВИЙ, ЧТОБЫ ЭТИ СВЕДЕНИЯ НЕ ПОШЛИ ДАЛЬШЕ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ, И НЕ ГОВОРИТЬ ЕЙ НИЧЕГО, РАЗВЕ ТОЛЬКО, ЧТО КЕЙТ УМЕР ПРИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, КОТОРЫЕ ВЫНУДИЛИ НАС ЗАПРЕТИТЬ ПУТЕШЕСТВИЯ ВО ВРЕМЕНИ В ЭТУ ЭПОХУ. ОНА, КОНЕЧНО, ПОГОРЮЕТ НЕКОТОРОЕ ВРЕМЯ, НО ОНА СЛИШКОМ МОЛОДА И ЗДОРОВА, ЧТОБЫ СКОРБЕТЬ ВСЮ ЖИЗНЬ… ПРАВДА, ЭТО НЕПОРЯДОЧНО. НО РАЗВЕ ЛУЧШЕ БУДЕТ ПОЗВОЛИТЬ ЕЙ ЖИТЬ ЗДЕСЬ, В КАЧЕСТВЕ РАБЫНИ, И ДЕЛИТЬ СВОЕГО ЛЮБИМОГО ПО МЕНЬШЕЙ МЕРЕ С ДЮЖИНОЙ ЦАРЕВЕН, НА КОТОРЫХ ОН БЫЛ ВЫНУЖДЕН ЖЕНИТЬСЯ ИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ СООБРАЖЕНИЙ? НЕ ЛУЧШЕ ЛИ ДЛЯ НЕЕ БУДЕТ ВСЕ ПОЗАБЫТЬ И НАЧАТЬ ЖИЗНЬ СНАЧАЛА, СРЕДИ СВОИХ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ?

— Ясно, — сказал Денисон. — Я просто хотел до конца быть уверен, что это отпадает. Но должен же быть какой-нибудь другой выход. Слушай, Мэнс, шестнадцать лет назад создалась ситуация, являющаяся причиной всего того, что произошло впоследствии, но ведь это случилось не из-за человеческого каприза, а по самой логике событий. Допустим, я бы не появился. Разве Гарпаг не нашел бы другого псевдо-Кира? Кто именно стал великим царем — не имеет абсолютно никакого значения. Другой Кир вел бы себя совершенно не так, как я, во множестве повседневных деталей. Естественно. Но если только он не был бы безнадежным болваном или маньяком, а достаточно разумным и порядочным человеком — надеюсь, ты не будешь отрицать этих моих качеств, — его поведение во всех важных событиях не отличалось бы от моего. Я имею в виду поступки и события, отраженные в истории. Ты знаешь это не хуже меня. За исключением нескольких критических моментов, время всегда стремится вернуться на круги своя. Небольшие различия с годами исчезают и забываются — это и есть негативная обратная связь. Только в ключевые моменты может возникнуть позитивная обратная связь, и прошлые события с годами возрастают в своем значении и последствиях вместо того, чтобы исчезнуть. Ты ведь знаешь все это.

— Конечно, — сказал Эверард. — Но по твоим же словам, твое появление в пещере и было таким критическим ключевым моментом. Именно твое появление навело Гарпага на мысль о Кире. Без этого… я хорошо представляю себе, как разваливается мидийская империя. Либо ее завоевывает Лидия, либо варвары, потому что персы не получат царя, имеющего божественное право властвовать ими по рождению… Нет, я не появлюсь в пещере в тот момент, если не получу разрешения по меньшей мере самого данеллианина.

Денисон бросил на него взгляд поверх края чаши, потом поставил ее на стол, но продолжал глядеть на Эверарда.

— Ты не хочешь, чтобы я вернулся, верно?

Эверард вскочил со скамьи. Он уронил свою чашу, и она со звоном упала на пол. Вино растеклось, как кровь.

— Замолчи! — крикнул он.

Денисон кивнул головой.

— Я — царь. Стоит мне пальцем шевельнуть, и стража разорвет тебя на куски.

— Прекрасный способ заручиться моей поддержкой. — Эверард все еще никак не мог успокоиться.

Денисон вздрогнул. Секунду он сидел неподвижно, затем сказал:

— Извини. Ты не можешь себе представить, что я испытал… Да, да, жизнь моя здесь была не так уж плоха. Даже более интересна, чем у большинства, а когда тебя почитают божеством, со временем это начинает нравиться. Наверное, поэтому я через тринадцать лет ввяжусь в бой за Яксартом; ведь у меня не будет иного выхода; все мои храбрецы будут смотреть на своего повелителя. Черт возьми, может, оно и стоит того. — Он растянул губы в улыбке. — Некоторые мои наложницы сногсшибательны. И у меня есть Кассандана. Я сделал ее своей старшей женой, наверное, потому, что она чем-то напоминает мне Цинтию. Трудно сказать, ведь прошло столько времени. Двадцатый век нереален для меня. И, знаешь, мчаться на горячей лошади — гораздо большее удовольствие, чем гнать спортивный автомобиль… И я знаю, что делаю здесь полезное дело, — не каждому дано знать это о себе… Да, извини, что я накричал. Я верю, ты бы помог, если бы только смел. Но ты не смеешь, и я не упрекаю тебя, и тебе незачем меня жалеть.

— Прекрати это! — простонал Эверард.

Он почувствовал, будто мозг его разрывается на части в абсолютной пустоте. Сквозь решетки беседки он видел статую на крыше: юноша убивает быка — это был символ человека и солнца. За колоннами и виноградными лозами стояли стражники в кожаных доспехах с луками наготове. Лица их казались вырезанными из дерева. Видно было и то крыло здания, где находился гарем и где сотня, а может быть, и тысяча молодых женщин считали за счастье проводить время в ожидании случайной прихоти своего царя. За городскими стенами лежали возделанные поля, где крестьяне готовили жертву земле-матери. Люди поклонялись ей еще в те времена, когда пришли индоевропейцы, а это произошло в далеком туманном прошлом. Далеко за городом будто парили в небе горы, где водились волки,

львы, кабаны и скрывались демоны. Этот мир был совсем чужим.

Эверард считал, что годы службы в Патруле дали ему достаточную закалку и готовность воспринимать чужое, но сейчас он почувствовал острое желание сбежать в свой собственный век, к своему народу, скрыться там и все позабыть. Он осторожно сказал:

— Дай мне посоветоваться кое с кем. Придется детально проверить весь период. Мы можем обнаружить какую-нибудь зацепку… Я недостаточно компетентен, чтобы справиться с этим в одиночку, Кейт. Надо мне вернуться обратно к себе и все обговорить. Если мы что-нибудь придумаем, я вернусь… в эту же ночь.

— Где твой скуттер? — спросил Денисон.

Эверард махнул рукой.

— Там, в холмах.

Денисон погладил бороду.

— Точнее ты мне не скажешь, а? Что ж, это разумно. Я не уверен, что доверил бы себе самому, если бы знал, где машина времени.

— Я имел в виду вовсе не это! — вскричал Эверард.

— А, неважно. Не будем ссориться еще и по этому поводу.

Денисон вздохнул.

— Конечно, отправляйся домой и посмотри, что можно сделать. Тебе нужна охрана?

— Лучше не надо. Это ведь не обязательно?

— Нет. У нас здесь безопаснее, чем в Центральном парке в Нью-Йорке.

— Ну, это еще ни о чем не говорит.

Эверард протянул руку.

— Только верни мне патрульную лошадь. Она специально обучена, и мне бы не хотелось ее потерять.

Их взгляды встретились.

— Я вернусь. Сам. Каково бы ни было решение.

— Ладно, Мэнс, — сказал Денисон.

Они вместе покинули беседку, чтобы беспрепятственно пройти мимо застывших при появлении царя стражников и часовых у ворот. Денисон указал на дворцовую спальню и сказал, что будет ждать Эверарда там всю неделю каждый вечер.

Затем Эверард облобызал ногу Кира, и когда Великий царь удалился, сел на лошадь и медленно выехал из ворот дворца.

Он чувствовал себя усталым и совершенно опустошенным. Сделать было ничего нельзя, а он обещал вернуться самолично и сообщить царю его приговор.

8

День близился к концу, и он ехал среди холмов, где над бурными холодными ручьями хмурились кедры, и боковая дорога, на которую он свернул, вела вверх и была хорошо наезжена. В засушливом Иране в те времена были еще такие леса. Его лошадь явно устала и ступала тяжело. Надо найти какую-нибудь хижину пастуха и попросить пристанища, чтобы дать животному отдохнуть. Но нет, тогда уже будет поздно! Нет! Сейчас полнолуние, и если потребуется, он лучше пойдет пешком, лишь бы добраться до скуттера к восходу солнца. Ему было не до сна.

Лужайка, покрытая высокой, уже пожелтевшей травой и спелыми ягодами, так и манила отдохнуть. Последний раз он ел рано утром, но в седельных сумках у него была еда и мех с вином. Он понукнул лошадь и свернул с дороги.

Что-то привлекло его внимание. Вдалеке, на дороге, низкое солнце осветило облако пыли. Оно становилось все больше, росло прямо на глазах. Несколько всадников, решил он, чертовски гнавших коней. Царские вестники? Но почему они спешат в этом направлении? Ему стало не по себе. Он надел подшлемник, затем пристегнул шлем, повесил на руку щит и высвободил из ножен короткий меч. Всадники просто проскачут мимо, он почти не сомневался в этом, и все же…

Сейчас он ясно видел, что их было восемь. Кони были хорошие, а последний всадник вел на поводу еще свежих лошадей. Коней успели загнать: видно, скакали они давно — пот стекал струйками по их запыленным бокам, гривы прилипли к шеям. Одеты всадники были хорошо: широкие белые штаны, рубахи, сапоги, плащи и высокие шляпы без полей — не придворные, не профессиональные воины, но и не бандиты. Они были вооружены мечами, луками и арканами.

Внезапно Эверард узнал седобородого человека, скачущего впереди. Его как обухом по голове ударило: Гарпаг!

Сквозь летучее облако пыли он ясно видел всадников: даже для древних иранцев вид у них был устрашающий.

— Ого, — сказал Эверард вслух. — Все ясно.

У него не хватило времени испугаться, надо было быстро думать и принимать решение. У Гарпага не могло быть иной причины для этого бешеного галопа в горы, кроме поимки грека Меандра. Естественно, во дворце, полном доносчиков и болтунов, Гарпаг не позднее чем через час узнал, что царь говорил с чужеземцем как с равным, на незнакомом языке, а потом отпустил его обратно на север. Немного больше времени

хилиарху понадобилось, чтобы придумать причину, позволяющую ему покинуть дворец, собрать воинов из своей личной охраны и броситься в погоню. Почему? Потому что «Кир» когда-то появился среди этих же холмов на какой-то неизвестной штуке, которую Гарпаг мечтал захватить. Мидянин был отнюдь не дурак и явно не поверил истории, которую тогда сплел для него Кейт. Он вполне допускал, что рано или поздно из страны царя явится другой волшебник, и уж на сей раз он, Гарпаг, не допустит, чтобы чудесная повозка так легко выскользнула из его рук.

Эверард более не медлил. Всадники были всего в сотне ярдов от него. Он видел глаза Гарпага, сверкающие из-под кустистых бровей. Пришпорив лошадь, Эверард свернул с дороги и поскакал прямо через луг.

— Стой! — закричал позади него знакомый голос. — Остановись, грек!

Эверард погнал свою усталую лошадь рысью. Кедры бросали на него длинные тени.

— Стой или будем стрелять!.. Стой!.. Стреляйте! Только не убивать. Стреляйте по коню.

На опушке леса Эверард соскочил с седла. Сзади послышались злое жужжание стрелы и тяжелый топот. Лошадь заржала. Эверард оглянулся — бедное животное упало на колени. Черт побери, они заплатят за это! Но он был один, а их — восемь. Он поспешил под защиту деревьев. Стрела вонзилась в ствол, просвистев мимо его левого плеча.

Он побежал, пригибаясь, петляя из стороны в сторону в холодных сгущающихся сумерках, напоенных запахом трав, радуясь, что мягкая, покрытая хвоей земля не издавала ни звука под его деревянными сандалиями. Ветки деревьев хлестали его по лицу. Жаль, что кустарник рос очень редко, можно было бы воспользоваться каким-нибудь индейским приемом и укрыться в кустах. Персов видно не было. Почти наугад они пытались проехать за ним верхом. Треск ломающихся кустов и громкие ругательства за его спиной говорили о том, что это им дается нелегко.

Скоро они спешились. Он прислушался. Где-то далеко журчала вода… Он двинулся в направлении этого журчания, вверх по крутому склону холма, покрытому большими валунами. Его преследовали не беспомощные новички-горожане, подумал он. По крайней мере, некоторые из них были горцами, умеющими прочитать малейший его знак на земле. Ему нужно сбить их со следа — тогда можно будет спрятаться и переждать, пока Гарпаг не вынужден будет вернуться к своим дворцовым обязанностям. Эверард тяжело дышал. Резкие голоса слышались за его спиной,

было принято какое-то решение, но они находились слишком далеко, и он не мог расслышать, какое именно. К тому же кровь слишком громко стучала у него в висках.

Если Гарпаг посмел напасть на гостя самого царя, он, естественно, не предполагал, что тому удастся когда-нибудь пожаловаться на это царю. Плен и пытки — пока он не откроет им, где находится скуттер и как он действует, а в конце программы — в порядке милосердия — нож в сердце.

ЧЕРТ ПОБЕРИ, подумал Эверард, слыша бешеный стук своего сердца, Я ИЗГАДИЛ ЭТУ ОПЕРАЦИЮ ДО ТАКОЙ СТЕПЕНИ, ЧТО ТЕПЕРЬ ЕЕ МОЖНО ВКЛЮЧИТЬ В УЧЕБНИК В КАЧЕСТВЕ ПРИМЕРА, КАК НЕ ДОЛЖЕН ПОСТУПАТЬ ПАТРУЛЬНЫЙ. И ВСЕ ПОТОМУ, ЧТО НЕ НАДО СТОЛЬКО ДУМАТЬ О НЕКОЕЙ ЖЕНЩИНЕ, ЧУЖОЙ ЖЕНЩИНЕ, ЧТОБЫ ЭТИ МЫСЛИ НЕ ЗАСТАВИЛИ ТЕБЯ ЗАБЫТЬ ОБ ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ПРЕДОСТОРОЖНОСТЯХ.

Он вышел на высокий берег. Внизу, под его ногами по направлению к долине тек ручеек. Они, конечно, увидят, что он здесь был, но им придется гадать, вверх или вниз по течению он пошел… Кстати, куда же лучше?.. Сначала он пошел вниз по ручью; тина и скользкая грязь холодили ноги. Нет, лучше все-таки идти вверх по течению. Во-первых, так будет ближе к скуттеру, а во-вторых, Гарпаг, вернее всего, подумает, что он отправился вниз по течению, чтобы вернуться назад, к царю.

Камни речушки ранили его ноги, и вода леденила их. Деревья стеной поднимались вдоль обоих берегов, наверху виднелась только быстро темнеющая узкая полоска неба. В вышине парил орел. Становилось все холоднее. Но ему повезло: ручек петлял, как змея в бреду, и Эверард почти сразу же, скользя и спотыкаясь, исчез за поворотом.

Я ПРОЙДУ МИЛЮ ИЛИ ДВЕ, ПОДУМАЛ ОН, И, МОЖЕТ БЫТЬ, ТАМ ОКАЖЕТСЯ СВИСАЮЩАЯ НИЗКО ВЕТКА, УХВАЧУСЬ ЗА НЕЕ, ВЫЛЕЗУ И ОКОНЧАТЕЛЬНО ЗАПУТАЮ СЛЕДЫ

Минуты текли медленно.

Я ДОБЕРУСЬ ДО СКУТТЕРА, ОБРАЩУСЬ В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ И ПОПРОШУ ПОМОЩИ. Я ЗНАЮ, ЧЕРТ ПОБЕРИ, Ч ТО НИКАКОЙ ПОМОЩИ ОТ НИХ НЕ БУДЕТ. ПОЧЕМУ БЫ НЕ ПОЖЕРТВОВАТЬ ОДНИМ ЧЕЛОВЕКОМ, ЧТОБЫ ОБЕСПЕЧИТЬ СОБСТВЕННОЕ СПОКОЙНОЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ И БЛАГОДЕНСТВИЕ? ТАК ЧТО КЕЙТ ЗАСТРЯНЕТ ЗДЕСЬ ЕЩЕ НА ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ, ПОКА ЕГО НЕ УБЬЮТ ВАРВАРЫ. НО ЧЕРЕЗ ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ ЦИНТИЯ ВСЕ ЕЩЕ БУДЕТ МОЛОДА И, ПЕРЕЖИВ ВЕСЬ КОШМАР ИЗГНАНИЯ, ТОЧНО ЗНАЯ ДАТУ СМЕРТИ МУЖА, ОСТАНЕТСЯ СОВСЕМ ОДНА В ЗАПРЕЩЕННОЙ

ДЛЯ ПУТЕШЕСТВИЯ ВО ВРЕМЕНИ ЭПОХЕ, ПРИ ЗАПУГАННОМ ДВОРЕ БЕЗУМНОГО КАМБИСА II… НЕТ, Я ДОЛЖЕН СКРЫТЬ ОТ НЕЕ ПРАВДУ, УДЕРЖАТЬ ЕЕ ДОМА; СКАЗАТЬ, ЧТО КЕЙТ МЕРТВ. ОН И САМ ХОЧЕТ, ЧТОБЫ Я ТАК ПОСТУПИЛ. А ЧЕРЕЗ ГОД ИЛИ ДВА ОНА ОПЯТЬ БУДЕТ СЧАСТЛИВА, Я СУМЕЮ НАУЧИТЬ ЕЕ БЫТЬ СЧАСТЛИВОЙ.

Он не замечал, как острые камни изранили его обутые в тонкие сандалии ноги, как неверен его шаг и как сильно шумит вода. Но тут он подошел к повороту речушки и увидел персов.

Их было двое. Они брели вниз по течению. Очевидно, его поимке придавали большое значение, раз уж решились пренебречь религиозным запретом относительно осквернения речных вод. Сверху по обоим берегам шли еще двое, прочесывая лес. Одним из них был Гарпаг. Они со свистом вытащили длинные мечи из ножен.

— Стой! — вскричал Гарпаг. — Стой, грек, сдавайся!

Эверард остановился как вкопанный. Вода журчала по его ногам. Те двое, что шли по реке навстречу ему в этом колодце темноты, казались нереальными: их темные лица были совсем не видны. Выделялась только белая одежда и мерцающие лезвия их мечей. Эверард вздрогнул: преследователи видели, как он вошел в ручей, и просто разделились — половина пошла вниз по ручью, остальные — вверх, передвигаясь по твердой земле быстрее, чем он по воде. Пробежав дальше, чем он мог дойти, они повернули назад и пошли медленнее, так как река петляла, но уже уверенные, что добыча от них не ускользнет.

— Взять живым, — напомнил Гарпаг. — Можете ранить его в ноги, если придется; но возьмите живым.

Эверард захрипел от ярости и повернулся лицом к берегу.

— Ну подожди же, негодяй! — по-английски сказал он. — Ты сам напросился.

Двое воинов, идущих по реке, с криком бросились вперед. Один поскользнулся и упал лицом в воду. Воин, двигавшийся вдоль берега, съехал вниз по склону, сидя на заду.

Береговой склон был покрыт скользкой грязью. Эверард вонзил в нее нижний конец щита, оперся на него и с трудом выбрался из воды. Гарпаг медленно и спокойно двинулся вперед, ожидая этого момента. Лезвие в руке мидянина сверкнуло, обрушиваясь на Эверарда сверху. Он наклонился, подставляя шлем, который погнулся, но выдержал удар. Меч соскользнул со шлема и задел правое плечо, но не очень сильно. Эверард почувствовал небольшое жжение, но уже через секунду ему стало некогда разбираться в своих ощущениях.

Он знал, что не сможет справиться со всеми нападающими.

Но он заставит их убить его и дорого заплатить за эту честь.

Эверард упал на трапу и поднял щит, как раз вовремя, чтобы парировать удар в лицо. Гарпаг сделал выпад, пытаясь достать его ноги. Эверард и этот удар парировал своим коротким мечом. Сталь мидянина со свистом рассекла воздух. Но при близком бое у легко вооруженного азиата не было ни одного шанса против греческого вооружения, что истории предстояло доказать двумя поколениями позже.

БОГ ТЫ МОЙ, подумал Эверард, ЕСЛИ БЫ ТОЛЬКО У МЕНЯ БЫЛИ ПАНЦИРЬ И ПОНОЖИ, Я БЫ СПРАВИЛСЯ СО ВСЕМИ ЧЕТВЕРЫМИ.

Он искусно прикрывался щитом, отражая выпады и удары и стараясь как можно ближе подойти к Гарпагу, чтобы тот не мог действовать своим длинным мечом и сам оказался не защищенным от меча Эверарда. Хилиарх усмехнулся в седую бороду и отскочил назад. Тянет время, конечно. Так и есть. Еще трое солдат вскарабкались на берег и с криком бежали к ним. Атака была беспорядочной. Умелые воины каждый по отдельности, персы никогда не могли научиться организованной массовой дисциплине Европы, за что и поплатились при Марафоне и Гавгамелах. Но вчетвером против одного, да еще не одетого в латы, они имели все шансы на успех.

Эверард прислонился спиной к дереву. Первый воин подбежал к нему совершенно беспечно, его меч зазвенел о щит Эверарда. Клинок американца сверкнул из-за бронзового овала щита. Эверард почувствовал, как клинок с трудом вошел во что-то мягкое. По прежнему опыту он знал это ощущение. Он быстро вытащил клинок и отскочил в сторону. Воин медленно осел на землю, истекая кровью. Он знал, что умирает, и, застонав, обратил лицо к небу.

Остальные воины были уже рядом с Эверардом — по одному с каждой стороны. Нависающие кусты не давали персам возможности воспользоваться арканом. Придется им вступить в открытый бой. Патрульный отразил щитом нападение слева. Тем самым он приоткрыл правую сторону груди, но так как им было приказано взять его живым, он мог себе это позволить. Солдат справа пытался подсечь Эверарду ноги. Патрульный подпрыгнул, и меч просвистел под ним. Теперь воин слева ударил ниже, и внезапно Эверард ощутил боль и увидел лезвие, торчавшее в его ноге. Он отдернул ногу. Последний луч заходящего солнца проник сквозь густую хвою и тронул лужу крови, заставив ее блеснуть немыслимо алым цветом. Эверард почувствовал, как нога под ним начинает подгибаться.

— Так, так, — возбужденно выкрикивал Гарпаг, подпрыгивая

футах в десяти от места сражения, — рубите его.

Уклоняясь от очередного удара, Эверард выкрикнул, немного опустив щит:

— Рубите! Сам-то он на это не решается, трусливый шакал. У вашего предводителя духу не хватает сразиться со мной самому. Ведь он уже раз бежал от меня, поджав хвост.

Расчет оказался правильным, атака персов немедленно прекратилась. Эверард снова заговорил, не давая им опомниться.

— Если уж вы, персы, должны быть собаками мидянина — неужели вы не могли найти такого, который хоть немного напоминал бы мужчину, а не этого шакала, который предал своего царя, а сейчас бежит от одного-единственного грека?

Даже так далеко к западу и в такое давнее время ни один человек с Востока просто не мог решиться «потерять лицо» при подобных обстоятельствах. Гарпаг был далеко не трус: Эверард знал, насколько несправедливы его упреки. Но хилиарх уже кинулся к нему, сыпя проклятиями. На секунду Эверард увидел дикие расширенные глаза на худом лице с ястребиным носом. Он повернулся боком и пошел вперед, подволакивая ногу. Двое из воинов на секунду заколебались; этой секунды было достаточно, чтобы Эверард и Гарпаг встретились. Меч мидянина взлетел и упал, отскочив от греческого щита и шлема Эверарда, и скользнул к его ноге. Перед глазами Эверарда мелькнула широкая белая рубаха мидянина. Чуть подняв плечи, американец сделал выпад своим коротким мечом и вонзил его в грудь Гарпага.

Он вытащил меч, слегка повернув его привычным профессиональным движением, обеспечивающим смертельную рану, затем развернулся на правой ступне и отразил щитом удар одного из воинов. Эверард и перс мгновение в ярости смотрели друг на друга. Потом Эверард краешком глаза увидел, что еще один воин пытается зайти ему за спину. «Что ж, — промелькнула у него смутная мысль, — по крайней мере, одним опасным человеком для Цинтии меньше…»

— Стой! Стойте!

Голос прозвучал в воздухе слабо, тише журчания ручейка, но воины отступили и опустили мечи. Даже умирающий перс отвел свой неподвижный взгляд от неба.

Гарпаг пытался подняться и сесть в луже собственной крови. Его лицо стало серым.

— Нет… постой… — прошептал он. — Подожди. В этом есть своя цель. Великий Митра не дал бы мне умереть, если…

Как ни был он слаб, Гарпаг сумел величественно подозвать Эверарда движением руки.

Эверард отбросил меч, хромая подошел к Гарпагу и опустился рядом с ним на колено. Мидянин откинулся ему на руки.

— Ты из страны царя, — прошептал Гарпаг в окровавленную бороду. — Не отрицай, я знаю. Но знай и ты, что Ауравагаш, сын Кшаяварша, не предатель.

Мускулы его лица напряглись, как бы величественнно отгоняя смерть, пока он не совершит задуманного.

— Я знаю, что есть силы и могущества — от Бога или от черта, до сих пор не понимаю, — но они есть в стране царя. И только они сделали возможным его появление здесь. Я использовал их, использовал его; не для себя, но потому, что я поклялся в верности своему царю Астиагу, а ему был нужен… Кир… чтобы государство не развалилось. Потом, из-за своей жестокости, Астиаг не имел больше права на мою верность. Но я все еще оставался мидянином. Я видел в Кире единственную надежду, надежду на лучшее будущее Мидии. Потому что он был хорошим царем и для нас тоже — вторыми после персов почитались мидяне в его государстве… Понимаешь ли ты это, человек из страны царя?

Мутнеющие глаза пытались поймать взгляд Эверарда, но тщетно.

— Я хотел взять тебя в плен, выпытать, где спрятана и как работает твоя повозка, а затем убить тебя… это правда… но не ради себя. Для блага государства. Я боялся, что ты заберешь царя в его страну, ведь я знал, что он этого хочет. И что тогда станет с нами? Будь милосерден, ведь и тебе когда-нибудь понадобится милосердие.

— Не бойся, — сказал Эверард. — Царь останется здесь.

— Хорошо, — выдохнул Гарпаг. — Я верю, что ты говоришь правду… я не смею думать иначе… Но тогда… значит, я искупил свою вину? — еле слышно спросил он с тревогой в голосе. — За то убийство по приказу моего повелителя, когда я положил беспомощного младенца на вершину холма и смотрел, как он умирает, — искупил ли я свою вину, человек из страны царя? Потому что из-за смерти царевича… наше государство чуть не погибло… но я нашел другого Кира! Я спас всех нас! Искупил ли я свою вину?

— Да, — сказал Эверард и подумал о том, имеет ли какую-нибудь силу данное им отпущение грехов. Гарпаг закрыл глаза.

— Тогда оставь меня, — сказал он, и это прозвучало как слабое эхо команды.

Эверард осторожно опустил его на землю и заковылял в сторону. Два перса склонились над своим господином, исполняя

какой-то ритуал. Умирающий воин вернулся к своей молитве. Эверард сел под деревом, разорвал часть плаща на полосы и принялся перевязывать свои раны. Той, что на ноге, придется заняться. Ему надо как-то добраться до скуттера. Это будет нелегко, но он как-нибудь перебьется, а врач Патруля вылечит его за несколько часов с помощью медицины, которая появится в будущем, даже много позже, чем его собственная эпоха. Ему придется отправиться в какое-нибудь отделение в малоизвестном ареале, чтобы не отвечать на вопросы, которых будет слишком много в двадцатом веке. А он не может себе позволить подобные разговоры. Если только в главном управлении узнают, что он решил сделать, вероятно, запретят ему и думать об этом.

Ответ пришел к нему не как озарение, а как убеждение, которое подсознательно созревало уже давно. Он откинулся назад, переводя дыхание. К этому времени подошли еще четыре воина, им сказали, что произошло. Никто из них не обращал на Эверарда внимания, они лишь бросали на него взгляды, в которых страх боролся с гордостью, и незаметно делали знаки против злых сил. Затем воины подняли своего мертвого начальника и умирающего товарища и понесли их в лес. Сгущались сумерки. Где-то проухал филин.

9

Великий царь сел на постели. За занавесками раздался какой-то легкий шум.

Кассандана, царица, неслышно зашевелилась. Тонкая рука скользнула по его лицу.

— Что там такое, о солнце моего счастья? — спросила она.

— Не знаю.

Он пошарил под подушкой, где у него всегда лежал короткий меч.

— Ничего.

Ее ладонь скользнула по его груди.

— Нет, солнце моей души, — прошептала она, внезапно задрожав. — Что-то случилось. Твое сердце бьется, как барабан войны.

— Оставайся здесь. — Он встал с постели, откинув тяжелый полог.

Лунный свет лился с иссиня-голубого неба и падал на пол сквозь сводчатое окно. Он почти слепил, отражаясь от бронзового

зеркала. Воздух холодил обнаженное тело.

Какой-то черный металлический предмет, на котором находился человек, осторожно дотрагивающийся до тумблеров на пульте управления, внезапно, как тень, возник в воздухе.

Предмет беззвучно опустился на ковер, и человек сошел с него. Он был в шлеме и греческой тунике, крепко сложен и высок ростом.

— Кейт, — прошептал он.

— Мэнс!

Денисон вышел из темноты в лунный свет.

— Ты вернулся!

— Да не может быть! — иронически усмехнулся Эверард. — Скажи, нас тут могут подслушать? Не думаю, чтобы меня видели. Материализовался прямо над крышей и спустился на антигравиаторе.

— За дверью стража, — сказал Денисон. — Но они не войдут, пока я не ударю в гонг или не крикну.

— Хорошо. Одевайся.

Денисон выронил меч. Секунду он стоял не двигаясь, затем у него вырвалось:

— Ты нашел выход?

— Может быть, может быть…

Эверард отвел глаза и стал выстукивать дробь на панели управления.

— Послушай, Кейт, — сказал он в конце концов. — У меня есть одна мысль, но из нее может ничего не получиться. Мне нужна твоя помощь. Если у нас все выйдет как задумано, считай, что ты дома. Главное управление будет поставлено уже перед свершившимся фактом и закроет глаза на какое-то там нарушение правил. Если же ничего не выйдет, тебе придется вернуться сюда в эту самую ночь и жить жизнью Кира до самой смерти. Ты в состоянии пойти на это?

Дрожь била Денисона сильнее, чем при лихорадке. Очень тихо он сказал:

— Наверно.

— Я сильнее тебя, — грубо напомнил Эверард, — и у меня с собой современное оружие. Если будет необходимо, я доставлю тебя назад связанным. Пожалуйста, не заставляй меня делать это.

Денисон глубоко вздохнул.

— Не заставлю.

— Тогда остается надеяться, что боги будут на нашей стороне. Одевайся. Я объясню тебе все по дороге. Скажи этому году «прощай» и, будем надеяться, что не «до свиданья», потому что, если все получится, ты его никогда больше не увидишь, да и

никто другой тоже.

Денисон, уже отправившийся в угол комнаты, где была свалена его одежда, которую до утра должен был прибрать раб, остановился на полдороге.

— Что? — спросил он.

— Мы попробуем переписать историю, — сказал Эверард. — Или, может быть, восстановить историю в таком виде, как она существовала на самом деле. Не знаю. Давай скорее!

— Но…

— Говорю тебе, одевайся! Понимаешь ли ты, что я появился здесь в тот же самый день, когда уехал отсюда, что в эту минуту я, раненый в ногу, карабкаюсь по холмам, только бы выкроить для тебя лишнее время? Давай, шевелись!

Денисон принял решение. Лицо его находилось в темноте, но голос прозвучал твердо, хоть и негромко.

— Мне надо проститься с одним человеком.

— Что?

— С Кассанданой, моей женой. Она была со мной… Боже, уже четырнадцать лет! Она родила мне троих детей и выхаживала меня, когда я два раза умирал от лихорадки и сотни раз от отчаяния, а однажды, когда мидяне были уже у ворот города, она повела за собой женщин, и они вдохновили нас на сражение и победу… Дай мне пять минут, Мэнс…

— Ну хорошо, хорошо. Правда, за пять минут до нее и евнух дойти не успеет…

— Она здесь.

Денисон скрылся за пологом ложа.

Эверард так и остался стоять, пораженный.

ТЫ ЖДАЛ МЕНЯ СЕГОДНЯ НОЧЬЮ, подумал он, И ТЫ НАДЕЯЛСЯ, ЧТО Я СМОГУ ВЕРНУТЬ ТЕБЯ ЦИНТИИ, И ВСЕ ЖЕ ТЫ ПОСЛАЛ ЗА КАССАНДАНОЙ.

И потом, когда пальцы его онемели от того, что он все крепче сжимал рукоять меча, внутренний голос сказал ему:

ЗАТКНИСЬ, ЭВЕРАРД, ТЫ ПРОСТО ЛИЦЕМЕР И САМОДОВОЛЬНЫЙ ХАНЖА.

Денисон вернулся быстро. Он оделся в полном молчании и сел на заднее сиденье скуттера.

Эверард включил тумблер пространства, комната исчезла, и теперь перед ними уже лежали освещенные луной холмы. Холодный ветер продувал их насквозь.

— А сейчас — в Экбатаны.

Эверард включил освещение и принялся манипулировать с контрольными рукоятями, сверяясь с записями в блокноте.

— Эк… О, ты имеешь в виду Хагматан? Старую столицу

Мидии?

Голос Денисона звучал удивленно.

— Но ведь сейчас это просто летняя резиденция царей.

— Я имею в виду Экбатаны тридцать шесть лет назад, — сказал Эверард.

— Что?

— Слушай. Все историки будущего категорически утверждают, что рассказ о детстве Кира в изложении Геродота и самих персов — чистая легенда. В конце концов, может быть, они и правы. Может быть, то, что произошло здесь с тобой, — просто одно из тех искривлений пространства-времени, которые Патруль так тщательно старается выправить.

— Понятно, — медленно произнес Денисон.

— Ты был в свите Астиага достаточно часто, пока еще оставался подданным. Ты будешь указывать мне путь. Старик нам нужен самолично, предпочтительно один, и ночью.

— Шестнадцать лет — долгий срок, — сказал Денисон.

— А?

— Если ты все равно хочешь изменить прошлое, зачем я нужен тебе именно сейчас? Ты можешь отправиться в то время, когда я правил всего год, достаточно для того, чтобы знать все относительно Экбатан, но…

— Нет. Прости. Я не смею. Мы и так чертовски рискуем. Один господь Бог знает, к чему может привести вторичный эффект, который возникает в мировых линиях при таком изменении событий. Даже если у нас все получится, Патруль вполне может сослать нас обоих на отдаленную планету только за то, что мы пошли на подобный риск.

— Да… я понимаю.

— К тому же, — сказал Эверард, — ведь ты не самоубийца! Ты что, действительно хочешь, чтобы тебя, такого, какой ты есть в эту минуту, никогда не существовало?

Он закончил программирование на панели управления. Человек позади него вздрогнул.

— Великий Митра! — произнес Денисон. — Ты прав. Давай не будем говорить об этом.

— Тогда поехали.

Эверард нажал кнопку главного переключателя.

Скуттер завис над незнакомым городом, окруженным стеной. Хотя эта ночь тоже была лунной, город терялся в темноте. Эверард начал открывать сумки, пристегнутые у седел.

— Возьми, — сказал он. — Надень этот костюм, я тоже переоденусь. Ребята из отделения в Мохенджодаро подогнали их под наши размеры. Там, во втором тысячелетии до нашей эры, им

самим приходится часто так переоблачаться, ситуации возникают всякие…

Ветер свистел мимо, скуттер повернул к востоку. Денисон показал Эверарду рукой вниз.

— Вот дворец. Царская опочивальня в восточном крыле.

Это было массивное и менее изящное здание, чем новый дворец персидского царя в Пасаргадах. Эверард заметил среди осенней листвы белые скульптуры двух крылатых быков, оставшиеся от ассирийцев. Окна были слишком узки, в них не возможно было влететь. Эверард выругался и направил машину к ближайшему входу. Двое конных стражников взглянули вверх и, увидев, что приближается к ним, завопили от ужаса. Скуттер разнес в щепки дверь. Лошади встали на дыбы и сбросили всадников. Еще одно чудо никак не повлияет на историю, потому что в этих веках так же истово верили в чудеса, как в его собственную эпоху — в витамины, и, возможно, с куда большим основанием. Они проехали по длинному коридору, освещенному лампами, бросающими на стены тусклый свет, мимо перепуганной насмерть стражи к царской опочивальне. Здесь Эверард вытащил меч и постучал эфесом в дверь.

— Теперь давай ты, Кейт, — шепнул он. — Ты лучше знаешь мидийскую речь и как к ним обращаться.

— Открывай, Астиаг! — загремел Денисон. — Открывай посланцам великого Ахурамазда.

К некоторому удивлению Эверарда, человек за дверью немедленно исполнил приказание. Астиаг был не менее храбр, чем любой из его подданных, но когда царь, коренастый мужчина средних лет с грубым лицом, увидел двух существ в люминесцентной одежде, с сиянием вокруг головы и крыльями за спиной, излучающими свет, в воздухе на железном троне, он распростерся перед ними ниц.

Эверард услышал, как Кейт заговорил громовым голосом ярмарочного прорицателя на диалекте, который сам он не совсем понимал:

— О бесславный сосуд порока, проклятие небес пало на твою голову! Неужели ты думаешь, что самые сокровенные твои мысли, хоть и прячешь ты их во тьме, их породившей, могут сокрыться от Всевидящего Ока? Неужели ты возомнил, что великий Ахурамазда допустит, чтобы свершилось то подлое зло, которое ты замыслил?

Эверард перестал слушать, отдавшись собственным мыслям. Гарпаг был, вероятно, где-то в этом же городе, в цвете сил и еще не повинный в преступлении. Теперь ему никогда не придется нести всю жизнь этот тяжелый крест. Он никогда не оставит

ребенка на вершине холма и, опершись на копье, не будет ждать, когда стихнут его крики и плач. Он, конечно, восстанет в будущем, но уже по другим причинам, и станет хилиархом Кира, но он не умрет от руки врага в дремучем лесу; и какой-то перс, чьего имени Эверард не знал, тоже не умрет от греческого короткого меча, пронзившего его насквозь.

НО ВОСПОМИНАНИЕ О ТЕХ ДВУХ ЛЮДЯХ, ЧТО Я УБИЛ, ОСТАНЕТСЯ В КЛЕТОЧКАХ МОЕГО МОЗГА, НА МОЕЙ НОГЕ ВСЮ ЖИЗНЬ БУДЕТ ВИДЕН ТОНКИЙ БЕЛЫЙ ШРАМ. КЕЙТУ ДЕНИСОНУ СОРОК СЕМЬ ЛЕТ, И ОН НАУЧИЛСЯ ДУМАТЬ И ПОВЕЛЕВАТЬ, КАК ЦАРЬ.

— … Знай же, Астиаг, что этот ребенок — Кир, избранник небес. Небеса милосердны. Ты получил знак. И если ты возьмешь на душу этот грех и прольешь кровь невинного младенца, тебе ее никогда не смыть! Оставь Кира в его родном Аншане, или ты будешь гореть в огне с Ариманом. Митра сказал свое слово!

Астиаг, простертый у их ног, бился головой о пол.

— Поехали, — сказал Денисон по-английски.

Эверард поставил программатор на тридцать шесть лет вперед. Лунный свет освещал ручей в горах Персии и кедры вдоль дороги. Было холодно. Где-то завывал волк.

Эверард посадил скуттер, спрыгнул с него и начал высвобождаться из одежды. На бородатом лице Денисона застыло непонятное выражение.

— Знаешь, — сказал он, — я опасаюсь…

Голос его будто растаял в окружающей его тишине.

— Я опасаюсь, Мэнс, не слишком ли мы его напугали? В истории записано, что Астиаг три года воевал с Киром, когда персы восстали.

— Мы всегда можем вернуться назад, скажем, к самому началу войны, и устроить ему видение, которое побудит его сопротивляться восставшим, — сказал Эверард, с трудом стараясь сохранить здравый смысл. — Но надеюсь, что этого не понадобится. Он не тронет царевича сейчас, но когда его подданные восстанут, он достаточно разъярится для того, чтобы забыть сегодняшний далекий сои. Да и его приближенные, мидийская знать, вряд ли разрешат ему сидеть сложа руки. Но ведь это можно проверить. Разве в день зимнего солнцестояния царь не устраивает пышного праздника?

— Да. Поехали. Быстро.

И внезапно в вышине над ними зажглось солнце. Они спрятали скуттер и пошли пешком в Пасаргады, влившись в толпу стремящихся на праздник Митры людей. По пути они спрашивали, что случилось, объясняя, что долгое время пробыли

в чужих странах. Ответы удовлетворили их до мельчайших деталей, которые не были записаны в истории, но остались в памяти Денисона.

И, стоя в многотысячной толпе под холодным голубым небом, они приветствовали Кира, Великого царя, который проезжал со своими приближенными и помощниками — Кобадом, Крезом и Гарпагом. Вслед за ними ехали те, кто составлял гордость и славу Персии, — ее сановники и жрецы.

— Он моложе меня, — прошептал Денисон. — Так я и думал. И немного меньше ростом… лицо совсем не похоже, как ты думаешь? Но он годится.

— Хочешь остаться посмотреть? — спросил Эверард.

Денисон завернулся в плащ. Было холодно.

— Нет, — глухо сказал он. — Домой. Прошло так много времени. Даже если всего этого никогда и не было.

— Ну-ну.

Эверард тоже был угрюм и совсем не походил на счастливого спасителя.

— Да, этого никогда не было, — повторил он.

10

Кейт Денисон вышел из лифта своего дома в Нью-Йорке. Он был немного удивлен, что забыл, как выглядит этот дом. Он даже не мог вспомнить номера своей квартиры, так что пришлось обратиться к помощи справочника. Детали, детали. Он попытался остановить дрожь в руках.

Цинтия открыла дверь, как только он подошел к ней.

— Кейт, — сказала она почти удивленно.

Он не нашелся что сказать и только спросил:

— Мэнс предупредил тебя? Он обещал мне, что предупредит.

— Да. Неважно. Я не могла себе представить, что ты так изменился. Но это неважно. О, мой дорогой!

Она втащила его в квартиру, закрыла дверь и прижалась к нему.

Денисон оглядел комнату. Он совсем забыл, какая она тесная. И ему всегда не по душе был вкус Цинтии в выборе обстановки, но он не спорил с ней.

Уступать женщине, даже спрашивать ее совета — этому еще предстояло заново учиться. Будет нелегко.

Она подставила свое заплаканное лицо для поцелуя. Значит,

вот как она выглядит! После стольких лет в его памяти остался только полустертый образ маленькой женщины со светлыми волосами. Он прожил с ней всего несколько месяцев… Кассандана называла его своей утренней звездой, дала жизнь троим его детям и все четырнадцать лет была готова исполнять любые его желания.

— Ох, Кейт, наконец-то ты дома, — сказал высокий, тонкий голос.

ДОМА! — подумал он, — БОЖЕ!

DELENDA EST[1]

1

Двадцать тысяч лет назад в Европе была великолепная охота, а зимний спорт там хорош в любую эпоху. Вот почему Патруль времени, всегда заботившийся о своих высококвалифицированных сотрудниках, разместил несколько охотничьих домиков в Пиренеях плейстоценового периода.

Мэнс Эверард стоял на застекленной веранде и смотрел на голубые горы, покрытые льдом; ниже по склонам спускались леса, а совсем внизу тянулись болота и тундра. Сильный мускулистый патрульный был одет в свободные зеленые штаны и в куртку из инсульсинта двадцать третьего века; ботинки были сшиты на заказ сапожником из французской Канады девятнадцатого века; он курил старую вересковую трубку вовсе неизвестного происхождения. Эверард ощущал какое-то беспокойство и не обращал внимания на шум, доносившийся из дома, где другие патрульные пели, пили, разговаривали и играли на пианино.

Через покрытый снегом двор прошел их проводник-кроманьонец, высокий красивый парень в эскимосской одежде (непонятно, почему авторы романов о ледниковом периоде никогда не признавали за людьми палеолита достаточно здравого смысла, чтобы носить куртки, штаны и обувь?) Лицо у проводника было раскрашено, за поясом торчал стальной нож, ради которого он и взялся за эту работу. Так далеко в прошлом Патруль мог действовать достаточно свободно, не боясь нарушить ход истории: нож все равно заржавеет, а пришельцев через несколько столетий забудут. Основное затруднение было в другом: женщины-агенты из далеких веков, где нравы были проще, все время заводили романы с местными охотниками.

Пит Ван Саравак (голландско-индонезийский венерианин из раннего 24-го века), стройный, темноволосый молодой человек, чья наружность и манера ухаживать составляли большую конкуренцию охотникам, присоединился к Эверарду на веранде. Минуту они стояли молча, с удовольствием, ощущая присутствие друг друга. Пит тоже был агентом свободных действий, в любой момент готовым прийти на выручку в любом ареале. Несколько раз они работали вместе. Отдыхать они тоже приехали вместе.

Пит первым нарушил молчание, заговорив на темпоральном:

— Я слышал, около Тулузы обнаружили несколько мамонтов.

Тулуза будет построена только спустя столетия, но сила привычки велика.

— Я уже подстрелил одного, — нетерпеливо сказал Эверард. — И уже вволю накатался на лыжах, назанимался альпинизмом и по горло сыт зрелищем местных танцев.

Ван Саравак кивнул и раскурил сигарету. Когда он затянулся, его скулы еще резче выдались на худом коричневом лице.

— Это приятный отдых, — согласился он, но честно говоря, через некоторое время жизнь на природе малость надоедает.

Им предстояло ничего не делать еще две недели. В теории, поскольку, возвращаясь из отпуска, агент имел возможность при желании попасть чуть ли не в день и час своего отъезда, отпуск мог длиться бесконечно, но на практике каждый должен был посвятить определенный отрезок своей биологической жизни работе. (В Патруле никогда не говорилось, когда кому предстоит умереть, и у каждого обычно хватало ума не пытаться выяснить это самому. К тому же в любом случае дата могла оказаться неточной — время изменчиво. Одним из преимуществ работы в Патруле была возможность пройти данеллианский курс продления жизни).

— Чего бы я хотел, — продолжал Ван Саравак, — так это ярких огней, музыки и встреч с девочками, которые никогда и не слышали о путешествиях во времени…

— Сказано — сделано! — подхватил Эверард.

— Рим времен Августа? — радостно спросил его товарищ. — Я никогда там не был. Могу за час выучить их язык и обычаи под гипноизлучателем.

Эверард покачал головой.

— Слишком дорого обойдется. Если мы не намерены забираться далеко в будущее, то по части всяческого разложения лучшего века, чем мой, не найти. Нью-Йорк в особенности… если ты знаешь нужные номера телефонов. А я их знаю.

Ван Саравак ухмыльнулся.

— Я и сам знаю несколько приятных местечек в моем веке, — ответил он. — Но в целом новое общество мало нуждается в изысканном искусстве развлечений. Ладно, пусть это будет Нью-Йорк… когда?

— Давай год 1960-й. Перед тем как поехать в отпуск, я как раз там проживал как гражданин и налогоплательщик.

Они усмехнулись друг другу и пошли собирать вещи. Эверард предусмотрительно захватил одежду двадцатого века не только для себя, но и для приятеля.

Бросая одежду и бритву в маленький чемодан, американец думал, надолго ли его хватит, чтобы поддержать компанию Ван

Сараваку. Он никогда не был заядлым гулякой и не представлял себя бесшабашным бражником ни в одну из эпох на протяжении пространства-времени. Бой быков, ящик пива и интересная книжка — пожалуй, этот набор исчерпывал его возможности. Но и самому умеренному человеку иногда необходимо встряхнуться.

И не только встряхнуться, но и забыться. Ведь он свободный агент в Патруле времени; ведь его работа в Компании технологических исследований — только ширма для скитаний и сражений на всем протяжении истории; ведь он собственными глазами видел, как эту историю, пусть в мелочах, перекраивают наново — не боги, что было бы еще терпимо, а простые смертные, которым свойственно ошибаться, ибо даже данеллиане все же не боги; ведь он знал, что может произойти изменение в чем-то главном, и тогда он сам и весь окружающий его мир перестанут существовать.

Простое лицо Эверарда перекосила гримаса. Он провел рукой по своим жестким темным волосам, будто отгоняя эти мысли. Бесполезно думать о таких вещах. Перед парадоксом не устоит никакая логика. Лучше в такие минуту расслабиться и отдохнуть, а он сейчас может себе это позволить.

Эверард подхватил чемодан и присоединился к Питу Ван Сараваку.

Их маленький двухместный антигравитационный скуттер стоял в гараже. Трудно было поверить, что его программатор можно настроить на любую эпоху и любое место земли. Но и самолет тоже — чудо, и корабль, и даже огонь.

Подайте мне блондиночку,
Блондиночку мою,
Подайте мне блондиночку,
Я так ее люблю!

— громко распевал Ван Саравак, и дыхание его облачком растворялось в морозном свежем воздухе. Он вскочил на заднее седло скуттера. Саравак выучил эту песню, когда как-то раз ему пришлось сопровождать армию Людовика XIV. Эверард рассмеялся.

— Уже! Не рано ли?

— Ну вот еще, — пропел молодой человек, — это такой веселый континуум в прекрасном и вечно живом космосе. Гони машину!

Эверард совсем не был в этом уверен: он повидал достаточно человеческих страданий во всех веках. Со временем ты затвердеваешь снаружи, но внутри… когда крестьянин смотрит на тебя больными, измученными глазами, или воин кричит, пронзенный пикой, или город вдруг вздымается вверх грибом

радиоактивного взрыва… что-то в тебе плачет. Он мог понять фанатиков, которые стремились изменить прошлое. Но, к сожалению, они вряд ли могли привести мир к лучшему будущему.

Он настроил программатор на двадцатый век, склад Компании технологических исследований — хорошее, скрытое от глаз место, где можно материализоваться без опаски. Оттуда они пойдут к нему домой и уж потом начнут развлекаться.

— Надеюсь, ты успел попрощаться со всеми своими здешними красотками? — посмеиваясь, спросил Эверард.

— О да, и уверяю тебя, весьма любезно. Поехали скорей. Ты тут завяз, будто в патоке на Плутоне. К твоему сведению, эту машину не требуется гнать к дому веслами.

Эверард пожал плечами и включил главный тумблер. Гараж исчез из виду.

2

От неожиданности они на какую-то секунду замерли на месте. Все замелькало перед их глазами. Они материализовались в нескольких дюймах от поверхности земли — скуттер был сконструирован так, что не мог вдруг появиться внутри твердого объекта, — поэтому машина ударилась о мостовую с такой силой, что патрульные чуть не вывихнули себе челюсти. Они очутились на месте, напоминавшем площадь. Рядом шумел фонтан, его каменные стенки были украшены резными виноградными гроздьями. От площади отходили улицы, застроенные квадратными зданиями из кирпича или бетона от шести до десяти этажей в высоту. Эти дома совершенно диких расцветок были украшены грубым лепным орнаментом. Мимо проезжали неуклюжие коробки-машины абсолютно неизвестной им марки. На площади толпилась масса народу.

— Боги — хранители Патруля! Где мы?

Эверард уставился на приборы. Нет, все было правильно. Скуттер приземлился в Манхэттене 23 октября 1960 года в 11.30 утра и точно в пространственных координатах склада. Но порывистый ветер бросал им в лицо пыль и сажу, пахло дымом печных труб и…

Ван Саравак выхватил звуковой станнер. Толпа пятилась от них, крича на каком-то непонятном языке. Люди здесь были самые разные: и высокие круглоголовые белые с рыжими

волосами, и американские туземцы, и полукровки всех мастей. Мужчины одевались в свободные цветные блузы, шотландские юбки и в какие-то, похожие на шотландские, шапки; на ногах — ботинки и чулки до колен. Прически здесь носили длинные, так же как и усы. На женщинах были пышные юбки до лодыжек. Волосы они укладывали в косы вокруг головы и прятали под капюшоны плащей. Независимо от пола, здешние жители носили массивные браслеты и ожерелья.

— Что случилось? — прошептал венерианин. — Где мы?

— Эверард сидел, напрягшись. Его мозг лихорадочно работал на пределе, вызывая картины всех веков, где он побывал или о которых читал. Промышленная цивилизация? — автомобили эти смахивали на паровые — но почему тогда радиаторы такой острой формы и с такими носовыми украшениями? Уголь в качестве топлива? Или эпоха восстановления после ядерной войны? Тоже нет, при чем тут тогда эти шотландские юбки, да и речь не английская!

Ничто не сходилось. Такой эпохи просто не было!

— Скорей поехали отсюда!

Руки Эверарда легли на панель управления, когда на него прыгнул какой-то высокий мужчина. Они вместе рухнули на тротуар — в ход пошли ноги и кулаки. Ван Саравак выстрелил, кто-то упал без сознания, но его самого схватили за руки сзади. Толпа навалилась на них обоих, и все смешалось в сознании Эверарда. Он смутно помнил, как сквозь людскую массу пробились несколько человек со сверкающими медными пластинами на груди и в шлемах, подняли его на ноги и защелкнули наручники на запястьях. Затем их с Ван Сараваком обыскали и впихнули в большую закрытую машину. «Черные вороны» одинаковы во все века и эпохи.

Окончательно он пришел в себя только в сырой и холодной камере с забранной железной решеткой дверью.

— Черти в адском пламени!

Венерианин плюхнулся на деревянный топчан и закрыл лицо руками.

Эверард стоял у двери, выглядывая наружу. Он смог увидеть только узкий зал с бетонными стенами и камеру на другом его конце. Оттуда через решетку на них смотрело типично ирландское лицо человека, кричавшего что-то непонятное.

— Что происходит? — Стройное тело Ван Саравака задрожало.

— Не знаю, — медленно сказал Эверард. — Просто не знаю. Наша машина времени устроена так, что ею может управлять совершенный дурак, но мы, вероятно, все же еще большие дураки,

чем те, на которых она рассчитана.

— Такого места нет на свете, — сказал Ван Саравак в полном отчаянии. — Сон?

Он ущипнул себя за руку и выдавал грустную улыбку. Губа у него была разбита и уже стала опухать, на скуле начал проступать грандиозный синяк.

— Логически рассуждая, друг мой, щипок не может служить доказательством реальности, но есть в нем что-то обнадеживающее.

— Лучше бы не было, — сказал Эверард.

Он затряс металлические перекладины с такой силой, что они зазвенели.

— Послушай, может быть, мы действительно неправильно произвели настройку? Есть ли такой город на Земле? — а в том, что это Земля, я, по крайней мере, уверен. Пусть не город, а никому не известное захолустье!

— Я такого не знаю.

Эверард полностью расслабился, как его учили в Академии, заставляя свой мозг работать с полной отдачей. В свое время он изучал историю всех веков, даже тех, в которых никогда не был, причем настолько тщательно, что имел полное право претендовать на присуждение ему ученой степени доктора философии, и даже не единожды.

— Нет, — сказал он в конце концов. — Нечто среднее между белыми брахицефалами в шотландских юбках и индейцами, разъезжающими в паровых автомобилях, — ничего подобного никогда не было.

— Координатор Стантель В., — слабым голосом сказал Ван Саравак. — В тридцать восьмом веке. Великий экспериментатор создавал колонии, в точности воспроизводящие цивилизации прошлого…

— Не было в прошлом таких цивилизаций, — сказал Эверард.

Постепенно он начал осознавать, что произошло, и готов был продать душу дьяволу, лишь бы это оказалось не так. Ему пришлось напрячь все силы, чтобы не завопить и не разбить голову о стенку.

— Придется подождать, что будет дальше, — сказал он безжизненным тоном.

Полисмен (Эверард предполагал, что они находятся в руках закона) принес им пищу и попытался заговорить с ними. Ван Саравак сказал, что язык напоминает кельтский, но что он понял лишь несколько отдельных слов. Пища была недурна.

К вечеру их отвели в умывальную, и они привели себя в порядок под дулами пистолетов. Эверард внимательно осмотрел

оружие: восьмизарядные револьверы и длинноствольные винтовки. Газовые светильники в виде переплетающихся лоз и змей освещали помещение. Характер удобств, оружия, а также запахи заставляли предполагать уровень техники примерно начала девятнадцатого века.

По пути в камеру он заметил несколько букв на стенах. По начертанию они безусловно относились к семитическим, но хотя Ван Саравак знал древнееврейский, он не смог прочитать ни слова.

Вновь запертые в камеру, они наблюдали, как ведут мыться других заключенных: на удивление веселую толпу бродяг и пьяниц.

— Кажется, мы удостоены особого внимания, — заметил Ван Саравак.

— Ничего удивительного, — сказал Эверард. — Интересно, как бы ты поступил с двумя неизвестными, явившимися из ниоткуда и применившими неизвестное оружие?

Ван Саравак повернулся к нему и спросил с несвойственной ему угрюмостью:

— Ты думаешь то же, что и я?

— Возможно.

Венерианин скривил рот, в его голосе послышался ужас.

— Другая линия времени. Кому-то все же удалось изменить историю.

Эверард кивнул.

Ночь они провели плохо, хотя сон был бы истинным благодеянием: во-первых, из других камер раздавался шум — дисциплина здесь, видимо, хромала на обе ноги, — во-вторых, в постелях оказалось достаточно клопов.

Позавтракали они словно в тумане, потом им опять разрешили умыться и побриться безопасными бритвами, довольно похожими на современные. Затем стража из десяти человек отвела их в какой-то кабинет и неподвижно застыла у стен.

Патрульных усадили у стола, и они стали ждать. Мебель здесь была такой же полузнакомой-получужой, как и все остальное, и это действовало на нервы. Только через некоторое время появилось большое начальство.

Их было двое: седой краснощекий мужчина в доспехах и в зеленом мундире, вероятно, шеф полиции, и худощавый с жесткими чертами лица полукровка — тоже седой, но с черными усами, одетый в голубой мундир и в шерстяную, надвинутую на лоб шапочку. Слева на груди у него блестела золотая бычья голова, очевидно, воинский знак различия. В человеке этом

ощущалось спокойное достоинство, но это впечатление нарушали тонкие волосатые ноги, торчавшие из-под шотландской лобки. За ним следовали двое молодых людей, вооруженные и одетые почти как он. Когда человек сел, они встали за его спиной.

Эверард наклонился и прошептал:

— Могу спорить, что это — военные. Кажется, мы представляем интерес.

Ван Саравак слабо кивнул.

Шеф полиции с важностью откашлялся и что-то сказал… генералу. Последний нетерпеливо что-то буркнул в ответ и обратился к пленникам. Он выкрикивал слова отчетливо, и это помогло Эверарду уловить фонемы, но тон генерала не предвещал ничего хорошего.

Каким-то образом надо было установить контакт. Эверард указал на себя.

— Мэнс Эверард, — сказал он.

Ван Саравак последовал его примеру и тоже представился.

Генерал заерзал на стуле и стал совещаться с шефом полиции.

Повернувшись к пленникам, он резко сказал:

— Irn cimberland?

— Но спикка да Инглиз, — ответил Эверард.

— Gothland? Svea? Nairoin Teutonach?

— Эти названия, если только это названия, похожи на германские, — прошептал Ван Саравак.

— Так же, как и наши имена, если ты прислушаешься повнимательней, — сухо ответил Эверард. — Может быть, они решили, что мы — германцы. — Он повернулся к генералу.

— Шпрехен зи дойч? — Лицо генерала не выразило понимания. — Талер, ни свенск? Нидерландск? Денск тунга? Парле ву франсэ? Ох, черт побери, абла устед эспаньоль?

Шеф полиции снова откашлялся и указал на себя.

— Кадвалладер Мак Барка, — сказал он. Генерал Цинит ап Сиорн.

Или, по крайней мере, так англо-саксонский мозг Эверарда уловил звучание этих слов.

— Кельтский, точно, — сказал он, чувствуя, что весь взмок от пота. — Но чтобы проверить окончательно…

Он вопросительно указал на нескольких человек у стены и получил в награду такие имена, как Гамилькар ап Ашур ир Катхлан и Финн О'Картиа.

— Нет… Здесь явно есть и семитический элемент. К тому же это соответствует буквам, написанным на стенах тюрьмы.

Ван Саравак облизнул пересохшие губы.

— Попробуй классические языки, — хрипло предложил он. — Может, нам удастся установить тот момент, когда история сошла с ума.

— Loquerisne latine?

Они молча смотрели на него.

— Хеллена?

Генерал ап Сиорн дернулся, подул себе в усы и сузил глаза.

— Hellenach? — насторожился он. — Irn Parthia?

Патрульный покачал головой.

— По крайней мере, они слышали о греках, — медленно проговорил он.

Эверард сказал еще несколько слов по-гречески, но никто не знал этого языка.

Ап Сиорн приказал что-то одному из своих людей, который поклонился и вышел. Наступило долгое молчание.

Эверард почувствовал, что перестает бояться за себя. Он попал в скверное положение, мог скоро умереть, но что бы с ним ни случилось, это было до смешного несущественно в сравнении с тем, что произошло со всем миром.

Боже великий! Со всей Вселенной!

Он не мог осознать этого до конца. Он ясно представлял себе землю, которую знал: просторные равнины, высокие горы, горделивые города. Он вспомнил своего отца в гробу и то, как в детстве отец подбрасывал его высоко в воздух и смеялся, глядя на него снизу вверх. И мать… Родители прожили вместе хорошую жизнь.

Он вспомнил девушку, с которой вместе учился в колледже: самую прелестную девушку из всех, каких парень может быть удостоен чести провожать домой под дождем; И Берни Ааронсона, пиво, табачный дым и ночные разговоры; Фила Брэкни, который выволок его из грязи во Франции, когда пулеметы перепахивали изрытое снарядами поле; Чарли и Мэри Уиткомб в викторианской Англии, крепкий чай и раскаленные угли в камине; Кейта и Цинтию Денисон в отделанном хромированной сталью гнездышке в нью-йоркском небоскребе; Джека Сандовала в желто-коричневых горах Аризоны; собаку, которую он однажды завел; суровые песни Данте и громоподобные звучания шекспировских строк; величие собора в Йорке и мост у Золотых ворот; боже, целую человеческую жизнь и жизнь миллиардов людей, которые трудились, терпели лишения, плакали, смеялись и уходили в землю, чтобы на их место пришли сыновья…

Ничего этого никогда не было.

Он тряхнул головой, ошеломленный несчастьем, так и не осознавая до конца, что же произошло.

Солдаты вернулись с картой и расстелили ее на столе. Ап Сиорн сделал повелительный жест рукой, и Эверард с Ван Сараваком склонились над ней.

Да, это была Земля в меркаторовой проекции, но память подсказывала им, что карта довольно приблизительна.

— Ты можешь прочесть эти названия, Ван?

— Могу только попытаться — здесь много букв древнееврейского алфавита, — сказал венерианин. Он начал читать названия вслух. Ап Сиорн сварливо поправлял его.

Северная Америка до Колумба называлась Инис ир Афаллон, по всей видимости — одна страна, разделенная на штаты Южная Америка была большим государством, Хай Бразил; там же было несколько меньших стран, чьи названия напоминали индейские. Австралазия, Индонезия, Борнео, Бирма, Восточная Индия и добрая половина тихоокеанских островов принадлежали Хиндураджу. Афганистан и остальная Индия назывались Пенджабом. Литторн простирался далеко на территорию Европы. Британские острова назывались Бриттис; Франция и Нидерланды — Галлис; Иберийский полуостров — Солтан. Центральная Европа и Балканы были разделены на множество мелких государств, названия некоторых из них имели, по-видимому, гуннское происхождение. Над Швейцарией и Австрией было написано Хельвети; Италия называлась Симберлендом; посередине Скандинавии проходила граница: Свеа на севере и Готланд на юге. Северная Африка, очевидно, была конфедерацией от Сенегала до Суэца, подходила почти к самому экватору и называлась Картагалан; южная часть континента была разделена на более мелкие страны, имевшие в большинстве чисто африканские названия. Ближний Восток состоял из Парфии и Аравии.

Ван Саравак оторвался от карты. В его глазах стояли слезы.

Ап Сиорн выкрикнул вопрос и помахал пальцем около карты. Он хотел знать, откуда они.

Эверард пожал плечами и указал на небо. Единственное, чего он не мог сказать, это правды. Они заранее договорились с Ван Сараваком утверждать, что прибыли с другой планеты, благо в этом мире еще не знали космических кораблей.

Ап Сиорн что-то сказал шефу полиции, который кивнул и ответил ему. Пленников снова отвели в камеру.

3

— И что дальше?

Ван Саравак опустился на топчан и уставился в пол.

— Надо подлаживаться, — хмуро сказал Эверард. — Любым путем нужно добраться до скуттера и бежать отсюда. На свободе разберемся, что к чему.

— Но что случилось?

— Говорю тебе, не знаю! На первый взгляд можно сделать такое предположение: что-то произошло с греко-римлянами и власть перешла к кельтам. Но я понятия не имею, что именно случилось.

Эверард мерил камеру шагами. Ему было горько, но решение уже созревало.

— Вспомни основополагающую теорию, — сказал он. — События являются результатом комплекса явлений. Не существует одной-единственной причины, могущей повлиять на будущее. Вот почему так трудно изменить историю. Если я вернусь, скажем, в средние века и застрелю одного из голландских предков Франклина Рузвельта, он все равно родится в девятнадцатом веке, потому что он и его гены происходят от целого мира его предков. Вступает в действие компенсация. Но время от времени, конечно, возникают ключевые ситуации. Какое-нибудь событие может явиться узлом многих событийных линий, и тогда его исход станет решающим для будущего в целом. Кто-то неизвестно почему и каким образом вмешался в такое ключевое событие в далеком прошлом.

— Нет больше моего города, — прошептал Ван Саравак. — Ни каналов в голубых сумерках, ни веселых пирушек с девушками, ни… ты знаешь, что на Венере у меня осталась сестра?

— Заткнись! — почти выкрикнул Эверард. — Я знаю. К черту все это. Сейчас надо думать, что можно сделать.

— Послушай, — продолжал он через минуту, — ни Патруля, ни данеллиан больше нет. (Не спрашивай меня, почему я сказал «нет», а не «никогда не было», почему мы впервые возвращаемся из прошлого и находим изменившееся будущее. Я не понимаю парадоксов изменчивого времени. С нами просто это случилось в первый раз, вот и все.) Как бы то ни было, отделения Патруля, существовавшие в ареалах до ключевого момента, наверняка уцелели. Должно остаться несколько сот агентов, на которых мы можем рассчитывать.

— Если нам удастся к ним вернуться.

— Только тогда мы сможем обнаружить, в чем заключается этот ключевой момент, и попытаться прекратить вмешательство в

историю. Мы должны сделать это!

— Прекрасная мысль. Но…

Снаружи раздались шаги. В замке повернулся ключ. Пленники отпрянули. Затем внезапно Ван Саравак принялся раскланиваться, расшаркиваться и расточать улыбки. Даже Эверард чуть не раскрыл рот от изумления.

Девушка, вошедшая в камеру в сопровождении трех солдат, была потрясающе красива. Высокого роста, с массой золотисто-рыжих волос, спускающихся ниже плеч до тонкой талии, она словно собрала в себе красоту всех поколений ирландок, живших на Земле. На прекрасном лице сияли огромные светло-зеленые глаза. Длинное белое платье облегало фигуру, будто созданную для того, чтобы стоять не здесь, а на стенах Трои… Эверард еще раньше обратил внимание, что в эту эпоху пользовались косметикой, но девушка прекрасно обходилась без нее. Он даже не заметил золота и драгоценных камней ее украшений и стражников за ее спиной.

Она застенчиво улыбнулась и сказала:

— Вы меня понимаете? У нас решили, что вы знаете греческий.

Она говорила скорее на классическом, чем на современном языке. Эверард, однажды работавший в Александрии, понимал ее, несмотря на акцент, если внимательно смотрел ей в лицо, не смотреть на которое было трудно в любом случае.

— О да, конечно! — ответил он. Слова наскакивали одно на другое, торопясь выстроиться во фразы.

— На каком это языке ты бормочешь? — спросил Ван Саравак.

— На древнегреческом, — сказал Эверард.

— Ну конечно, как же иначе! — простонал венерианин, казалось забывший о своем недавнем отчаянии. Глаза его сияли.

Эверард представил себя и своего товарища. Девушка тоже сказала свое имя: Дейрдра Мак Морн.

— О нет, — простонал Ван Саравак, — это уж слишком. Мэнс, научи меня греческому, быстро!

— Замолчи, — сказал Эверард. — Сейчас не до шуток.

— Ну хорошо, а разве я не могу тоже заняться ею всерьез?

Эверард перестал обращать на него внимание и пригласил девушку присесть. Он сел рядом с ней на койке, а несчастный Ван Саравак кружился вокруг них, не находя себе места. Стража держала оружие наготове.

— Разве на греческом еще говорят? — спросил Эверард.

— Только в Парфии, и там он сильно исковеркан, — сказала Дейрдра. — Я изучаю классический период, помимо других

занятий. Саоранн ап Сиорн — мой дядя, и он попросил меня попробовать говорить с вами по-гречески. В Афаллоне немногие знают аттический язык.

— Я… — Эверард едва удержался от глупой улыбки, — весьма признателен вашему дяде.

Она серьезно посмотрела на него.

— Откуда вы? И как получилось, что из всех существующих языков вы говорите только на греческом?

— Я говорю и по-латыни.

— Латынь?

Она нахмурилась, вспоминая.

— О, язык римлян, да? Боюсь, что у нас почти никто не знает о нем.

— Мы вполне обойдемся греческим, — твердо сказал Эверард.

— Но вы не ответили мне, откуда вы, — повторила она настойчиво.

Эверард пожал плечами.

— Нас приняли не очень-то любезно, — намекнул он.

— Очень жаль. — Она, видимо, говорила искренне. — Но наш народ так легко приходит в волнение. В особенности сейчас, когда такое напряженное международное положение. И когда вы появились прямо из воздуха…

Эверард кивнул. Международное положение? Это звучало достаточно знакомо и достаточно неприятно.

— Что вы имеете в виду? — спросил он.

— Неужели вы не знаете? Хай Бразил и Хиндурадж на грани войны, и мы не знаем, чем все это кончится… Трудно быть маленькой страной.

— Маленькой страной? Но я видел карту. Афаллон показался мне достаточно большим.

— Мы истощили свои силы еще двести лет назад, во время великой войны с Литгорном. Сейчас ни один из штатов нашей конфедерации не может прийти к соглашению с другими по вопросам общей политики.

Дейрдра взглянула ему прямо в глаза.

— Как объяснить, что вы этого не знаете?

Эверард проглотил комок в горле и сказал:

— Мы из другого мира.

— Что?

— Да. С планеты (нет, по-гречески это значит — спутник)… С небесного тела, вращающегося вокруг Сириуса. Так мы называем некую звезду.

— Но… что вы говорите? Целый мир, вращающийся вокруг

звезды? Я вас не понимаю.

— Разве вы не знаете? Звезды — это те же солнца.

Дейрдра отшатнулась и сделала пальцем какой-то знак.

— Великий Баал, защити нас, — прошептала она. — Или вы сумасшедший, или… Звезды прикреплены к кристаллической сфере.

НЕТ, ЭТО НЕВОЗМОЖНО!

— Какие из движущихся звезд вы можете видеть? — медленно спросил Эверард. — Марс, Венеру и…

— Я не знаю этих названий. Если вы имеете в виду Молоха, Ашторет и остальных, то это, конечно, такие же миры, как наш, и они также вращаются вокруг своего солнца. На одном живут души мертвых, другой — прибежище ведьм, третий…

ВСЕ ЭТО И ПАРОВЫЕ АВТОМОБИЛИ! Эверард улыбнулся дрожащими губами.

— Если вы мне не верите, то как вы считаете, кто я?

Дейрдра оглядела его своими большими глазами.

— Я думаю, вы оба — волшебники, — сказала она.

На это нечего было ответить. Эверард задал еще несколько беспредметных вопросов, но узнал только, что город этот называется Катувеллаунан и что он является центром торговли и промышленности. Дейрдра определила его население в два миллиона человек, а всего Афаллона — в пятьдесят миллионов, но точнее сказать не смогла. Перепись населения здесь не производилась.

Судьба патрульных тоже оставалась весьма неопределенной. Скуттер и остальные их вещи забрали военные, но никто не осмелился даже дотронуться до них, и сейчас шла горячая дискуссия: что же делать с пленными дальше. У Эверарда создалось впечатление, что все управление этим государством, в том числе его военными силами, зависит от личных амбиций и проходит в постоянных спорах, представляя собой довольно плохо организованный процесс.

Афаллон — это очень непрочная конфедерация бывших самостоятельных государств — колоний Бриттиса и индейских племен, перенявших европейскую культуру. Каждое из них постоянно опасалось ущемления своих прав. Старая империя Майя, уничтоженная во время войны с Техасом (Теханнах) и аннексированная, не забыла еще времен своей славы и посылала самых несговорчивых представителей в Совет конфедерации.

Майя хотели вступить в союз с Хай Бразил, возможно, потому, что те тоже были индейцами. Штаты западного побережья, боящиеся Хинду раджа, тяготели к юго-восточной азиатской империи, надеясь на поддержку. Штаты Среднего

Запада (как всегда) придерживались изоляционизма. Восточные штаты каждый вели политику на свой лад, но склонялись к политическому курсу Бриттис.

Когда Эверард понял, что здесь еще существует рабство, хотя и не по расовому признаку, он в ярости чуть было не решил, что люди, изменившие историю, могли оказаться представителями рабовладельцев американского Юга. К черту! Ему за глаза хватало одной заботы: как вызволить себя и Вана из этой проклятой западни.

— Мы с Сириуса, — высокомерно повторил он. — Ваши представления о звездах ошибочны. Мы — мирные путешественники, но если с нами что-нибудь случится, придут другие наши собратья и отомстят за нас.

Вид у Дейрдры был такой несчастный, что ему стало совестно.

— Но они пощадят детей? — взмолилась она. — Дети ни в чем не виноваты.

Эверард ясно представил себе, какая картина возникла перед ее мысленным взором: маленьких плачущих пленников гонят в рабство на планету ведьм.

— Если нас отпустят и наши вещи возвратят, то вообще не будет никаких неприятностей, — сказал он.

— Я поговорю с дядей, — обещала она, — но даже если мне удастся убедить его, ведь это только один голос во всем Совете. Мысль о том что ваше оружие может значить для нас, если мы его заполучим, свела всех с ума.

Она поднялась. Эверард взял ее обе руки в свои — они были мягкими и теплыми — и улыбнулся.

— Выше носик, детка, — сказал он по-английски. Она задрожала, вырвалась от него и сделала пальцем все тот же защитный знак от волшебства.

— Ну что? — спросил Ван Саравак, когда они остались вдвоем. — Теперь рассказывай.

Выслушав Эверарда, он погладил подбородок и пробормотал: — Прелестное сочетание очаровательных линий и форм. Бывают и худшие миры, чем этот.

— Или лучшие, — грубо оборвал его Эверард. — У них нет атомных бомб, но, ручаюсь, нет и пенициллина. А наше дело не строить из себя богов.

— Да, да, конечно.

И венерианин вздохнул.

День они провели беспокойно. Когда наступила ночь, в коридоре зажглись фонари, и надзиратель в военной форме отпер дверь их камеры. В полном молчании пленников повели к заднему выходу, где уже стояли два автомобиля: их усадили в один из них, и обе машины отъехали от тюрьмы.

Катувеллаунан не имел уличного освещения, особого движения по ночам тоже не было. Наверное, поэтому лежащий в темноте город выглядел нереально. Эверард обратил внимание на устройство автомобиля, как он и предполагал, с паровым двигателем, который работал на порошкообразном угле; колеса были на резиновых шинах. Машина имела обтекаемую форму, остроконечный радиатор украшало изображение змеи. Простой в обращении автомобиль был добротно сработан, но не очень интересен по конструкции. По-видимому, в этом мире постепенно освоили на практике необходимые технические приемы, во не знали никаких научных основ технологии и инженерного дела.

Они проехали по неуклюжему стальному мосту к Лонг-Айленду — в этом мире здесь тоже жили люди состоятельные. Несмотря на тусклый свет масляных фар, водитель не снижал скорости. Дважды они чуть было не врезались в другие машины: никаких дорожных знаков, конечно, не было, не было и водителей, которых волновала бы проблема безопасности движения. Характер государственного управления, уличное движение… Все это несколько напоминало Францию, если не считать, конечно, те редкие периоды, когда там приходил к власти какой-нибудь Генрих Наваррский или Шарль де Голль. И даже в собственном XX веке Эверарда Франция оставалась в большей мере кельтской. Он никогда не был поклонником многословных теорий о врожденных расовых качествах, и все же традиции, столь древние, что вошли в плоть народа, имели какое-то значение. Западный мир, где главную роль стали играть кельты, а народы германского происхождения сведены до положения небольших этнических групп… да, если вспомнить Ирландию его времени или племенные распри, фактически приведшие к поражению восстания галлов Верцингеторикса… но как насчет Литторна? Минутку, минутку! В период раннего средневековья его мира Литва была могущественным государством; она долго сдерживала немцев и поляков и даже не принимала христианства до пятнадцатого века! Если бы не соперничество немцев, литовское владычество легко могло бы распространиться на Восток…

Несмотря на политическую нестабильность кельтов, здешний мир состоял из больших государств, здесь было меньше

отдельных стран, чем в мире Эверарда. Это говорило о более древней цивилизации. Если западная цивилизация его мира родилась из умирающей Римской империи, примерно в 600 году нашей эры, кельты в мире, где они сейчас находились, должны были вытеснить римлян в более раннюю эпоху.

Эверард начинал понимать, что произошло с Римом, но пока оставил свои умозаключения при себе. Машины подъехали к широким, украшенным орнаментом воротам в длинной каменной стене. Шоферы что-то сказали двум вооруженным стражам, одетым в ливреи и тонкие стальные ошейники рабов. Через минуту машины уже мчались мимо лужаек и деревьев. В дальнем конце аллеи, почти у самого берега, стоял дом. Эверарду и Ван Сараваку жестами приказали выйти из машины и повели их к выходу.

Это было деревянное строение, не имевшее определенной архитектурной формы. В свете газовых ламп у подъезда можно было разобрать, что оно раскрашено яркими полосами разного цвета, а конек крыши и венцы бревен вырезаны в виде драконьих голов. Совсем близко слышался шум моря, и в свете луны на ущербе Эверард разглядел стоящее у берега судно, по-видимому, грузовое, с высокой трубой и носовым украшением.

Окна светились желтым светом. Раб-дворецкий провел их внутрь. На полу холла лежал пушистый ковер, стены были отделаны темными резными панелями. В конце холла находилась гостиная, уставленная мягкой мебелью. Стены украшали несколько картин весьма традиционного стиля, весело трещало пламя в огромном, сложенном из камня камине.

Саоранн ап Сиорн сидел в одном кресле, Дейрдра — в другом. Когда они вошли, она отложила книгу и поднялась с улыбкой на губах. Генерал курил сигарету и взглянул на них весьма сердито. Он прорычал несколько слов, и охрана исчезла. Дворецкий внес поднос с бутылками, и Дейрдра пригласила патрульных присесть.

Эверард отпил из своего бокала — это оказалось великолепное бургундское вино — и прямо спросил:

— Зачем мы здесь?

Дейрдра дразняще улыбнулась.

— Думаю, вам будет здесь приятнее, чем в тюрьме.

— Конечно. Кроме того, здесь гораздо красивее. Но я все-таки хочу знать. Нас освободили?

— Вас…

Она заколебалась, подыскивая подходящий дипломатичный ответ, но присущая ей искренность, по-видимому, взяла верх.

— Мы рады принимать вас здесь у себя, но вы не должны

покидать это поместье. Мы надеемся, что сумеем убедить вас помочь нам. Вы будете щедро вознаграждены.

— Помочь? Как?

— Научив наших мастеров и друидов делать такое же волшебное оружие и такие же волшебные повозки, как ваши.

Эверард вздохнул. Объяснять было бесполезно. В этом мире не было орудий, чтобы сделать орудия, необходимые для производства нужных им предметов, но как объяснить это людям, которые верят в колдовство?

— Это дом вашего дяди? — спросил Эверард.

— Нет, мой собственный, — ответила Дейрдра. — Я единственный ребенок. Мои родители были очень богаты и знатны. Они умерли в прошлом году.

Ап Сиорн выговорил несколько слов, будто отрубил их. Дейрдра перевела. Лицо ее стало озабоченным.

— История вашего прибытия известна уже всему Катувеллауиану, а значит, и иностранным шпионам тоже. Мы надеемся, что сможем вас здесь от них спрятать.

Эверард вспомнил, какие штуки в его собственном мире откалывали страны Оси и союзные державы в маленьких нейтральных странах вроде Португалии, и внутренне содрогнулся. Люди, доведенные до отчаяния приближающейся войной, очевидно, не будут столь гостеприимны, как афаллоняне.

— В чем заключается конфликт, о котором вы мне говорили? — спросил он.

— Речь, конечно, идет о контроле над Айсенийским океаном. В частности, над группой богатейших островов, которые мы называем Инис ир Лионнах.

Плавным движением Дейрдра поднялась с кресла и показала на глобусе Гавайи.

— Видите ли, — продолжала она тоном старательной ученицы, — как я уже говорила, Литторн и западные союзники (включая нас) истощили друг друга в войнах. Основные же могущественные державы сегодня — Хай Бразил и Хиндурадж. Они постоянно ссорятся, захватывают новые земли. В их ссору втягиваются и маленькие государства, потому что тут вопрос не только в престиже, но и в том, какая система лучше: монархия Хиндураджа или теократия солнцепоклонников Хай Бразил.

— Могу я спросить, какова ваша религия?

Дейрдра поморщилась. Вопрос явно показался ей ненужным.

— Более образованные люди считают, что существует Великий Баал, который создал всех меньших богов, — наконец ответила она. — Но, естественно, мы придерживаемся и древних культов и чтим также могущественных богов других стран,

например в Литторне — Перхунаса и Чернебога, в Симберлевде — Вотана, Аммона, Браму, Солнце… Лучше не испытывать их терпения.

— Понятно.

Ап Сиорн предложил им сигары и спички. Ван Саравак затянулся и сердито сказал:

— Черт, почему это история изменилась именно по такой линии, что я не знаю здесь ни одного языка?

Потом лицо его просветлело.

— Но мне легко даются языки, даже без гипноза. Я попрошу, чтобы Дейрдра взялась учить меня.

— И тебя и меня, — сразу же сказал Эверард. — Но послушай, Ван…

Он быстро пересказал ему содержание разговора.

— Гм-м…

Молодой человек потер подбородок.

— Хорошего мало, а? Конечно, если только они дадут нам добраться до скуттера, мы легко ускользнем. Почему бы не сделать вид, что мы согласны помочь?

— Не такие уж они дураки, — сказал Эверард. — Они могут верить в чудеса, но не в такое неограниченное бескорыстие.

— Странно, что при подобной отсталости в области интеллектуальной им известны двигатели внутреннего сгорания.

— Нет. Это как раз вполне понятно. Почему я и спросил их о религии. Она всегда была чисто языческой: даже иудаизм — и тот исчез, а буддизм не имеет большого влияния. Как доказал еще Уайтхэд, средневековые представления об едином всемогущем боге дали толчок науке, внушив понятие о существовании законов природы. А Льюис Мэмфорд добавил, что ранние монастыри были, вероятно, первыми изобретателями часового механизма. Это было очень нужное изобретение в связи с необходимостью собираться на молитву. В здешний мир часы пришли, кажется, значительно позже.

Эверард горько улыбнулся, скрывая за улыбкой грусть.

— Странно говорить об этом. Уайтхэда и Мэмфорда никогда не было. И все-таки…

— Подожди минуточку. — Эверард повернулся к Дейрдре: — Когда был открыт Афаллон?

— Белыми? В 4827 году.

— Гм… откуда вы ведете летоисчисление?

Дейрдра уже перестала обращать внимание на их невежество.

— С сотворения мира. По крайней мере, с той даты, которую называют в этой связи ученые. 5964 года назад.

Что соответствует знаменитой дате епископа Уошера: 4004

года до нашей эры. Возможно, это простое совпадение… но все-таки в этой цивилизации был определенный семитический элемент. Легенда о сотворении мира в Книге бытия тоже вавилонского происхождения.

— А когда пар (пнеума) стал впервые использоваться в двигателях ваших машин?

— Около тысячи лет назад. Великий друид Бороихм О'Фиона…

— Неважно.

Эверард курил сигарету и что-то обдумывал. Потом он повернулся к Ван Сараваку.

— Я начинаю понимать, что произошло, — сказал он. — Галлы всегда считались не более чем варварами. Но они многому научились у финикийских торговцев, греческих колонистов и этрусков в цизальпинской Галлии. Очень энергичный, предприимчивый народ. Римляне же были флегматичны и довольно далеки от интеллектуальных интересов. В нашей истории до средних веков, когда Римская империя была сметена варварами, уровень развития техники был чрезвычайно низок. В здешней истории римляне исчезли рано. Так же как и евреи, уверен в этом. На мой взгляд, произошло следующее: при отсутствии могущественного Рима с его теорией равновесия сил сирийцы подавили маккавеев, даже у нас чуть было не случилось то же самое. Иудаизм исчез, а следовательно, так и не возникло христианство. Но как бы то ни было, когда Рим прекратил свое существование, галлы стали господствующей силой. Они начали изучать окружающий мир, построили более совершенные корабли и в девятом веке открыли Америку. Но они не настолько превосходили индейцев, чтобы те не могли догнать их в развитии и даже создать собственные империи, как сейчас Хай Бразил. В одиннадцатом веке кельты начали мастерить паровые машины. У них, наверное, был и порох, может быть, из Китая, и некоторые другие изобретения. Но все эти достижения — результат проб и ошибок, без всякой научной основы.

Ван Саравак кивнул.

— Думаю, ты прав. Но что случилось с Римом?

— Не знаю, пока еще не знаю. Но ключевой момент, который мы ищем, находится именно там.

Он повернулся к Дейрдре.

— Сейчас я, вероятно, удивлю вас, — сказал он вкрадчиво. — Мои соотечественники уже побывали в вашем мире 2500 лет назад. Вот почему я говорю по-гречески, но мне неизвестно, что у вас произошло с тех пор. Как я понял, вы занимаетесь наукой и много знаете, и мне хотелось бы услышать именно от вас историю

вашего мира.

Она покраснела и опустила свои длинные темные ресницы, столь необычные у рыжеволосых.

— Буду рада помочь вам всем, чем могу. А вы, — воскликнула она с мольбой, — вы поможете нам?

— Не знаю, — с трудом проговорил Эверард. — Я бы хотел помочь, но не знаю, сможем ли мы…

— ПОТОМУ ЧТО МОЙ ДОЛГ — УНИЧТОЖИТЬ ВАС И ВЕСЬ ВАШ МИР. НАВСЕГДА.

5

Когда Эверарда проводили в его комнату, он обнаружил, что здешнее гостеприимство действительно не знает границ. Сам он был слишком усталым и подавленным, чтобы воспользоваться им… но, подумал он, засыпая, по крайней мере, рабыня, которая ждала Вана, не будет разочарована.

Вставали здесь рано. Из своего окна Эверард видел стражников, шагающих взад и вперед по берегу, но это никак не повлияло на прелесть свежего утра. Вместе с Ван Сараваком он сошел вниз к завтраку, состоявшему из бекона, яиц, тостов и крепкого кофе — о чем еще можно было мечтать! Дейрдра сообщила, что ап Сиорн уехал обратно в город на совещание: она, казалось, забыла свои огорчения и весело болтала о пустяках. Эверард узнал, что она играет в любительском драматическом театре, который иногда ставит классические греческие пьесы в оригинале, и поэтому так бегло говорит по-гречески, любит ездить верхом, охотиться, ходить под парусом, плавать…

— Как вы насчет этого? — спросила она.

— Насчет чего?

— Поплавать в море.

Дейрдра вскочила с кресла, стоявшего на лужайке, где они беседовали под багряными кронами осенних деревьев. Она совершенно непринужденно принялась скидывать с себя одежду. Эверарду показалось, что он услышал стук отвалившейся челюсти Ван Саравака.

— Пошли! — засмеялась она. — Кто нырнет последним, тот бриттисский дохляк!

Она уже плескалась в седом прибое, когда к морю дрожа подошли Эверард с Ван Сараваком. Венерианин застонал.

— Я с жаркой планеты. Мои предки были индонезийцами.

Экватор. Тропические пташки.

— В твоем роду были и голландцы, — ухмыльнулся Эверард.

— У них достало ума перебраться в Индонезию.

— Ну что ж, тогда оставайся на берегу.

— Вот еще! Если может она, могу и я.

Ван Саравак попробовал воду ногой и снова застонал.

Эверард собрал все свое мужество, вспомнил все, чему его учили, и вбежал в море. Дейрдра брызнула на него водой. Он глубоко нырнул, схватился за стройную ногу и потянул ее вниз. Они дурачились в воде несколько минут, затем выскочили на берег и побежали в дом под горячий душ. Ван Саравак горестно плелся сзади.

— Танталовы муки, — жаловался он. — Самая красивая девушка в этом мире, а я не могу поговорить с нею, да она еще к тому же — наполовину белый медведь.

Растертый полотенцем и одетый рабами в местную одежду, Эверард прошел в гостиную к пылающему очагу.

— Что это за расцветка? — спросил он, указывая на свою шотландскую юбку в клетку.

Дейрдра подняла рыжую головку.

— Это цвета моего клана. Почетный гость у нас всегда считается принадлежащим к клану хозяина дома, даже если он кровный его враг. А мы не враги, Мэнслах.

Эти слова опять повергли его в дурное настроение. Он вспомнил, какая перед ним цель.

— Мне бы хотелось узнать побольше о вашей истории, — сказал он. — Я всегда интересовался этим предметом.

Она кивнула, поправила золотую пряжку в волосах и сняла с тесно уставленной полки одну из книг,

— На мой взгляд, это самая лучшая книга по истории мира. В ней я смогу найти все детали и подробности, которые вас заинтересуют.

И ЗАОДНО РАССКАЖЕШЬ МНЕ, КАК ЛУЧШЕ РАЗРУШИТЬ ВАШ МИР.

Эверард уселся рядом с ней на диван. Дворецкий вкатил столик с едой. Эверард ел машинально, не чувствуя вкуса.

— Скажите, — спросил он наконец, желая проверить свое предположение. — Рим и Карфаген воевали друг с другом?

— Да. Два раза. Сначала они были союзниками против Эпира. Римляне выиграли первую войну и попытались ограничить действия Карфагена.

Девушка склонилась над книгой, и, глядя на ее тонкий профиль, Эверард подумал, что она напоминает прилежную школьницу.

— Вторая война разразилась через двадцать три года и продолжалась… гм… одиннадцать лет, хотя последние три года войны по существу не было, просто добивали противника — Ганнибал уже взял и сжег Рим.

Ага! Почему-то этот успех Ганнибала не вызвал у Эверарда прилива радости. Вторая Пуническая война (здесь ее называли римской) или, вернее, какой-то ключевой эпизод этой войны и был тем поворотным пунктом, в результате которого изменилась история. Но частью из любопытства, частью из суеверия Эверард не стал сразу выяснять, какой именно это был эпизод.

Сначала в его мозгу должно было уложиться все, что произошло (нет… то, чего не произошло. Реальность — вот она, теплая, живая рядом с ним; сам же он — бесплотный призрак).

— Что же было дальше? — бесстрастно произнес он.

— Карфагенская империя захватила Испанию, Южную Галлию и кончик Итальянского сапога, — сказала она. После того как римская конфедерация распалась, остальная часть Италии оказалась совершенно бессильной, там царил хаос. Но правительство Карфагена было слишком продажно и поэтому не могло управлять империей. Сам Ганнибал был убит людьми, считавшими, что его честность стоит им поперек дороги. Тем временем Сирия и Парфиа воевали за восточное побережье Средиземного моря. Парфиа победила и попала под еще более сильное греческое влияние, чем когда-либо прежде. Примерно через сто лет после римских войн Италию захватили германские племена. (По всей видимости, кимвры с тевтонами и амбронами, которые были их союзниками. В мире Эверарда их остановил Марий.) Их разрушительные походы через Галлию заставили переселиться кельтов. В основном по мере упадка Карфагенской империи они мигрировали в Испанию и Северную Африку. А от карфагенян галлы научились многому. Последовал долгий период войн, в течение которого Парфиа уступала свои территории, а государства кельтов росли. Гунны разбили германцев в Средней Европе, но в свою очередь были побеждены Парфией, на завоеванные пространства вошли галлы, и германцы остались только в Италии и Гипербореях (по всей видимости, на Скандинавском полуострове). На верфях стали закладывать большие корабли, в результате росла торговля между Дальним Востоком и Аравией, а также непосредственно с Африкой, которую корабли огибали, направляясь на Восток. (В истории Эверарда Юлий Цезарь был изумлен, когда увидел, что венеты строят самые лучшие корабли во всем Средиземноморье). Кельты открыли Северный Афаллон, думая, что это остров, — отсюда название «инис», но они были изгнаны оттуда индейцами майя.

Бриттисские колонии дальше на север уцелели и впоследствии завоевали независимость. Тем временем набирал силу Литторн. Был период, когда это государство завоевало большую часть Европы. Только западная ее часть возвратила себе независимость в результате мирного договора после столетней войны, о которой я уже говорила. Азиатские страны сбросили иго своих истощенных войной европейских завоевателей и быстро развивались, а западные государства, наоборот, приходили в упадок.

Дейрдра подняла голову от книги, которую перелистывала, ведя свой рассказ.

— Но все это — только самые основные факты нашей истории, Мэнслах. Продолжать?

Эверард покачал головой.

— Нет, спасибо.

После минутной паузы он сказал:

— Вы очень честно рассказываете о положении в своей стране.

— Большинство из нас не хочет признавать этого, но я предпочитаю смотреть правде в глаза, — резко сказала Дейрдра.

Она тут же добавила с живым интересом:

— Но расскажите мне о вашем мире. В это чудо трудно поверить.

Эверард вздохнул, плюнул на свою совесть и принялся врать…

***

Нападение произошло после обеда.

Ван Саравак наконец-то воспрял духом и прилежно занимался с Дейрдрой изучением афаллонского языка. Они ходили по саду, взявшись за руки, и называли различные предметы; затем, чтобы освоить и глаголы, производили всевозможные действия. Эверард плелся за ними, мимолетно думая о том, что, пожалуй, он — третий лишний, и главным образом пытаясь сообразить, как добраться до скуттера

На безоблачном бледном небе сверкало ясное солнце. Алым пламенем полыхал клен, по траве катились гонимые ветром желтые листья. Пожилой раб неторопливо убирал двор граблями. Молодой стражник-индеец стоял в ленивой позе с ружьем на плече. Два волкодава дремали у ограды. Картина была настолько

мирной, что с трудом верилось, что за этими стенами люди готовились убивать друг друга.

Но люди остаются людьми в истории любого мира. Возможно, в здешнем мире они не обладают безжалостной и утонченной жестокостью западных цивилизаций; можно даже сказать, что они кажутся до странности неиспорченными. Но это не от недостатка старания. И в этом мире наука может никогда не достигнуть развития, и люди могут бесконечно повторять один и тот же цикл: война, рождение империи, ее гибель и снова война. В будущем Эверарда человечество наконец отошло от всего этого.

Для чего? Честно говоря, он не мог утверждать, что этот континуум хуже или лучше его собственного. Он был иным — вот и все. И разве этот народ не имеет такого же права на существование, как… как и его собственный, которого, как окажется, вовсе и не было на земле, если им не удастся сделать то, что они с Сараваком сделать должны?

Он до боли сжал кулаки. Слишком многое поставлено на карту. Не дело одного человека брать на себя подобные решения.

Если решать придется ему, не абстрактное чувство долга заставит его поступить так или иначе, а воспоминание о мелочах жизни и простых людях того мира, где он жил сам.

Они обошли дом, и Дейрдра указала на море.

— Аварланн, — сказала она. Ее свободно распущенные огненные волосы развевались по ветру.

— Что это значит? — рассмеялся Ван Саравак. — Океан, Атлантический, или просто вода? Пойдем посмотрим. — Он потянул ее к берегу. Эверард последовал за ними.

По волнам, милях в двух от берега, шел какой-то пароходик — длинный и быстроходный. За ним, хлопая крыльями, летела туча белых чаек. Эверард подумал, что если бы охрана дома была поручена ему, он обязательно бы держал на море военный корабль.

Разве именно он должен принимать решение? В доримское время были и другие агенты Патруля. Они могут вернуться в свои эпохи, увидеть, что случилось, и…

Эверард замер на месте. Озноб пробежал по его спине, он весь похолодел.

… Они вернутся, увидят, что случилось, и постараются исправить ошибку. Если у кого-нибудь из них это получится, здешний мир исчезнет в мгновение ока из пространства-времени, и он вместе с ним.

Дейрдра остановилась. Эверард, весь в поту, едва понял, на что она так пристально смотрит. Затем Дейрдра закричала и указала вперед рукой. Эверард посмотрел вслед за ней на море.

Пароходик стоял уже совсем близко от берега, из его высокой трубы шел дым и летели искры, на носу сверкало украшение — позолоченная змея. Эверард разглядел на борту людей и что-то белое с крыльями. Оно поднялось с кормы и начало набирать высоту. Планер! Кельтская аэронавтика достигла уже такого уровня.

— Красиво, — сказал Ван Саравак. — Воздушные шары у них, наверное, тоже есть.

Планер отбросил веревку, соединявшую его с кораблем, и направился к берегу. Один из стражников закричал. Остальные выбежали из-за дома. Солнце блестело на их ружьях. Корабль шел прямо к берегу. Планер приземлился, пропахав полосу в песке.

Офицер закричал и замахал патрульным, призывая их назад. Эверард краем глаза увидел бледное озадаченное лицо Дейрдры. Затем на планере повернулась турель, вспыхнул огонь и раздался грохот выстрела легкой пушки. Эверард автоматически отметил про себя, что турель поворачивается вручную, и упал на живот. Ван Саравак последовал его примеру и потащил за собой Дейрдру. Шрапнель проложила дорожки среди афаллонских солдат. Из планера выскочили люди с темными лицами в чалмах и саронгах. «Хиндурадж», — подумал Эверард. Они на ходу стреляли в уцелевших стражников, окруживших своего начальника.

Тот громко отдал какой-то приказ и вместе со своими людьми кинулся вперед. Эверард чуть поднял голову и увидел, что афаллонцы атакуют команду планера. Ван Саравак вскочил на ноги. Эверард, ловко повернувшись, ухватил его за ногу и снова заставил лечь, прежде чем Ван Саравак успел ввязаться в бой.

— Пусти меня! — крикнул венерианин.

По всему пляжу, как в кровавом кошмаре, валялись убитые и раненые. Шум сражения, казалось, доносился до самого неба.

— Лежи ты, кретин! Неужели ты не понимаешь, что им нужны именно мы… И так этот безумный ирландец, их командир, сделал ужасную глупость… хуже некуда.

Внимание Эверарда отвлек новый взрыв. Корабль подошел к самому берегу и выплевывал вооруженных солдат. Слишком поздно афаллонцы поняли, что они истратили все патроны и теперь их атакуют с тыла.

— Скорей!

Эверард вскочил и рывком поднял Дейрдру и Ван Саравака на ноги.

— Нам надо уходить отсюда, может, к кому-нибудь поблизости…

Десант с корабля увидел его и развернулся… Он скорее почувствовал, чем услышал, подбегая к лужайке, как в песок позади него с чавканьем вошла пуля. Из дома доносились истерические крики рабов. Два волкодава бросились на непрошенных гостей и были тут же застрелены.

Сначала — ползком, потом зигзагами, через стену и на дорогу! У Эверарда это получилось бы, но Дейрдра споткнулась и упала. Ван Саравак остановился, чтобы помочь ей. Эверард тоже остановился, и это стоило им свободы. Их окружили.

Предводитель темнокожих что-то крикнул Дейрдре. Она села на землю и дерзко ответила ему. Он коротко рассмеялся и указал большим пальцем на пароход у себя за спиной.

— Что им надо? — по-гречески спросил Эверард.

— Вас. — Она с ужасом посмотрела на него. — Вас обоих.

Офицер опять что-то сказал.

— И меня как переводчицу… Нет!

Она вырывалась из рук схватившего ее солдата, высвободила одну руку и вцепилась ему в лицо. Кулак Эверарда описал дугу и разбил чью-то челюсть. Но долго это продолжаться не могло. На его голову опустился приклад ружья, и он смутно ощутил, как его волокут ногами по песку на пароход.

6

Команда бросила планер на берегу, перенесла своих убитых и раненых на корабль, и он, набирая скорость, стал удаляться в море.

Эверард сидел в кресле на палубе и смотрел на удаляющийся берег. В голове у него постепенно прояснялось. Дейрдра плакала на плече Ван Саравака, и венерианин пытался ее успокоить. Холодный ветер с шумом швырял брызги пены им в лицо.

Когда из рубки вышли двое белых, Эверарда сразу же покинуло охватившее его оцепенение. Нет, они все-таки не азиаты! Европейцы. И сейчас, приглядевшись к команде, он заметил, что у всех лица европейского типа. Смуглая кожа — это просто-напросто грим.

Он встал и осторожно оглядел своих новых хозяев. Один из них — довольно представительного вида человек средних лет, не очень высокий, в красной шелковой рубахе, мешковатых белых штанах и в похожей на каракулевую шапке, был чисто выбрит, его темные волосы были заплетены в косу. Другой казался несколько

моложе: косматый светловолосый гигант в мундире с нашитыми медными колечками, в штанах с гамашами, кожаном плаще и явно декоративном шлеме с рогами. У обоих к поясу были пристегнуты револьверы. Судя по отношению команды, они были здесь старшими.

— Какого черта!

Эверард еще раз огляделся. Земля уже исчезла из виду, и корабль поворачивал к северу. Мотор работал на полную мощность, корпус парохода дрожал, и когда нос зарывался в волны, брызги долетали до палубы.

Сначала старший из двоих заговорил на афаллонском. Эверард пожал плечами. Затем попытку объясниться сделал бородатый северянин сначала на совершенно незнакомом Эверарду диалекте, но потом:

— Tealen thu Cimbric?

— Кимврийский? — Эверард, который знал несколько германских языков, решил попытаться вступить в разговор, а Ван Саравак навострил свои голландские уши. Дейрдра прижалась к нему, глядя широко открытыми глазами, потрясенная случившимся.

— Ja, — сказал Эверард, — ein venig.

Когда золотоволосый взглянул на него неуверенно, он повторил по-английски:

— Немного.

— Ax, aen litt, Gode!

Гигант потер руки и назвал себя и своего спутника.

— Ik hait Боерик Вульфилассон ok main gefreond heer erran Болеслав Арконски.

Такого языка Эверард никогда в жизни не слыхал — это не мог быть даже чисто кимврийский, ведь прошло столько веков, — но собеседника своего он понимал сравнительно легко.

Труднее было говорить. Эверард не мог себе представить, как именно развился первоначальный язык.

— Что, черт побери, arran thu задумал? — угрожающе спросил он. — Ik bin человек auf Sirius, со звезды Сириус, mit planeten и всякое такое. Отпустите uns gebach или willen вы чертовски, der Teufel? дорого заплатите.

Боерик Вульфилассон выглядел огорченным. Он предложил продолжить разговор у него в каюте с Дейрдрой как переводчицей. Их провели в рубку, где оказался небольшой, но комфортабельный салон, дверь осталась открытой, перед ней стоял часовой. Еще несколько вооруженных людей находились поблизости.

Болеслав Арконски сказал что-то Дейрдре на афаллонском.

Она кивнула, и он налил ей стакан вина. Она выпила и как-то немного успокоилась, но голос ее звучал слабо.

— Мы попали в плен, Мэнслах. Их шпионы узнали, где вы находитесь. Другая группа должна украсть вашу машину. Где она, они тоже знают.

— Так я и думал, — сказал Эверард. — Но кто они, во имя Баала?

Боерик грубо расхохотался в ответ и долго хвалился своей хитроумной выдумкой. Его план заключался в том, чтобы правители Афаллона подумали, будто нападение совершили хиндураджцы. В действительности же секретное сотрудничество между Литторном и Симберлендом помогло им создать прекрасную шпионскую сеть, и сейчас они направлялись в летнюю резиденцию посольства Литторна на Инис Лланголен (то есть в Нантакет), где волшебников настоятельно попросят растолковать смысл своего колдовства, а для великих держав приготовят хорошенький сюрприз.

— А если мы этого не сделаем?

Дейрдра перевела ответ Арконски дословно.

— Я сожалею о последствиях. Мы — цивилизованный народ и хорошо заплатим за помощь и почетом и золотом, если вы ее нам окажете добровольно. Но в случае отказа мы можем и заставить вас. На карту поставлено существование наших государств.

Эверард внимательно поглядел на них.

Боерик выглядел смущенным и неуверенным, от его бравады не осталось и следа. Болеслав Арконски выстукивал по столу пальцами дробь, губы его были сжаты, а глаза, казалось, говорили: не заставляйте нас поступать так. Ведь и у нас есть совесть.

Они, наверное, были хорошими мужьями и отцами, любили пропустить иногда по кружке пива и сыграть с друзьями в кости. Может быть, Боерик разводил породистых лошадей в Италии, а Арконски выращивал розы на берегах Балтики. Но все это никак не могло помочь пленникам в тот момент, когда одно всемогущее государство сцепится с другим.

Эверард задумался, отдавая должное тому, с каким искусством была проведена операция по захвату их в плен. Потом прикинул, что делать дальше. Пароход шел быстро, но, насколько патрульный помнил путь до Нантакета, плыть им оставалось еще часов двадцать. А значит, по крайней мере, двадцать часов в их распоряжении было.

— Мы устали, — сказал он по-английски. — Можем мы немного отдохнуть?

— Да, конечно, — с неуклюжей вежливостью сказал

Боерик. — Ok wir skallen gode gefreonds bin, ni? — ведь мы будем добрыми друзьями?

На западе тлел закат. Дейрдра и Ван Саравак стояли на палубе, глядя на серый морской простор. Трое матросов, уже снявшие свои маскарадные костюмы и грим, стояли на корме с оружием наготове. Рулевой вел корабль по компасу. Боерик и Эверард прохаживались по палубе. Все были в теплых куртках, защищающих от резкого ветра. Эверард делал успехи в кимврийском — язык еще с трудом ему повиновался, но собеседник мог понять, что он говорит. Впрочем, он больше старался слушать Боерика.

— Так вы со звезд? Этого я не понимаю. Я просто человек. Будь моя воля, я уехал бы к себе в Тоскану, занимался бы там своим поместьем, а мир пусть сходит с ума, как хочет. Но у каждого из нас, граждан, есть свои обязанности перед государством.

По-видимому, тевтоны полностью вытеснили латинян из Италии, как в мире Эверарда — англы бриттов.

— Я вас понимаю, — сказал Эверард. — Странно, что так много людей воюет, когда только немногие хотят воевать.

— О, это необходимо. И, — почти жалобно, — ведь Картагаланн захватил Египет, наше законное владение.

— Времена повторяются, — прошептал Эверард.

— А?

— Нет, нет, ничего. Значит вы, кимврийцы, заключили союз с Литторном и надеетесь захватить Европу и Африку, пока большие и могущественные государства дерутся на Востоке.

— Вовсе нет! — с возмущением возразил Боерик. — Мы просто восстанавливаем свои законные исторические территориальные права. Сам король сказал…

И так далее, и тому подобное.

Эверард старался удержаться на ногах: корабль качало.

— Мне кажется, что вы обращаетесь с нами, волшебниками, довольно неучтиво, — сказал он. — Смотрите, как бы мы по-настоящему не рассердились.

— О, ведь нас с детства защищают особыми заклинаниями от колдовства.

— Ах так…

— Я бы очень хотел, чтобы вы помогли нам добровольно. Буду рад убедить вас в справедливости нашего дела, если вы готовы посвятить мне несколько часов.

Эверард покачал головой, отошел от борта и остановился рядом с Дейрдрой. Лицо девушки было едва различимо в

сгущающихся сумерках, но в голосе ее ему послышалась ярость отчаяния.

— Я надеюсь, Мэнслах, вы сказали ему, куда он может идти вместе со своими планами!

— Нет, — твердо ответил Эверард, — мы собираемся помочь им.

Она вздрогнула, как от удара.

— Что ты сказал, Мэнс? — спросил Ван Саравак.

Эверард перевел.

— Нет! — воскликнул венерианин.

— Да! — сказал Эверард.

— Бог ты мой, нет! Я…

Эверард схватил его за руку и холодно сказал:

— Успокойся. Я знаю, что делаю. Мы не можем принимать ничью сторону в этом мире — мы против всех, и чем скорее ты это поймешь, тем лучше. Единственное, что нужно сейчас, это некоторое время делать вид, что мы — с ними. И не вздумай сказать это Дейрдре.

Ван Саравак склонил голову и задумался.

— Ладно, — угрюмо согласился он.

7

Летний курорт Литторна находился на южном берегу Нантакета, рядом с рыбацкой деревушкой, но был отгорожен от нее стеной. Архитектура посольства была того же стиля, что и здания в самом Литторне, — длинные бревенчатые дома с крышами, выгнутыми, как спина рассерженной кошки. Главное здание и его флигели окружали выложенный плитами двор.

Пока корабль подходил к частному пирсу, Эверард, стоя на палубе, успел позавтракать под гневным взглядом Дейрдры, отнюдь не улучшившим его аппетит.

Другой, большего размера, корабль уже стоял у пирса, кругом толпилось множество людей весьма сурового вида.

Арконски возбужденно сказал на афаллонском:

— Видите, вашу волшебную машину уже привезли. Вы сможете сразу же нам все показать.

Когда Боерик перевел эти слова, сердце Эверарда забилось сильнее.

Гости, как их настойчиво называли кимврийцы, были проведены в огромную комнату, где Арконски преклонил колено

перед идолом с четырьмя лицами, тем самым Свантевитом, которого датчане в истории другого мира изрубили на дрова. В камине горел огонь, вокруг стен стояла вооруженная охрана, но Эверард ни на что не обращал внимания: его глаза были прикованы к скуттеру, поблескивающему на полу.

— Я слышал, что нашим пришлось здорово подраться, чтобы заполучить эту штуку в Катувеллаунане, — обронил Боерик. — Многие были убиты, но остальным удалось уйти от погони.

Он опасливо дотронулся до рукоятки скуттера.

— И эта повозка действительно может появиться в любом месте по желанию седока прямо из воздуха?

— Да, — сказал Эверард.

Дейрдра взглянула на него с таким презрением, какого он до сих пор не встречал. Она с высокомерным видом стояла в стороне, стараясь держаться как можно дальше от него и Ван Саравака.

Арконски заговорил с ней. Потом потребовал, чтобы она перевела. Девушка плюнула ему под ноги.

Боерик вздохнул и сказал Эверарду:

— Мы хотим, чтобы вы продемонстрировали нам эту машину. Мы вместе поднимемся на ней. Предупреждаю, что приставлю револьвер к вашей спине. Вы будете говорить мне заранее, что собираетесь делать, и если что-нибудь окажется не так, я выстрелю. Ваши друзья останутся здесь заложниками и тоже будут застрелены при первом подозрении. Но я уверен, — поспешно добавил он, — что все мы останемся добрыми друзьями.

Эверард кивнул. Нервы его были напряжены до предела, ладони взмокли от холодного пота.

— Но раньше я должен прочесть заклинание, — сказал он. Глаза его блеснули. Сначала он бросил взгляд на пространственно-временные счетчики приборов. Затем посмотрел на Ван Саравака, сидящего под дулами пистолета Арконски и ружей стражников. Дейрдра находилась на той же скамейке, хотя постаралась отодвинуться от патрульного как можно дальше. Эверард прикинул примерное расстояние от скуттера до скамейки, воздел руки к небу и нараспев заговорил на темпоральном:

— Ван, я попытаюсь тебя вытащить отсюда. Не двигайся с места ни на миллиметр, повторяю, ни на миллиметр; Мне придется подхватить тебя на лету. Если все пойдет, как задумано, я вернусь за тобой примерно через минуту после того, как мы испаримся с нашим волосатым другом.

Венерианин сидел с абсолютно бесстрастным лицом, но на

лбу его выступили мелкие бисеринки пота.

— Очень хорошо, — сказал Эверард на своем ломаном кимврийском. — Садись сзади, Боерик, и мы погоним мою волшебную лошадку вперед.

Светловолосый гигант кивнул и повиновался. Когда Эверард устраивался на переднем сиденье, он почувствовал, как в спину ему уперлось дрожащее дуло пистолета.

— Скажи, Арконски, что мы вернемся через полчаса, — бросил он через плечо.

Время в этом мире исчислялось примерно так же, как в его собственном, и там и тут заимствованное у вавилонян.

Когда Боерик перевел, Эверард продолжал:

— Прежде всего мы возникнем из воздуха прямо над океаном и зависнем там.

— Х-х-хорошо, — выдохнул Боерик. Голос его звучал нетвердо.

Эверард настроил программатор пространства на десять миль к востоку и на тысячу футов высоты, потом включил главный тумблер.

Они сидели, как ведьмы на помеле, глядя вниз на сине-зеленый простор волн и на дымку, которая была далекой землей. Сильный ветер дул им в лицо, и Эверард покрепче сжал седло коленями.

— Ну? — спросил он. — Как тебе нравится?

— Это… чудесно!

По мере того как он свыкался с обстановкой, Боерика охватывал все больший энтузиазм.

— Наши воздушные шары перед этим — ничто. С такими машинами мы взлетим в небо над вражескими городами и сметем их огнем с лица земли.

После этих слов Эверарду стало как-то легче при мысли о том, что ему предстояло сделать.

— Сейчас мы полетим вперед — и скуттер будет скользить по воздуху.

Боерик восхищенно крякнул.

— А сейчас мы спрыгнем сразу вниз, на землю твоей родины.

Эверард включил тумблер маневрирования. Скуттер на бешеной скорости сделал мертвую петлю и вышел из нее в пике. Зная, что произойдет, Эверард еле удержался в седле. Он так и не понял, когда именно выпал Боерик; только краем глаза успел он заметить человека, камнем летящего сквозь пространство в море, и пожалел, что увидел это.

Затем патрульный позволил себе недолгий отдых, зависнув у самой поверхности воды. Сначала его пробрала дрожь: успей

Боерик выстрелить… Потом он почувствовал угрызения совести. Отогнав от себя ненужные мысли, он сосредоточился на проблеме спасения Ван Саравака, поставил верньеры пространства на один фут от скамейки, где находились пленники, настроил время на одна минута после того, как они с Боериком отбыли. Правая его рука лежала на панели управления, ему предстояло действовать быстро, — а левую он оставил свободной.

Держите шапки, ребята! Поехали!

Машина возникла из воздуха, прямо перед Ван Сараваком. Эверард схватил венерианина за рубашку, притянул его к себе, внутрь пространственно-временного силового поля, в то время как правая его рука, проделав все необходимые переключения, уже нажимала главный тумблер.

От металлической поверхности скуттера отскочила пуля. Эверард успел увидеть что-то бешено кричащего Арконски. А затем — все исчезло, и они оказались на травянистом холме, спускавшемся к морю две тысячи лет назад.

Нервное напряжение взяло свое: Эверард, весь дрожа, упал головой на панель управления.

В чувство его привел крик. Он обернулся, чтобы посмотреть на Ван Саравака, распростертого на склоне холма.

Одна рука венерианина все еще обнимала талию Дейрдры.

Ветер стих, море набегало на берег широкой пенистой волной, по небу плыли высокие облака.

— Не могу сказать, что осуждаю тебя, Ван. — Эверард ходил взад и вперед возле скуттера, глядя в землю. — Но это безусловно усложняет наше положение.

— Что мне оставалось делать? — спросил венерианин с болью в голосе. — Оставить ее на растерзание негодяям или дать ей исчезнуть из жизни вместе со всем ее миром?

— Вспомни, как действует психовнушение, которому нас подвергли в Академии. Без разрешения мы не можем сказать ей правду, даже если и захотим. А я к тому же еще и не хочу.

Эверард взглянул на девушку. Она стояла, тяжело дыша, но в глазах ее светилась радость. Ветер трепал ее волосы и длинное тонкое платье.

Она тряхнула головой, как бы пытаясь освободиться от кошмара, подбежала к патрульным и схватила их за руки.

— Прости меня, Мэнслах, — выдохнула она. — Я должна была догадаться, что ты не продашь нас.

Она поцеловала их обоих. Ван Саравак, как и следовало ожидать, с готовностью ответил, но Эверарду не удалось себя пересилить. Он вспомнил об Иуде.

— Где мы? — продолжала она. — Похоже на Лланголен, но

нет жителей. Или вы привезли меня на Счастливые острова?

Она подпрыгнула на одной ноге и принялась танцевать среди цветов.

— А можно нам отдохнуть здесь немного, прежде чем мы вернемся домой?

Эверард тяжело вздохнул.

— Боюсь, что у меня для вас дурные вести, Дейрдра, — сказал он.

Она замолчала. Он увидел, как она вся сжалась.

— Мы не можем вернуться. Это… заклинания, которые мне пришлось использовать, чтобы спасти нашу жизнь. У меня не было выбора. Но теперь из-за них мы не можем вернуться домой.

— И никакой надежды? — Он едва расслышал ее слабый голос.

— Нет, — сказал он, чувствуя резь в глазах.

Она повернулась и медленно пошла прочь.

Ван Саравак мотнулся было следом, но остановился и сел рядом с Эверардом.

— Что ты сказал ей?

Эверард повторил.

— По-моему, это самый лучший компромисс, — сказал он. — Я не могу отослать ее обратно, в тот мир, который скоро перестанет существовать.

— Ты прав.

Ван Саравак некоторое время сидел молча, глядя на море. Потом спросил:

— Какой сейчас год? Примерно время Христа? Тогда мы все еще находимся позже ключевого момента.

— Да. И нам все еще предстоит выяснить, когда он был и в чем заключался.

— Надо обратиться в отделение Патруля в более ранние века. Там мы сможем получить необходимую помощь.

— Может быть.

Эверард улегся на траву и стал глядеть в небо, буквально раздавленный физической усталостью после всего, что им довелось пережить.

— Хотя я думаю, что ключевой момент мне удастся установить прямо здесь, с помощью Дейрдры. Разбуди меня, когда она вернется.

Она вернулась с сухими глазами, хотя по лицу ее было заметно, что она плакала. Когда Эверард спросил, поможет ли она ему в его деле, Дейрдра кивнула.

— Конечно. Моя жизнь принадлежит тем, кто спас ее.

ПОСЛЕ ТОГО КАК МЫ САМИ ВТЯНУЛИ ТЕБЯ В ЭТУ

ИСТОРИЮ.

Эверард осторожно сказал:

— Я просто хочу узнать от вас кое-какие сведения. Слышали ли вы о… о том, что можно человека усыпить и во сне он будет делать все, что ему говорят?

Она неуверенно кивнула.

— Я видела, как это делали медики-друиды.

— Это не причинит вам вреда. Я только хочу, чтобы вы заснули и могли вспомнить во сне все, что когда-либо знали, даже если вам кажется, что вы это забыли. Это не займет много времени.

Она была так доверчива, что ему стало совестно… Применяя методы, изученные в Патруле, он погрузил ее в гипнотическое состояние полного раскрытия памяти и выудил из ее мозга все, что она когда-либо читала или слышала о Второй Пунической войне. Этого оказалось вполне достаточно для его целей.

В 219 году до нашей эры Ганнибал Барка, правитель карфагенской Испании, осадил Сагунт. После восьми месяцев осады он захватил его, и это вызвало задолго до того задуманную им войну с Римом. В начале мая 218 года он пересек Пиренеи с армией в 90 000 пехотинцев, 12 000 конников и 37 слонами, прошел Галлию и перевалил через Альпы. Потери его в пути были огромны: к концу года к Италии подошло только 20 000 пехотинцев и 6000 конных воинов. Тем не менее, около реки Тицин он встретил и разгромил превосходящие силы противника. В течение следующего года он дал римлянам еще несколько кровопролитных, но победоносных сражений и вошел в Апулию и Кампанью.

Апулийцы, луканы, бруттии и самниты перешли на его сторону. Квинт Фабий Максим повел ожесточенную партизанскую войну, которая разорила Италию, но так ничего и не решила. Тем временем Газдрубал Барка спешно собирал в Испании новое войско и в 211 году прибыл с подкреплениями. В 210 году Ганнибал захватил и сжег Рим, а к 207 году последние города конфедерации были вынуждены сдаться ему.

— Вот оно, — сказал Эверард и погладил медноволосую головку девушки, лежавшей перед ним. — Теперь усни, спи спокойно и проснись с радостью в сердце.

— Что она тебе рассказала? — спросил Ван Саравак.

— Множество подробностей, — ответил Эверард. — Весь рассказ занял более часа. Важно одно: она прекрасно знает историю тех времен, но ни разу не упомянула о Сципионах.

— О ком?

— Публий Корнелий Сципион командовал римской армией

при Тицине. В нашем мире его тоже постигла неудача — он проиграл сражение. Но позже у него хватило ума повернуть на запад и постепенно разрушить базу Карфагена в Испании. Кончилось тем, что Ганнибал оказался полностью отрезанным от своих баз в Италии, а те небольшие подкрепления, которые ему могли послать иберийцы, уничтожались в пути. Сын Сципиона, носивший такое же имя, тоже занимал высокий пост и был тем самым человеком, который окончательно разгромил войска Ганнибала при Заме — это Сципион Африканский. Отец и сын были лучшими полководцами, которых когда-либо знал Рим. Но Дейрдра никогда о них не слышала.

— Итак…

Ван Саравак опять стал смотреть на восток через море, туда, где галлы, кимвры и парфяне опустошали античный мир.

— Что произошло с ними в здешнем времени?

— Насколько я помню, оба Сципиона в нашем мире участвовали в сражении при Тицине и чудом избежали смерти. Во время отступления, скорее бегства, сын спас жизнь отцу. Совершенно очевидно, что в здешней истории оба Сципиона погибли.

— Кто-то должен был их убить, — сказал Ван Саравак. В его голосе зазвучали металлические нотки.

— Какой-нибудь путешественник во времени. Все другое отпадает.

— Что ж, во всяком случае, это вероятно. Посмотрим.

Эверард отвел взгляд от лица спящей Дейрдры.

— Посмотрим.

8

На курорте в плейстоценовом периоде — они вернулись обратно через полчаса после того, как вылетели отсюда, — патрульные сдали девушку на попечение пожилой доброжелательной экономке, говорившей по-гречески, и собрали своих коллег. Затем сквозь пространство-время полетели хронокапсулы с сообщениями и запросами.

Отделения до 218 года — ближайшее находилось в Александрии в периоде с 250 по 230 год — «все еще» были на месте: работало в них примерно двести агентов Патруля. Письменные связи с отделениями в будущем, как выяснилось после. Проверки, оказались невозможными.

Обеспокоенные патрульные собрались на совещание в Академии, в олигоценовом периоде. Присутствующие свободные агенты соответствовали по званиям своим коллегам, работавшим постоянно в тех или иных отделениях, хотя между собой они не были равны в правах.

Эверард неожиданно для себя оказался председателем комитета самых высокопоставленных офицеров Патруля. Это была трудная и мучительная работа. Люди, собравшиеся здесь, подчинили себе пространство и время, они владели оружием богов, но все же оставались людьми с человеческими недостатками — упрямством, своеволием, раздражительностью.

Все согласились с тем, что происшедшее необходимо исправить. Но возникали опасения относительно судьбы тех агентов, которые, как в свое время Эверард, могли находиться сейчас в будущих эпохах, не будучи заблаговременно предупреждены о предполагаемых действиях. Если они не вернутся к тому моменту, когда история еще раз будет изменена, они просто перестанут существовать.

Эверард организовал несколько спасательных экспедиций, но сомневался, что они достигнут успеха. Он твердо приказал спасателям вернуться в течение дня по местному времени, если они сами не хотят оказаться в положении спасаемых.

Специалист по возрождению науки тоже высказал некоторые соображения. Конечно, безусловный долг всех, кто уцелел, восстановить «первоначальную» линию развития времени. Но существует и долг перед наукой. Открылись блестящие и уникальные возможности изучения новой линии времени в истории человечества. Нужно провести антропологические исследования в течение нескольких лет, прежде чем… Эверард с трудом прервал это словоизвержение. У них оставалось не так много патрульных, чтобы идти на подобный риск.

Были созданы исследовательские группы с задачей — определить точный момент и обстоятельства, при которых произошло изменение. Разгорелись яростные споры о том, как следует действовать. Эверард глядел в окно в доисторическую тьму и думал, что саблезубые тигры, в конечном счете, справляются со своими делами куда лучше, чем их обезьяноподобные потомки.

Когда все группы и команды были, наконец, назначены, расставлены по местам и отправлены, Эверард открыл бутылку виски и напился вместе с Ван Сараваком до бесчувствия.

На следующий день руководящий комитет заслушал сообщения спасателей, побывавших в различных эпохах будущего. С десяток патрульных удалось выручить из более или менее

затруднительных положений; человек двадцать, видимо, придется списать со счетов. Рапорт групп, занимавшихся разведкой, был интереснее. Оказалось, что два гельветских купца присоединились к Ганнибалу в Альпах и полностью вошли к нему в доверие. После войны они заняли в Карфагенской империи высокое положение. Назвавшись Фронтос и Химилко, они практически управляли государством, организовали убийство Ганнибала и жили с небывалой роскошью. Один из патрульных видел и самих узурпаторов, и их дворцы.

— Масса предметов и усовершенствований, о которых в античные времена не могли и мечтать. Сами они показались мне нелдорианцами из 205-го тысячелетия.

Эверард кивнул. Это был век бандитов, с которыми Патрулю «уже» немало пришлось повозиться. Думаю, что все ясно, — сказал он. — Были они или не были с Ганнибалом до сражения при Тицине, не имеет никакого значения. Нам было бы чертовски трудно захватить их в Альпах незаметно, не наделав такого шума, из-за которого мы сами, чего доброго, можем изменить ход событий. Важно то, что, по всей видимости, именно они убили обоих Сципионов, и именно в этот момент истории нам следует вмешаться».

Англичанин из девятнадцатого века, весьма компетентная в своем деле, но напоминающий полковника Блимпа, развернул составленную им карту боя, который он наблюдал «помощью инфракрасного телескопа сквозь низкие облака.

— Римляне стояли вот здесь…

— Знаю, — сказал Эверард. Тонкая красная линия. Критический момент наступил, когда они обратились в бегство, но «предшествующая сумятица может оказаться нам в помощь. Ну что ж, придется окружить поле, но считаю, что в самой битве должны участвовать только два агента. Эти «купцы» наверняка все время будут начеку, ожидая возможного противодействия. Отделение в Александрии может снабдить меня и Вана нужной одеждой.

— То есть как! — воскликнул англичанин. — Я полагал, что достоин чести.

— Нет. Простите.

Эверард улыбнулся краешком губ.

— Какая там честь? Просто возможность сломать себе шею ради того, чтобы уничтожить целый мир таких же людей, как мы сами.

Эверард поднялся.

— Идти надо мне, — бесстрастно сказал он. — Не могу объяснить почему, но знаю, что идти должен именно я.

Ван Саравак кивнул.

***

Они оставили скуттер под защитой купы деревьев и пошли через поле боя.

За горизонтом, высоко в небе, парило около сотни скуттеров с вооруженными патрульными, но это было слабым утешением среди свиста копьев и стрел. Низкие облака стремительно мчались под напором холодного ветра, моросил мелкий дождь, в солнечной Италии наступила поздняя осень.

Пробиваясь сквозь месиво грязи и крови, Эверард чувствовал тяжесть панциря на своих плечах. На нем был шлем, поножи, римский щит на левой руке и меч у пояса, но в правой руке он держал станнер. Ван Саравак, экипированный точно так же, тащился сзади, глядя по сторонам из-под развевающегося на шлеме командирского плюмажа.

Взвыли трубы, застучали барабаны. Эти звуки почти потонули в воплях людей, топоте ног, ржании лошадей, потерявших всадников, свисте стрел. Только немногие командиры и разведчики все еще держались верхом; как это часто бывало до изобретения стремени, бой, который начинался сражением конницы, превращался в рукопашные схватки, когда всадников выбивали из седла.

Карфагеняне наступали, прорубаясь сквозь римские линии и сминая их. То в одном месте, то в другом сражение превращалось в отдельные стычки: люди проклинали противников и бросались врукопашную.

Здесь бой уже кончился. Вокруг Эверарда лежали трупы. Он поспешил за отступающей римской армией, к сверкающим вдали значкам легионов — бронзовым орлам. За шлемами и трупами он различил победно развевающееся пурпурно-красное знамя. И тогда, словно чудовища на фоне серого неба, подняв хоботы и трубя, выступили слоны.

Война всегда одинакова: это не бравада храбрецов и не аккуратные линии на картах, а крики, пот и кровь людей, мечущихся в круговерти боя.

Темнолицый худощавый карфагенянин-пращник со стоном пытался вытащить копье, застрявшее у него в животе. Но сидящий на земле рядом с ним римский крестьянин не обращал на него никакого внимания и только с недоумением рассматривал культю

своей руки.

Над полем кружили вороны. Они покачивались на ветру и ждали своего часа.

— Скорей! — прошептал Эверард. — Поспеши, ради всего святого! Линия обороны может рухнуть в любую минуту.

В горле у него пересохло, он поспешно заковылял туда, где развевались знамена Республики. Ему пришло в голову, что в душе он всегда стоял за победу Ганнибала, а не Рима. Было что-то отталкивающее в его холодной и всеядной жадности. И вот он здесь, пытаясь спасти этот вечный город. Да, жизнь — странная штука.

Его немного утешало то, что Сципион Африканский был одним из немногих порядочных людей, оставшихся в живых после войны.

Стоны и крики усилились — римляне откатывались назад. Эверард увидел нечто похожее на волну, разбивавшуюся о скалы. Но здесь двигалась не волна, а скала, с громким криком и нанося удары…

Он побежал. Мимо него, крича от страха, пронесся легионер. Седоволосый римский ветеран плюнул в землю, широко расставил ноги и бился, не сходя с места, пока не упал замертво. Карфагеняне держали строй и наступали под нечеловеческий грохот барабанов.

Там, впереди! Эверард увидел группу римлян, окружившую полководцев верхом на лошадях. Они высоко поднимали бронзовых орлов, что-то громко кричали, но их невозможно было расслышать из-за шума битвы.

Мимо пробежала небольшая группа легионеров. Их начальник окликнул патрульных:

— Эй, вы, спешите туда! Мы еще покажем им, клянусь лоном Венеры!

Эверард покачал головой и продолжал свой путь. Римлянин оскалил зубы и кинулся на него.

— Ах ты, трусливый…

Луч станнера оборвал его слова. Он рухнул в грязь. Остальные легионеры дрогнули, закричали и бросились бежать. Карфагеняне были очень близко — сплошная стена щитов и мечей, с которых стекала кровь. Эверард увидел орлиный профиль одного из них, свежий шрам на щеке у другого.

Копье отскочило от его шлема. Он наклонил голову и побежал. На его пути возникла стычка. Он хотел обойти дерущихся, но споткнулся о труп и упал. На него свалился какой-то римлянин. Ван Саравак с проклятиями вытащил Эверарда и получил удар мечом по руке.

Неподалеку люди Сципиона, окруженные врагами, безуспешно пытались отразить атаку. Эверард остановился, набрал побольше воздуха в легкие и внимательно огляделся. Сквозь сетку дождя он увидел группу приближающихся римских всадников в мокро отблескивающих доспехах. Кони их по брюхо были забрызганы грязью. Это, должно быть, сын, Сципион Африканский, спешил на помощь отцу. Под копытами дрожала земля.

— Вон там!

Ван Саравак закричал и махнул рукой. Эверард пригнулся. Дождь стекал с его шлема на лицо.

С другой стороны группа карфагенян направлялась к тому месту, где дрались римляне. Во главе их гарцевали два человека, высокие, с грубыми чертами лица, характерными для нелдориан. Они были одеты в те же доспехи, что и остальные, но в руке каждый держал по длинноствольному пистолету.

— Сюда!

Эверард круто повернулся и побежал к ним. Кожа его панциря скрипела на ходу.

Карфагеняне заметили патрульных, когда те были уже совсем близко. Только тогда какой-то всадник выкрикнул предупреждение. Двое безумных римлян! Эверард видел, как воин ухмыльнулся в бороду. Один из нелдориан поднял свой бластер.

Эверард бросился плашмя на землю. На том месте, где он только что стоял, мелькнул страшный сине-белый луч огня. Он выстрелил лежа, и одна из африканских лошадей упала. Раздался лязг металла. Ван Саравак стоял на месте и методично нажимал на курок. Два, три, четыре, и вот уже один из нелдориан свалился с лошади в грязь.

Воины рубились вокруг Сципионов.

Эскорт нелдориан завопил от ужаса. Действие бластера они, очевидно, видели раньше, но невидимое оружие, которым поражали Эверард и Ван Саравак, было для них в диковинку. Они разбежались. Второй нелдорианин с трудом успокоил свою лошадь и повернулся, намереваясь последовать за ними.

— Присмотри за тем, которого ты сбил, Ван, — выкрикнул Эверард. — Оттащи его с поля боя, нам придется допросить…

Он быстро вскочил на ноги и поймал пробегавшую мимо лошадь без седока. Вскочить в седло и последовать за оставшимся нелдорианином было делом одной минуты — Эверард даже не успел толком сообразить, что он делает.

Позади Публий Корнелий Сципион и его сын отбились, наконец, от карфагенян и присоединились к своей отступающей армии.

Эверард скакал сквозь хаос. Он все убыстрял бег лошади и только приветствовал, что нелдорианин тоже пришпоривает своего коня. Как только они окажутся за пределами поля боя, сверху может спуститься скуттер и быстро решить исход схватки.

Та же мысль, очевидно, пришла в голову и нелдорианину. Он развернул коня и прицелился. Эверард увидел вспышку и почувствовал жжение: огненный луч едва не задел его левую щеку. Эверард поставил свой станнер на широкий диапазон действия и, стреляя, помчался вперед.

Вторая молния попала его лошади прямо в грудь. Колени животного подогнулись, и Эверард вылетел из седла. Тренированное тело смягчило удар от падения — он быстро поднялся на ноги и бросился навстречу врагу. Правда, станнер Эверарда остался лежать где-то в грязи, рядом с лошадью, но искать его уже не было времени. Неважно! Если он останется жив, оружие можно будет найти потом, тем более что станнер сделал свое дело. Широкий луч попал в цель. При таком расстоянии он не мог, конечно, сбить с ног, но нелдорианин выронил свой бластер, а лошадь едва стояла, шатаясь и закрыв глаза.

В лицо Эверарда бил дождь. Он бросился к лошади. Нелдорианин соскочил на землю и выхватил меч. В ту же минуту в воздухе сверкнул клинок Эверарда.

— Как вам будет угодно, — сказал он по-латыни. — Но один из нас останется на этом поле.

9

Луна осветила горы, и снег тускло заблестел на их вершинах. Далеко на севере лунный свет отразился от ледника. Где-то завыл волк. Кроманьонцы что-то пели в своей пещере, их напев едва слышно доносился до веранды.

Дейрдра стояла в темноте. Лунный свет высветил ее лицо, мокрое от слез. Когда Ван Саравак и Эверард подошли к ней сзади, она с удивлением посмотрела на них.

— Так скоро? — спросила она. — Но ведь вы приехали сюда и простились со мной только сегодня утром.

— Мы быстро справились, — ответил Ван Саравак, первым делом выучивший под гипноизлучателем древнегреческий.

— Я надеюсь… — она попыталась улыбнуться, — вы уже освободились и теперь сможете хорошо отдохнуть.

— Да, — сказал Эверард. — Мы освободились.

Некоторое время они стояли молча рядом, вглядываясь в снежную равнину перед ними.

— Это правда, что я никогда не смогу вернуться домой? — тихо спросила Дейрдра.

— Боюсь, что да. Заклинания…

Эверард и Ван Саравак переглянулись.

Они получили официальное разрешение сказать девушке все, что сочтут нужным, и взять ее в любое место, где она, по их мнению, сможет быстро привыкнуть к новой жизни.

Ван Саравак настаивал, что этим местом может быть только Венера его века, а Эверард слишком устал, чтобы спорить.

Дейрдра глубоко вздохнула.

— Пусть будет так, — сказала она. — Я не собираюсь тратить всю жизнь на сожаления. Ведь Великий Баал в конце концов дарует счастье моему народу. Правда?

— Уверен в этом, — сказал Эверард. Внезапно он почувствовал, что у него больше нет сил. Он хотел только одного: поскорей добраться до постели и заснуть. Пусть Ван Саравак скажет ей, что следует сказать, и получит свою награду.

Эверард кивнул товарищу.

— Прощай, — сказал он. — Теперь дело за тобой, Ван.

Венерианин взял девушку за руку. Эверард медленно пошел в свою комнату.

Уильям Гроув
АНГЕЛОЧЕК ДЖОНА ГРАНТА (Пер. с англ. В.Устинова)

В 10.45 Грант сошел с электрички из Стамфорда на вокзале Грэнд Сентрал. Как обычно, он прошел через выход на Лексингтон. Но, вместо того чтобы направиться в свой офис, забрел в бар на Третьей Авеню. Его мучило жесточайшее похмелье и чувство вины…

В поезде по пути в город он продолжал задавать себе один и тот же вопрос: «Господи, что же мне делать?» Прошлым вечером, в порыве внезапной и безрассудной страсти, Грант загубил свое будущее.

— «Блэк-энд-Уайт» с содовой, — бросил он бармену, доставая дрожащими пальцами портмоне. Залпом выпив виски, заказал вновь: — А теперь двойной, в высоком стакане и побольше льда.

— Да, сэр.

Из лежащей на стойке бара сдачи Грант выбрал десятицентовую монету и направился к телефонной будке. Набрав номер офиса, он спросил секретаршу. — Руби, не называй меня по имени, скажи только, Фред уже приходил?

— Да, сэр, — ответила Руби. Она была значительно старше остальных девушек в конторе и, может быть, именно поэтому фанатично предана Гранту. — Но ушел с клиентом. На обед у него назначена встреча. Будет в офисе после трех.

Грант облизал пересохшие губы. — Послушай, а Джек Регал мне сегодня не звонил?

— Нет, сэр.

— А Фреду? Дорогуша, мне это очень важно. Я должен знать, не пытался ли Джек Регал каким-то образом сегодня утром связаться с Фредом.

— Я не знаю.

Грант обливался потом, и не только оттого, что находился в телефонной будке.

— Послушай, постарайся выяснить. Но осторожно. Я не хочу, чтобы Фред или кто-то другой догадался, что я спрашивал. И, Руби, побудь, пожалуйста, в конторе, пока я не приду. На обед сходишь после часа.

— Да, конечно.

Грант вернулся в бар. «Фред никогда не сделал бы такой глупости», — подумал он. Фред никогда бы не влип в такую

историю с женой перспективного клиента. «Не удивительно будет, — сказал он себе, — если Фред решит расторгнуть их партнерство! Вдвоем они владели тем, что Грант называл «самым маленьким рекламным агентством в мире». Оно не было таким уж маленьким, но, если агентство не будет процветать и зачахнет, то у смертного одра будет только двое скорбящих: Фред и он сам. Разумеется, с женами и детишками. И, если они не выживут, сознавал Грант, это будет по его вине.

В течение шести месяцев он старался заполучить счет, то есть исключительное право на рекламу товаров фирмы «Регал Фрокс». Фирма занималась моделированием, пошивом и продажей одежды для девочек до десяти лет («Платье от Регала — это регалии маленькой принцессы»). Корпорацией управлял Джек Регал — молодой, мускулистый, агрессивный, быстро лысеющий мужчина. Счет Регала был большим, счет национального масштаба. У Гранта с Фредом не было ничего подобного. Полгода Грант вкалывал, чтобы получить его, и вот прошлым вечером он все испортил.

Джек Регал и его жена Джеки — вообще-то ее имя было Джудит, но все ее звали Джеки — пригласили Гранта и его жену Эдит на ужин в свой дом в ривердейлской стороне Бронкса. Он располагался на участке не менее акра — большой, комфортабельный дом. Как только Грант с Эдит пришли, Джек потащил их в комнату на первом этаже, где у него была собрана игрушечная железная дорога. Там же был бар, удобные кресла и диваны. На всем стояли монограммы «Дж-энд-Дж». Джек смешал мартини в шейкере размером с подставку для зонтиков, и они выпили по нескольку бокалов, прежде чем Джеки, которая была занята с детьми, присоединилась к ним.

Когда Грант увидел ее, он ощутил внезапный приступ сексуального влечения, подобного которому с ним не случалось со времен учебы в колледже. Он был удивлен, потому что во внешности ее не было ничего необычного: слишком приземиста, чтобы быть красавицей, слишком пухленькая, чтобы быть шикарной. Но когда их представили друг другу, и Грант взял ее за руку, он почувствовал, как ее пальцы дрожат в его ладони. На мгновение они встретились взглядами, ион увидел в ее глазах такое же страстное желание.

После женитьбы у Гранта не было ни одной любовной интрижки. Когда были возможности, не хотелось отрывать время от работы. Да и большого значения он этому не придавал. Если бы кто-то спросил его мнение, Грант, скорее всего ответил бы с легкостью:

— О, я думаю, редко какая пара проживает всю свою

совместную жизнь без чего-то такого.

Но когда Грант увидел Джеки Регал, то, что он почувствовал, нельзя было бы с легкостью отмести; -

Если бы не эти чертовы мартини. Трижды к ним вниз заходила горничная и спрашивала, не нужно ли им чего-нибудь принести. Каждый раз Джек отвечал: «Нет», после чего они добавляли пару коктейлей. И все четверо напились.

Грант помнил, как он встал с вполне честным намерением найти туалет. Он не помнил, вышла ли Джеки из комнаты до или после него. Но помнил, что встретил ее в дворецкой — маленькой комнатке с двустворчатой дверцей на пружинах. Он протянул к ней руки, и она бросилась к нему в объятия. Они попросту впились друг в друга. Внезапно дверь за ними приоткрылась, и кто-то произнес: «Ой, извините», — и дверь закрылась.

Джеки отпрянула от него, но было уже поздно. — Я думаю, он не увидел, — сказала она хрипловатым голосом, глядя на него и облизывая губы, словно собиралась с удовольствием его съесть. — Иди, умойся.

Но Грант знал, что только слепой мог не увидеть. И, стоя в злосчастной дворецкой, он понял, что потерял то, за что так упорно боролся.

— Хорошо, пойду умоюсь, — сказал он упавшим голосом и направился в ванную.

Когда Грант вернулся в комнату, то заметил напряженность, почувствовал тягостное молчание, царившее среди троих остававшихся здесь до его прихода. Джек все видел и, очевидно, рассказал Эдит. Об ужине память Гранта сохранила только то, что он старался выпить как можно больше вина, чтобы заглушить ужас. Он не помнил, как они распрощались и как возвращались в Стамфорд. В Нью-Йорк на встречу с ним Эдит приехала на машине, возможно, она отвезла их назад. Когда он уехал утром, она еще спала, но когда вечером он вернется домой, Эдит наверняка спать не будет.

«О, Господи, — подумал Грант, — что же мне делать?»

— Не беспокойся, — раздался чей-то мягкий голос. — Все окончится гораздо лучше, чем ты думаешь.

Грант обернулся. Рядом с ним на стул у стойки бара садилась девушка. Он не видел, как она вошла, слишком был погружен в свои мысли. На вид ей было не больше двадцати одного. Одета она была в женский вариант классического Честерфилдского костюма, а в руке держала трость эбенового дерева с простым набалдашником из слоновой кости. Грант раньше никогда не видел, чтобы такая молоденькая девушка носила трость. Он даже подумал, что у нее что-то было повреждено — может быть,

растянула лодыжку, катаясь на лыжах. Но нет, ноги ее вроде были в отличном состоянии. Она не носила шляпу, и волосы ее рассыпались золотом. Это были не просто волосы блондинки, а именно золото, отливавшее блеском в темноте бара.

То, что она сказала, застало Гранта врасплох, а потом рассердило. Чтение чужих мыслей, по его мнению, было бесцеремонным вмешательством в частную жизнь.

— Прошу прощения? — холодно сказал он.

— Я говорю, первый глоток за день, — улыбаясь, сказала девушка. — Нет ничего лучше, чем первый глоток за день. — Не снимая перчатки, она подняла свой бокал.

— Вы уверены, что сказали именно это? — спросил Грант.

— Разумеется, — ответила она. — А вы что подумали?

Грант покачал головой. Если у него начинались слуховые галлюцинации, то он не собирался обсуждать их в барах. Что он сделает, так это пойдет к врачу.

— Ну, за все хорошее, сказала девушка, отпила из своего бокала и вздохнула от удовольствия. Внезапно она покраснела. — О, обычно я не пью в такое время, но для меня сейчас уже пять часов. — Она отвернула правый рукав своего пиджака и глянула на массивные профессионального вида часы на запястье. — Восемь минут шестого, если уж быть точной.

Грант с интересом посмотрел на нее:

— Уж не носите ли вы две пары часов?

— Как вы догадались? — воскликнула она. — Да, на левой руке с местным временем, — она показала ему часы. — А эти…

— Среднее время по Гринвичу… — окончил за нее Грант.

Она помедлила с ответом. — Вообще-то нет. Это время того места, откуда я прибыла. Но принцип тот же. А вы откуда узнали?

— У меня был знакомый пилот, — сказал Грант. — Он летал в Австралию и обратно. Очень длительные перелеты. Так вот он привык носить две пары часов. А вы не пилот?

— Как сказать. Я летаю.

— Я имею в виду, не пилот пассажирской авиакомпании?

— Нет, мне не позволяют транспортировать группы людей, — ответила она, и в голосе ее сквозила печаль.

— В этом нет ничего странного, — сказал Грант. — Я бы удивился, если бы какая-то авиакомпания наняла вас.

— О, вы так говорите только потому, что я девушка, — сказала она с вызовом, вздернув свой очаровательный подбородок. — Если бы вы внимательно изучали историю, то заметили бы, что существа как мужского, так и женского рода транспортировали людей по воздуху с незапамятных времен. Иногда даже очень большие группы людей.

Кажется, Грант читал когда-то статью в газете о женщине, которая в двадцатых годах летала вторым пилотом в коммерческой авиакомпании в Новой Англии. — Так вы летаете?

— О, да. Я летаю по всему свету, все время. Но я летаю одна.

— Вы имеете в виду, у вас свой самолет…

— О, нет, — ответила она торопливо. — Я только имела в виду, что летаю сама, в одиночестве. Но когда-нибудь, — добавила она мечтательно, — когда-нибудь я буду транспортировать группы людей. Когда-нибудь мне обязательно позволят.

— Кто позволит? Люди, на которых вы работаете? Откуда вы знаете?

— Те, которые стоят надо мной, — ответила она, почему-то подняв глаза кверху. — О, я знаю, что позволят. Видите ли, именно для этого я и создана.

Грант не мог себе представить это хрупкое существо, в пилотской кабине сверхзвукового лайнера.

— Многие из нас уверены, что обладают талантами, которых в действительности нет. Только когда мы на практике доказываем свои способности…

— Я же вам сказала, что создана для этого, — упрямо повторила девушка. — И только для этого. Но мне сейчас нужно убедить свое начальство.

— Вы имеете в виду, показать, что вы можете?

— О, они знают, что я могу, — ответила она. — Но я должна доказать, что достойна. Понимаете, когда я была моложе, то попала в неприятную историю. Напилась в Чикаго.

Грант улыбнулся — любой подросток когда-то в первый раз напивается.

— Но я была пьяной с вечера накануне Дня Благодарения до второго дня после Нового года, — сказала она. — Это вас не шокирует?

— Меня это удивляет, — ответил Грант.

— Я тогда была еще младенцем, — объяснила она. — Совершенно новенькой. Я напивалась и жила в дорогих отелях, покупала роскошную одежду. Каждый вечер я выходила в город, растрачивала все золото, которое они мне давали, подписывала чеки на огромные суммы. А два раза даже чистила карманы.

— Вот как? — удивился Грант.

Она наклонилась к нему и прошептала: — Это нетрудно. Хотите покажу?

— Нет, — ответил Грант. — Не надо.

— Ладно, все равно заберите ваше портмоне, — сказала она, протягивая ему его кошелек. Кошелек до этого лежал в кармане

его пиджака.

— Неудивительно, что вы попали в беду, — заметил Грант. — Пьянствовали, тратили казенные деньги, воровали… — Он пристально посмотрел на нее. — А еще был мужчина, не так ли? Красивый, беспутный, никчемный…

Она зарделась очаровательным розовым цветом. — А это уж не ваше дело, — сухо сказала она. — Не вам меня учить, Джон Грант. Вы тоже иногда изрядно напиваетесь. И у вас делишки с женщинами.

— О, это ловкий трюк, — признал Грант. — Но я вам скажу, как вы это проделали. Моя фамилия на визитке в кошельке. Насчет того, что я напиваюсь… это свойственно человеку. Ну, а насчет женщин… то это просто наугад.

Она хихикнула. — О, это проще всего. Вы мужчина. Такое должно случаться.

Грант улыбнулся.

— Штаб-квартира вашей компании в Нью-Йорке?

— Нет, в другом месте. Но здесь я бываю часто. Мне здесь нравится. Столько жизни, столько людей…

Она некоторое время молчала в задумчивости. — Может быть, вы подумаете, что я ненормальная, но знаете, что я делаю, когда бываю здесь? Я иду в Бауэри и, если встречаю кого-нибудь в отчаянном положении, какого-нибудь несчастного и больного бродягу, то покупаю ему выпивку и еду, оплачиваю ночлег. Вы, наверное, подумаете, что я ненормальная.

— Нет, это добрый поступок, — возразил Грант серьезно. — Я думаю, это настоящий акт милосердия.

— В самом деле? — спросила она, глядя на него сияющими глазами. — Я так рада, что вы мне это сказали. Я сама не очень-то сильна в определениях.

— Это акт милосердия, — повторил Грант с уверенностью.

— Знаете, я хочу вам еще кое-что рассказать, — прошептала она, придвинувшись к нему еще ближе. — Я не тронутая или что-нибудь в этом роде. Не хотелось бы, чтобы вы так подумали. Но… я медитирую.

— Медитируете? — переспросил он.

Она кивнула. — Да. Время от времени. Даже часто. И я хотела бы рассказать вам об этом.

— Расскажите, — попросил Грант.

— Некоторые думают, что нужно идти в часовню или храм, какое-нибудь место, где написано «открыто для отдыха, раздумий и молитвы». Но это вовсе не обязательно. Я отыскиваю святые места. Можно, скажем, зайти вон в ту телефонную будку и медитировать. Но лучше для этого пойти в святое место.

— Святое место? — переспросил он.

— Вы их можете найти ближе к природе. Это может быть берег моря ночью, когда набегающие волны несут с собой фосфоресцирующий свет. Или когда вы один в тишине соснового леса. Рекомендую вам такие места. Это жизненный опыт, который будет очень полезным для вас.

— Вообще-то я люблю природу, — сказал Грант.

Она бросила взгляд на свои огромные часы на правой руке.

— О, мне нужно лететь. Но я вам закажу один стаканчик на прощание. — Она подала знак бармену.

— Нет, это я вас угощу.

— О, нет, — возразила она. — Я должна. Она подняла свой бокал и улыбнулась ему: — За счастье.

— Аминь, — произнес Грант.

Она положила свою руку в перчатке ему на плечо, потом легонько коснулась его щеки. — Благословляю тебя, — сказала она.

— Что? — переспросил Грант.

— Я сказала вам до свидания. У вас что, какие-то проблемы со слухом?

— А, нет. Нет, — твердо ответил Грант.

Она пошла к двери, потом внезапно обернулась. В ее правой руке была трость, и она направила ее на него, словно указку.

— О, еще одно. Будь поосторожнее со своими женщинами. — Она засмеялась, подмигнула ему и вышла за дверь.

«Черт, я забыл спросить, как ее зовут», — подумал Грант. Он подошел к двери и выглянул на улицу. Ее не было. Может быть, она сразу села в такси. Грант, улыбаясь, вернулся в бар. Какая очаровательная девушка, — подумал он. Настоящий ангелочек?? Похмелье у него, кажется, прошло.

…

Грант вышел из бара и направился к центру города. Ему не хотелось идти в офис. На углу 51-й улицы он повернул и пошел на восток к реке. Облокотившись на металлическое ограждение, Грант стал смотреть на воду. Он так долго стоял не шелохнувшись, что чайка дважды пролетела у него над головой, прежде чем решила, что он не съедобен и не годится в качестве насеста. Много лет прошло с тех пор, как Грант стоял здесь в последний раз. Он только начинал работать в Нью-Йорке и приходил сюда почти каждый день. Подолгу смотрел на воду и строил планы. Иногда он рассказывал о них Фрэнсис, которая тогда была его девушкой. Девушка из Гринвич Виллидж — всегда с какой-нибудь книжкой Сартра подмышкой, вступающая в разговоры с прохожими вместо того, чтобы идти на занятия в

колледж. Они жили в одной комнате с электроплиткой и без холодильника. Посуду им приходилось мыть в ванной. По воскресеньям она вставала раньше него и бежала в булочную Саттера, чтобы купить что-нибудь к завтраку. Когда она возвращалась, булки были еще теплыми.

Чайка села на ограждение.

— Вот что я тебе скажу, птица, — обратился к ней Грант. — Я прошел долгий путь от электроплитки до собственного дома в Стамфорде, штат Коннектикут. И я не собираюсь терять ничего из того, чего добился. Ни одного паршивого одуванчика или даже семечка пырея. Ты поняла?

Чайка в ужасе закричала и улетела.

Грант уставился на свою ладонь, словно в ней лежала его жизнь. Целых два акра земли в графстве Фэйрфилд с настоящим домом XIX века и настоящим бассейном XX века. Постоянная служанка, которая жила в доме. Приходящий садовник. Массивный «Бьюик», «Порше» и старинный «Морган», с которым он возился по выходным. Скоро он купит катер — сыну исполнилось семь лет, можно уже учить его управляться с лодкой. Дети посещали хорошие школы зимой, а летом — хорошие лагеря. Постоянная жена, Эдит, которая тоже жила в доме; она вечно делала что-то для Лиги Женщин-Избирательниц или какой-нибудь другой организации. Она уговорила его удочерить девочку-гречанку — разумеется, удочерить не по-настоящему, а просто посылать деньги и писать письма. И, наконец, у него было партнерство с Фредом.

Грант сжал ладонь, как будто увидел свое будущее. Боже мой, ведь это только один счет, подумал он. Если я его потерял, то потерял. Будут и другие клиенты. А Эдит должна будет понять, что я перепил, только и всего.

Грант пошел пешком через город. Он увидел табачную лавку, зашел внутрь и позвонил Джеку Регалу. Секретарша попросила его подождать.

Через несколько секунд трубку взял Регал. — Грант? Господи Иисусе, приятель, ты еще жив сегодня?

— Вообще-то утром я пытался лечиться от похмелья, — ответил Грант. — Знаешь, я даже не помню, как уходил из твоего дома. Не помню, как мы ехали в Стамфорд.

— Слушай, а я даже не помню ужина, — сказал Джек. — Последнее, что я помню, это как мы сидели, смеялись и пили в игровой комнате. Потом, бум!.. Девять часов утра, и Джеки распекает меня за то, что мы так надрались. Слушай, а мы вообще ужинали?

«Господи, да он не помнит, — подумал Грант. — Не помнит

про нас с женой, он был слишком пьян!»

— Могу тебе сказать, Джек. Я помню только, что вино было превосходное. Да, почему я звоню. Могу я пригласить тебя на обед?

— Не сегодня, приятель. Сейчас я жду несколько междугородных звонков. Давай пообедаем завтра. Я за тобой заеду, потому что мы должны обсудить детали. Я решил поручить вам с Фредом свой счет. Я решил, что вы с Фредом посвятите моему счету столько времени и энергии, сколько я считаю нужным.

«Я заполучил его, — подумал Грант. — Все-таки заполучил!»

— Джек, это великолепно, — сказал он. — Мы очень это ценим. Фред и я — мы оба это ценим.

— Я должен заканчивать, приятель. Жду звонков.

— Обедаем завтра, — напомнил ему Грант.

… Он все еще улыбался, когда вошел в офис.

Его секретарша сняла очки и пощипывала переносицу, что было признаком того, что она нервничала.

— Миссис Грант в вашем кабинете, мистер Грант. Она хотела подождать вас. Она, кажется, так расстроена, так…

— Все в порядке, Руби! — перебил ее Грант. Но сам подумал, черт побери, только не здесь! Он не мог допустить в офисе семейную сцену. Нужно будет затолкать ее в такси, уговорить поехать куда-нибудь пообедать. Он энергичным шагом зашел в кабинет, сказал: — Привет, бэби, — жене и поцеловал ее.

Эдит была высокой, всегда безукоризненно выхоленной блондинкой. Но сейчас она выглядела так, как будто только что бежала от стихийного бедствия, надев на себя первую попавшуюся одежонку. Он знал, что Джек Регал мог забыть то, что видел, но Эдит наверняка помнила то, что слышала.

— Крошка, ты так же паршиво себя чувствуешь, как я? — спросил он. — Я выпил пару коктейлей, чтобы опохмелиться, но, пожалуй, выпью еще один. Как ты?

Эдит закрыла глаза, словно жизнь для нее была слишком мерзким зрелищем.

— Мне следовало бы лежать, но я должна поговорить с тобой. И не по телефону.

«О, Боже», — подумал Грант. Он направился к небольшому бару в углу кабинета.

— Я смешаю хайболы. И сообщу тебе хорошую новость. Джек Регал доверил нам свой счет.

Эдит судорожно отпила несколько больших глотков из своего бокала.

— Мне не нравятся некоторые вещи, которые ты делаешь,

чтобы заполучить клиентов.

— Мешаю бизнес с нашей светской жизнью? — попробовал отшутиться Грант. — Отныне я могу себе позволить нанять для этого какого-нибудь способного молодого человека.

— О, я не понимаю, как ты можешь быть таким спокойным! — разразилась она. — Ты же знаешь, что произошло вчера вечером. Я не понимаю, как ты можешь стоять здесь и так спокойно смотреть на меня! Неужели тебе все равно? Неужели тебя не интересует ничего, кроме агентства? — И она разрыдалась.

— Я сделаю тебе еще один коктейль, бэби, — сказал Грант голосом, полным раскаяния. — И постараюсь объяснить.

Когда Эдит плакала, что случалось нечасто, то расклеивалась полностью — всхлипывала, икала, без конца сморкалась, задыхалась. После второго коктейля она немного пришла в себя.

— Никогда в жизни мне не было так неловко и стыдно. Бесконечно неловко и стыдно…

— Знаешь ли… — сказал Грант, глубоко вздохнув.

— О, я сама рассказала бы тебе об этом, — перебила его Эдит. — Даже если бы ты не зашел и не увидел меня с этим противным коротышкой. Я бы тебе призналась.

Грант осторожно поднял свой бокал и отпил коктейль.

— То, что я сделала — это так ужасно. Позволить ему так себя лапать. Я имею в виду сегодня утром, когда я поняла, что позволила ему и даже не сказала нет. О, Боже мой. А потом вошел ты, а мы разлеглись на этом диване…

Эдит снова зарыдала.

«Черт возьми, когда эго было», — подумал Грант. Он не помнил ничего подобного.

— О, как ты можешь выносить меня? — твердила она, захлебываясь плачем. — Я никогда не позволяла себе ничего такого после нашей свадьбы. Мне так стыдно.

— Ну, прекрати, — сказал Грант машинально. — Это беспредметный разговор.

Телефон на его столе зазвонил. Он забыл сказать Руби, чтобы она ни с кем не соединяла.

— Да? — произнес он в трубку.

— Звонит женщина, которая не назвала своей фамилии. Я подумала, что она может быть вашей знакомой из Стамфорда или откуда-то еще. Она сказала, что ее зовут Джеки.

Грант почувствовал, как по его спине пошла дрожь. Произнесенное имя вызвало в памяти ее образ. Он вспомнил, как ее пальцы трепетали в его ладони, как он целовал ее, запах ее духов.

— Запиши номер, — попросил он. — Я постараюсь перезвонить.

Положив трубку, он подумал, может быть, она видела Эдит с Регалом. Может быть, она собирается раздуть скандал. Но как она может раздуть скандал? Корпорацией управлял Регал. А потом в голову Гранту пришла другая мысль: но, может быть; Регалом верховодит жена. «Вот дьявольщина», — подумал Грант. — Теперь мне придется ей звонить, придется с ней встретиться».

— Я пойду, — сказала Эдит. — Я мешаю.

— Нет, останься, — быстро возразил Грант. Он разгладил ей лоб ладонью и улыбнулся. — Послушай, ты раньше никогда не видела этого парня. У тебя с ним ничего не было. На вечеринке ты немного перепила, появилось желание пофлиртовать.

— Я зашла слишком далеко, — сказала Эдит совсем трезвым голосом.

— Послушай, ты же знаешь, что когда человек перебирает, у него в мозгу расслабляются сдерживающие центры. Прошлым вечером Регал тебе кого-то подсознательно напомнил. Нечто старое, атавистическое, связанное с твоим прошлым. Может быть, твоего отца…

— О, нет. Папа был высокого роста.

— Это не имеет значения. Для нас с тобой Джек Регал персонифицирует отца. Потому что он контролирует деньги. Деньги, которые мне нужны. Поэтому вполне понятно, что ты могла среагировать, как если бы он был…

Эдит покачала головой… — Нет, боюсь, что все гораздо проще. Я не хотела идти к ним на ужин. Мне не понравился ни он, ни его жена. По правде сказать, я сама его раздразнила. Чтобы в конце концов сказать ему нет. Чтобы проучить его, поставить на свое место. Я вела себя, как настоящая стерва.

Грант заметил, что она уж не чувствовала себя такой виноватой.

— Послушай, хочешь еще выпить? Я хотел бы, чтобы ты села на поезд, поехала домой и хорошенько выспалась. Сегодня я собираюсь ужинать дома, а не где-то еще.

— О, нет, только не это, — простонала Эдит. Она чмокнула его на прощание. — Увидимся вечером, — сказала она, улыбаясь, словно обещая ему что-то.

Грант выждал десять минут, чтобы она спустилась вниз и поймала такси на Грэнд Сентрал. После чего надел пальто и вышел в приемную к секретарше.

— Руби, дорогая, сегодня у меня тяжелый день. А тут еще что-то с детьми. Ты не подождешь, пока Фред вернется? Потом можешь быть свободна.

— О, я сочувствую, что у вас неприятности. Но, как насчет той женщины что звонила? — Она протянула ему клочок бумаги.

Грант посмотрел на телефонный номер. Это было где-то в Манхэттене. Он хорошенько запомнил его, потому выбросил бумажку в мусорную корзину.

— Ничего важного. Это насчет благотворительных взносов.

Спустившись на лифте в холл, он позвонил оттуда,

— Эй, Джеки?

— Да, это миссис Регал. Это вы, мистер Грант?

«Черт, все-таки собирается поскандалить», — подумал Грант.

— Да, миссис Регал. Это Джон Грант.

— Вы в офисе, мистер Грант?

— Нет, я в телефонной будке.

— О, — сказала она, и голос ее заметно расслабился и потеплел. — Я не хотела, чтобы целая свора секретарш подслушивала наш разговор. Послушай, почему я звоню. Он ничего не видел. Я подумала, что ты наверно беспокоишься, поэтому при первой возможности позвонила.

— Ты уверена? — спросил Грант.

— Слушай, он выпивает три мартини и полностью отключается. Никто этого не замечает, потому что, он выглядит как обычно. Сегодня утром я его спросила, и он сказал, что последнее, что он помнит, это как я спустилась к вам вниз. А это было в самом начале.

Грант сообразил, что она не видела Эдит с Регалом или ей было наплевать. «Парень, — сказал он себе, — ты вышел сухим из воды». С этих пор он собирался свято следовать одному правилу: не иметь никаких дел с женами клиентов.

— Эй, ты слушаешь? — спросила Джеки.

Ее голос звучал хрипловато…

Грант представил ее себе с телефонной трубкой в руке, облизывающей губы кончиком языка. «Черт меня побери, — подумал он, — я не должен этого делать».

После чего набрал в легкие побольше воздуха и сказал:

— Послушай, Джеки. Я очень хочу тебя видеть.

— Я тоже. Я для этого и приехала в Манхэттен. У тебя есть карандаш? Запиши адрес.

Адрес был на 70-й улице.

— Это квартира подруги, — пояснила она. — Джек не знает, что я с ней продолжаю встречаться. Он не знает, за кем она замужем. Так вот, они уехали в Южную Америку и оставили мне ключ, чтобы я могла последить за квартирой. Швейцара нет. Лифт автоматический. Так ты едешь, или как?

— Еду сейчас же, — ответил Грант. Он решил, что

остановится по дороге у винного магазина и купит шампанского.

Дверь лифта выходила прямо в квартиру, но открыть ее можно было только изнутри. Грант позвонил и увидел ее лицо через смотровое окошечко. И вот Джеки открыла дверь.

— О'кей, все выходят из лифта. Все заходят в квартиру.

Грант положил шляпу и пакет из винной лавки на маленький столик. Джеки направилась в гостиную. Он пошел за ней и обнял ее сзади, попытался повернуть лицом к себе. Но Джеки вырвалась.

— Погоди минутку, подожди. Ты даже не снял пальто. Я должна поговорить с тобой.

— Какие еще разговоры, — промычал Грант, целуя ей шею и плечи и пытаясь найти застежку молнии.

— Прекрати, ты меня с ума сводишь, — сказала она. — Послушай, я должна поговорить с тобой. То, что мы с тобой затеяли, очень серьезно. У меня были две подруги, которые тоже попали в такое положение, и это сломало им жизнь. Ида…

— Да ладно, дорогая, — выговорил Грант, пытаясь покрепче ухватить ее за запястья. — Чего там…

— Но, дай я расскажу тебе про Иду Гласс! Она все никак не могла решить, хорошо это или плохо. Так и не решила. Поэтому у нее был нервный срыв, полное нервное потрясение!

— Вот видишь? — сказал Грант, снова пытаясь нащупать молнию. — Вот к чему может привести неудовлетворенность.

— А как насчет Бернис? — воскликнула она. — Бернис решилась. Она втрескалась в этого парня по уши. Потом она сбежала с ним, оставила детей и все остальное. А потом этот мужчина бросил ее. Бедняжка Бернис. Сейчас она замужем в шестой раз.

Грант начисто забыл о том, что существует такая штука, как молния.

— А кто ведет разговор о таких вещах? — спросил он. — Кто говорит о замужестве.

— Я, я об этом говорю, — сказала она рассеянно. — Я имею в виду… Послушай, я никогда не думала, что сексуальна. Но вчера вечером ты заставил меня почувствовать себя такой сексуальной. Стоило только увидеть тебя. Я воспылала к тебе страстью, настоящей страстью. О, я хотела бы слиться с тобой. Но и только. Я имею в виду, почему мы не можем себе этого позволить без того, чтобы это мешало моей жизни? Ну, почему? Поэтому я хочу знать, чего ты ждешь? Я имею в виду, к примеру, у тебя вполне счастливая семейная жизнь или как?

— О, совершенно замечательная, — ответил Грант. Он схватил ее в объятия, и они вместе повалились на диван. — Это все, чего я жду. Вот этого.

— О, это мне нравится, — прошептала она ему в ухо. — Очень нравится.

***

В четыре часа за окном начало смеркаться. Грант подумал, что она спит, и попытался встать. Она протянула к нему руку и открыла глаза.

— Ты меня оставляешь? Куда ты идешь?

— Сделать коктейль. Тебе смешать?

— Ага. Слушай, я голодна. Сделай мне сандвич. В холодильнике индейка и русская приправа.[2] Побольше приправы.

Гранту показалось, что в квартире холодно, и по пути в гостиную он включил обогреватель. Он остановился у окна — чуть поодаль, чтобы его не было видно из дома напротив, и задумался. Это был самый странный день в его жизни. Жуткое похмелье утром. Ощущение, что он все потерял. Потом разговор с этой очаровательной девушкой. Настоящий ангелочек.

Он вновь повторил в уме эту фразу, и выбор слов его озадачил. Так он мог отозваться разве что о маленькой девочке, а девушка в баре вовсе не была такой уж молоденькой. В конце концов, она напилась в Чикаго, тратила…

— Растратила все золото, которое они мне дали, сказала она. Именно так, она говорила золото!

— Но в Чикаго нельзя тратить золото! — произнес Грант вслух.

— Ты так думаешь? — раздался голос из спальни. — Милый, возьми меня с собой в Чикаго, и я тебе покажу. А сейчас как насчет сандвича? И положи побольше приправы.

Грант спросил:

— Пикулей тоже побольше?

— Нет, милый, вообще без пикулей.

«Конечно, — подумал Грант, открывая холодильник, — «золото» на молодежном жаргоне должно означать деньги, как у нашего поколения «капуста». Наверняка. И все-таки она была чистый ангелочек».

Снова его мысли споткнулись на том же слове. «О, прекрати это, — сказал он себе, — или у тебя снова начнутся слуховые галлюцинации…» Но, может быть, их не было. Может быть, она действительно благословила его?

Грант сел на кухонную табуретку и уставился на русскую приправу.

Она внезапно возникла в баре. Ее волосы блестели, по-настоящему сверкали.

— Это время того места, откуда я прибыла.

Что же это за место?

— Нет, я имею в виду, что летаю сама…

Без самолета?

— Я должна доказать, что достойна, — так она еще сказала. Когда она бывала в Нью-Йорке, то находила кого-нибудь в отчаянном положении, и покупала ему выпивку. Психологически я был в самом отчаянном положении, подумал Грант, и она купила мне выпивку. Потом исчезла. Испарилась. А он пошел дальше от центра города, к реке.

Что она говорила о медитации? Что-то вроде того, что святые места можно отыскать поближе к природе. То место у реки было святыней его юности. Что она еще добавила?

— Это жизненный опыт, который будет очень полезным для вас.

«Но почему я? — подумал Грант. — Я не достойнее, и уж конечно не лучше любого другого».

Он принес в спальню сандвич, и Джеки поднялась и села на кровати, скрестив ноги по-турецки. Она внимательно посмотрела на него.

— У тебя странное выражение лица, — сказала Джеки, впиваясь в сандвич. — Что с тобой случилось?

— Я не знаю, — ответил Джон Грант.

После нескольких дней раздумий он решил, что, случайно или по какому-то предначертанию, встретился и разговаривал с ангелом. Он знал, что не мог бы этого доказать. Доказать того, что ангелы существуют. Но логически он не мог бы доказать и того, что они не существуют. Поэтому он предпочел верить, что разговаривал с маленьким ангелом. Тот факт, что он встретил ее в баре, объяснялся очень просто…

Она была падшим ангелом, но падшим не слишком низко. Естественно, она должна заглядывать в бары, чтобы доказать, что была достойной, что могла противостоять соблазну. И при этом она вела себя как истинная леди: два коктейля и не больше.

Самым трудным вопросом на который Гранту необходимо было себе ответить, касался его собственной роли. Почему она выбрала именно его? И ответ приходил самый простой.

Ангелы, совсем похожие на людей, посещают нас каждый день. Мы видим их тогда, когда готовы к этому или когда в этом возникает потребность. Но они всегда среди нас.

Какое-то время после этого Грант пытался найти ее. Он заходил в тот самый бар, но она в нем не появлялась. Однажды он три квартала шел за блондинкой по авеню Мэдисон, до того, как она остановилась у витрины магазина Аберкромби, и он увидел, что она была далеко не ангелом. Не раз он отправлялся и в Бауэри.

— Сюда иногда заходит моя приятельница, — обычно говорил он. — Невысокая девушка. Блондинка. Одета в черное пальто. Не приходилось ее встречать?

Бездомные бродяги относились к нему по-доброму, потому что он не скупился. Они брали его доллары и говорили, что обязательно запомнят и дадут знать, если встретят ее.

Через некоторое время Грант нашел святое место в лесу за своим домом в графстве Фэйрфилд. Это был большой камень, на котором он сидел. Его медитацию, понимал он, кто-то мог бы назвать просто раздумьями. Ему не открывались какие-то великие истины. Он думал о прошлом — о том, что случилось. А потом о будущем — о том, что он должен был сделать. А затем, умиротворенный, он вставал и возвращался к семье.

Очень скоро Грант начал процветать, разумеется, как и его компаньон Фред. В Стамфорде Грант приобрел известность за свою доброту по отношению к детям, птичкам и престарелым. Он стал более изощренным и нежным любовником — о, Джеки Регал могла бы написать об этом книги. А когда его и мучило похмелье, что случалось редко, то было оно не слишком сильным и проходило без следа до девяти часов утра.

Садок для рептилий

Двухтомник англо-американской фантастики

Часть II

Перевод с английского

(Серия «ФА» — «Фантасты XX века»), 1991

Перевод. Группа авторов, 1991

Составители. В.Кравченко, В.Терентьев, 1991.

Обложка. Л.Бетанов, Г.Шишкин, 1991.

Редактор Н.Поликсенова

Художественный редактор Л.Бетанов

Технический редактор М.Кислякова

Корректор Е.Лукошко

Ответственный за выпуск А.Березнев

Тираж 100 000 экз.

Набор и верстка МВП «НЕСТОР». 220113, Минск, а/я 563.

OCR выполнил Andy Kay. Andy_Kay@rambler.ru

Для проекта «Старая фантастика» http://sf.nm.ru

notes

Notes

1

Должен быть разрушен (лат.) — знаменитая фраза римского сенатора Катона Старшего о Карфагене, которой он заканчивал любую речь в сенате.

2

Русская приправа — майонез с соусом «чили» и пикулями или сладким перцем (прим. переводчика)